

Международная академия исследований будущего
Академия прогнозирования

И. В. Бестужев-Лада

МОЯ БОГОДАННАЯ РОССИЯ

Очерк истории
восьми диктатур
(862 — 2000 — 20??)

*Не монография!
Не учебник!
КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ*

Москва
Институт экономических стратегий
2007

УДК 94(470+571)+321
ББК 63.3-3
Б537

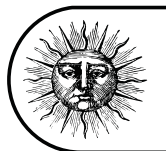
Разработка серийного оформления: Б. Д. Шульгин

ISBN 978-5-93618-132-0

© И. В. Бестужев-Лада, 2007
© Международная академия
исследований будущего, 2007
© Академия прогнозирования, 2007
© Институт экономических
стратегий, 2007

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Мир в начале Средневековья (V–XV века) <i>Диктатура традиций, нравов, обычаев</i> (во многом — до сего дня)	6
Глава 2. Киевская Русь (862–1240) <i>Диктатура варяжских «конунгов»-князей</i> и их «старшей дружины» — бояр	34
Глава 3. Монголо-татарское иго (1240–1480) <i>Диктатура ханов Чингисидов</i> и их баскаков	60
Глава 4. Московская Русь (1480–1709) <i>Диктатура боярства</i>	78
Глава 5. Российская империя (1709–1917) <i>Диктатура дворянства</i>	112
Глава 6. Советский Союз (1917–1991) <i>«Диктатура пролетариата»</i> (чиновничье-номенклатурного)	176
Глава 7. Постсоветская Россия (1991–20??) <i>Диктатура олигархата</i> (чиновничье-хапугного)	242
Глава 8. Переход в качественно новое состояние (первая половина XXI века) <i>Грядущая диктатура</i> <i>компьютера-Интернета</i>	270

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундыры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Скроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.*

М. Ю. Лермонтов

Мне уже девятый десяток и, согласно неумолимым законам статистики, я со дня на день должен сказать «прощай» родной России и расположенному на ее территории государству. Сначала — тоже родному, чьи злоключения пытался предотвратить созданием государственной службы прогнозирования, которое позволяло бы «взвешивать» последствия намечаемых решений. Затем — явно враждебному, когда выяснилось, что такая служба при тоталитаризме не нужна. Против этого государства я полтора десятка лет боролся оружием «незаконного антимарксизма»: говорил в печати, на РТВ и с трибуны о назревающих социальных проблемах, которые грозили перерасти в критические и катастрофические (что и произошло впоследствии). Когда же бесчеловечно-гулаговское государство рухнуло и на смену ему, как черт из табакерки, явилось жульническое, руководимое мошенниками под псевдонимом березовских-гусинских, пытался создать реальную оппозицию новому режиму, потерпел неудачу и с 1996 года полностью отошел от политической жизни. Нынешнее государство не враждебно мне, но во многом чуждо, хотя голосовал сначала за Ельцина, потом — за Путина. Так как остальные — намного хуже.

Все это сказано для того, чтобы заявить об отрешенности от какой-либо политической тенденциозности, присущей многим «историям» нашей страны. По крайней мере появившимся начиная с 1920-х годов. Задача этой книги иная. Не провести через историю идеологию какого-то политического течения, а показать суть происходившего и происходящего через призму современного подлинно научного общественно-научного, которое не следует путать с квазирелигиозными утопиями недавнего прошлого.

На протяжении нескольких десятилетий автору доводилось профессионально работать историком, социологом, футурологом, политологом, культурологом и философом истории. Даже преподавать эти дисциплины в высшей школе. Этот опыт и научный инструментарий использованы при написании данной книги.

Только один пример.

Государство Российское, с обществоведческой точки зрения, предстает последовательно как диктатура боярства, затем (с петровских времен) — как диктатура дворянства, затем (с 1917 года) — как «диктатура пролетариата» (чиновничье-номенклатурного), наконец (с 1991 года) — как диктатура олигархата (чиновничье-хапугного). Конкретное содержание этих терминов будет раскрыто в книге.

Глава 1. МИР В НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (V–XV века)

*Диктатура традиций, нравов, обычаев
(во многом — до сего дня)*

1

Полторы тысячи лет назад, в 500 году от Рождества Христова (или, что то же самое, «нашей эры»), мир являл собой картину, детально изученную и описанную историками.

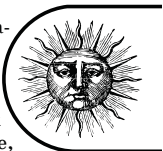
По югу евразийского материка от Балкан через Переднюю и Среднюю Азию к Индии и Китаю тянулась полоса цивилизованных государств — все, что осталось от Древнего мира и античной цивилизации после падения в предыдущем столетии Западной Римской империи. К западу, северу, востоку и югу от нее, да и во всем остальном мире вообще, располагались дикие и варварские племена. Оба эпитета не несут появившегося позже ругательного смысла («дикарь», «варвар»). Они означают только, что одни племена (дикие), как и первобытные люди, продолжали жить охотой и собирательством. А другие (варварские) перешли уже к животноводству и даже к земледелию, но еще не успели создать государства — аппарата для выколачивания дани с населения.

Кочевые варварские племена (животноводческие) нападали на оседлые (земледельческие), оседали на завоеванной земле и сами становились жертвой очередных захватчиков. Эта кровавая мясорубка, особенно ожесточенная к северу от «цивилизованной полосы», тянулась на протяжении многих столетий. В основе ее лежат те же причины, что обуславливают и периодические нашествия саранчи. Эпоха эта хорошо описана в трудах Л. Н. Гумилева — самого крупного русского историка и этнолога XX века.

В норме — хотя сегодня страшно называть это нормой — каждая четвертая женщина погибала от первых или последующих родов. А каждая вторая становилась инвалидом — не могла больше рожать. Зато остальные давали племени по пять-десять, а то и по десять-двадцать детей. Правда, из каждых четырех детей лишь один становился впоследствии отцом или соответственно матерью семейства. Двое погибали в детском возрасте и еще один — подростком. Кроме того, значительную часть выживших убивали болезни, голод, бесконечные войны. Тем не менее в конечном итоге каждых двух родителей в следующем поколении сменяли в среднем двое новых. И таким образом племя, если его не постигала катастрофа, могло существовать веками, то немного разрастаясь, то немного уменьшаясь в численности.

Иногда, однако, складывались настолько благоприятные обстоятельства — и стихийные (существенно уменьшалось количество погибших от болезней и голода), и социальные (не было губительных набегов соседей), — что каждых двух родителей в среднем сменяли уже не двое, а трое-четверо новых. Племя приходилось расширять поле деятельности, вступать в столкновение с соседями. А когда народа — в особенности молодых воинов — становилось совсем уж много, возникал соблазн напасть на соседей и истребить их или подчинить себе, чтобы затем вместе напасть на других. Получалось нечто вроде кровавого «снежного кома», который, нарастая, сметал все на своем пути, пока не наткнулся на преграду и не рассыпался либо замыкался на завоеванном пространстве.

Именно так несколько тысячелетий назад в Приуралье и предгорьях Алтая создавалась благоприятная социальная и экологическая ситуация, и у обитавших там арийских племен существенно снизилась детская смертность. Нараставшая масса населения

уже не могла прокормиться на своих землях, и «избыток» двинулся сначала через горы на юг, в Индию, а затем на запад — в Европу. В Индии арийцы истребили туземцев, а остатки их обратили в рабов-париев. В Европе (поначалу только Восточной) истребили или ассимилировали малочисленные местные племена. Первую волну арийцев составили германские племена (готы), вторую — славяне.

И именно так в том же V веке, когда погибала Западная Римская империя, по Европе от Урала до нынешней Франции кровавым нарастающим комом пронеслись угро-тюркские гунны. Их нашествие вызвало Великое переселение спасавшихся от них народов. Германские племена перекочевали из Восточной Европы в Западную, потеснив кельтов, обитавших там с незапамятных времен. Следом за германцами центральную и западную часть Восточной Европы заняли славянские племена, оказавшиеся в тисках между нападавшими на них с запада и северо-запада германцами, а с востока и юго-востока — тюрками (хазары, половцы, печенеги).

Правда, мощный «натиск на Восток» — пресловутый «Дранг нах Остен» — германцы начали во второй половине тысячелетия, вытеснив славян из Центральной Европы. Приостановлены они были только к середине следующего тысячелетия (Ледовое побоище 1242 года и Грюнвальдская битва 1410 года), остановлены окончательно — под Полтавой (1709), а потом — под Берлином (1945).

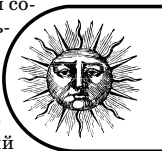
Точно так же внушительной силой хазары, половцы и печенеги стали только на протяжении второй половины первого тысячелетия и были стерты с лица земли в начале следующего тысячелетия. Но уже к середине первого тысячелетия н. э. стычек восточных славян с этими племенами было не избежать.

Гунны были разбиты сплотившимися против них германцами в самом центре Европы. Остатки их рас-

сеялись по Восточной Европе, осев большей частью на территории современной Венгрии. Спустя полтысячелетия в эти места пришли венгры и ассимилировали гуннов, после чего попытались повторить их нашествие, окончившееся такой же неудачей. Поразительно, что некоторые венгры до сих пор гордятся своим отдаленным родством с гуннами, называют своих мальчиков именем самого свирепого гуннского вождя — Аттилы. Что ж, разве другие народы (не исключая русских) не гордятся отечественными извергами рода человеческого?

Восточнославянские племена (поляне, древляне, словене, вятичи, кривичи и другие), безусловно, должны были отличаться друг от друга обычаями и языком — даже в первой половине XX века единый русский язык был официальным, а фактически состоял из множества областных диалектов, сильно отличавшихся друг от друга. Но эта разница была несущественной по сравнению с различиями в обычаях и языках западных и южных славян. Совершенно так же, как сегодня родственные русский, украинский и белорусский языки отличаются от «двоюродных» — польского, чешского, словацкого, сербохорватского, болгарского. Да и в образе жизни Запад и Восток славянства по-прежнему различны.

Кстати, в те времена еще не знали слов «русь», «руссы», «русские», «Россия», которые просто отсутствовали в славянских языках. Слово «Россия» появилось тысячу лет спустя, в середине прошлого тысячелетия. А «руссы» — это перевод на славянский финского слова «роуси», которым финны называли проходивших через их земли во второй половине позапрошлого тысячелетия выходцев одного из племен восточных норманнов (варягов — будущих шведов и датчан). Помните: путь «из варяг в греки»? Со временем «руссы» превратились в более удобных

для славянских языков «русских». И соответственно их страна «Русь» много позже — в «Россию». В конце же позапрошлого тысячелетия «руссы» и их «Русь» означали восточноевропейские славянские племена под властью варяжских конунгов-князей и викинг-вятизей их дружин.

2

Основной недостаток почти всех «историй России» заключается в том, что их авторы представляют наших предков похожими на нас с вами по сознанию и поведению. Между тем они отличались от нас сильнее, чем мы сегодня — от любых своих соседей. Для такого утверждения мне не требуется никаких документальных доказательств. Ребенком пяти-десяти лет я видел своего восьмидесятилетнего прадеда и его ровесников, как теперь понимаю, мало чем отличавшихся от русских крестьян, живших пятьсот и тысячу лет назад.

Это сегодня мы знаем, что из себя представляют наше Солнце, Земля, Луна, планеты и звезды, почему сверкает молния и гремит гром, идет дождь или снег, мерцают на болотах огоньки и так далее. Для наших предков (до моего прадеда включительно) это были сверхъестественные, божественные или «нечистые» силы, с которыми надо было уживаться, как с соседями — германцами и тюрками. Только в отличие от соседей, эти силы приходилось задабривать жертвами, вести себя так, чтобы не рассердить их.

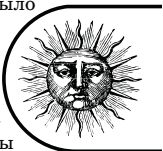
Помню, что каждый день, каждое дело прадеда — от завтрака перед рассветом до отхода ко сну ночью (она начиналась, в отличие от наших дней, в 21:00 по московскому времени и кончалась в 03:00 утра, 24:00 — полночь), каждая работа и каждая трапеза начинались и завершались молитвой. Либо кратким «значением», либо долгими молитвами с коленопреклонением и распростертостью ниц. Так подобало поступать ис-

товому христианину. Однако это вовсе не исключало пережитков язычества, которое, как известно, сильно «вторглось» в христианство (и живо до сих пор!). Поэтому в промежутках между молитвами прадед успевал принести символические жертвы и «побеседовать» с домовым в сенях, с водяным в колодце и реке, с лесным в лесу и так далее, всячески задабривая их. И конечно же ему в голову не могло прийти противиться «нечистой силе» иначе, как жертвами и закланиями.

Кстати, в разряд «нечистой силы», наряду с чертями и ведьмами, у прадеда попала и советская власть. Он покорялся ей, как неизбежному злу, хотя при его жизни его село трижды (в 1856, 1905 и 1920 годах) восставало против государственной власти. И, как мы видим сегодня, в данном случае его сознание было выше и глубже, чем у правнука.

Если кто-то из читателей не поверит автору на слово, может почитать романы П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Там подробно описана жизнь его современников — приволжских старообрядцев середины XIX века, мало чем отличавшаяся от жизни славян пятисот, тысячу и полторы тысячи лет назад.

Главная проблема людей того времени — помимо болезней, войн и стихийных бедствий — избежать голодной смерти. Это было очень нелегко. Для этого требовался тяжкий, продолжительный — до шестнадцати часов иной день — физический труд. Иначе быть не могло, потому что производительность труда была несопоставима с нынешней. Даже два-три столетия назад мешок посеянного зерна давал в лучшем случае три-четыре мешка урожая, из которых один надо было оставить на следующий посев, а один — отдать разного рода паразитам, к истории которых обычно и сводится история государства Российского. А полторы тысячи лет назад производительность труда была еще ниже.

На домашнюю живность полагаться было нельзя. Чтобы питаться главным образом мясом, надо было стать кочевниками и иметь огромные стада, а к северу от степей в Восточной Европе не очень-то разгуляешься. Овощи — продукция огорода — тоже составляли «приварок» к основному продукту питания — хлебу. Точно так же, как и «дары леса» (главным образом, конечно, охотничья добыча) или рыба — речная и озерная. А хлеба — при самом тяжком труде и самом хорошем урожае — едва хватало до следующей осени. Сплошь и рядом весной-летом приходилось разбавлять остатки запаса корой-лебедой-крапивой. И раз в несколько лет случалось страшное бедствие: неурожай и голод.

Не раз приходилось читать, будто крестьянин на Руси тяжело трудился только в летнюю страду, а зимой чуть не полгода лежал на печи. Это, конечно, вымысел. Во-первых, крестьянину ни дня отдыха не давала домашняя живность, которая, как известно, никаких выходных и праздников не признает. Во-вторых, к летней страде надо было начинать готовиться с осени: чинить свой трудовой «арсенал», готовить одежду и обувь, обихаживать жильё, вывозить на поля навоз, заготавливать дрова на зиму, идти в лес по грибов-ягоды, к капканам и ловушкам, на реку с неводом и так далее. В-третьих, — и это главное — крестьянину не давали залеживаться вековые традиции, обычаи, нравы, которые жестко предписывали, в какое время каждого дня года, смотря по погоде, что делать, чтобы не опозориться в глазах всеобщего общественного мнения. Всесильного до самой второй половины 50-х годов прошлого века (то есть всего пятьдесят лет назад!), когда жизнь подавляющего большинства (две трети!) россиян была гораздо ближе к V веку, чем к концу XX.

Стимулы для строгого соблюдения веками установленных порядков были жесткие, на наш взгляд, даже

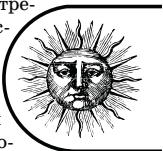
жестокое. Малейший сбой — и гневный окрик старшего. Сбой посерьезнее — грозная ругань, затрещина (ребенку — подзатыльник, собственнолично получал таковые от матери не в V, а в XX веке). Провинность еще серьезнее — побои, после которых приходилось отлеживаться день, а то и больше. И все это было, говоря современным языком, только «выговор с предупреждением». Гораздо страшнее было получить какое-либо обидное прозвище. Оно переходило на твоих детей, внуков и правнуков, пока деревня не исчезала (и наконец исчезла) с лица земли. Не помогало прозвище — начиналась травля, которая доводила порой до петли. А в крайних случаях семейный или мирской самосуд — и провинившийся становился изгоем-холопом в другой деревне. Или его постигала семейная смертная казнь. Так было до самого XX века. Кто не верит — прочтите «Тихий Дон» М. Шолохова.

В свою очередь, традиции, нравы, обычаи появились не по чьему-то произволу, а потому, что без них человек не выдержал бы столь тяжкого труда. Именно они предписывали, что и как надо делать, чтобы работа делалась, а ты не падал от изнеможения. Когда, как и сколько работать, когда, как и сколько отдыхать, как обустроить свой быт. А так как сам человек до сих пор не знает, как провести появившийся досуг (по крайней мере, без телевизора), то ему указывалось, когда идти в баню, когда и как принимать гостя, как развлекаться в редкие свободные часы ритуальными песнями и плясками, посиделками и хороводами. Если добавить к этому, что все трудовые операции были тоже детально расписаны, то можно сказать, что люди вели себя именно так, как много позже сказал об этом Шекспир: «...жизнь — театр, а человек — всего лишь актер, исполняющий свою роль».

Эти простые вещи ускользают сегодня от внимания людей, и начинаются всякие несообразности. Возьмем, к примеру, «Народные русские сказки» А. Н. Афана-

сева (трехтомное академическое издание!). Не сам же он, разумеется, сказки сочинял — ему их рассказывали. Наверняка этот известный собиратель сказок нарвался на похабника, может быть, даже не на одного. Таких похабников в каждой округе с тех пор, как свет стоит, всегда было больше, чем хотелось бы (а сегодня их — хоть пруд пруди). По Афанасьеву получается, будто в деревне отец запросто жил с дочерью, будто секс и свальный грех встречались на Руси на каждом шагу. Это, конечно, блудословие. Наши предки лучше нас знали, что кровосмешение — губительно. В отличие от египетских фараонов, им в голову не могло прийти жениться на сестрах или племянницах. Тем более предаваться беспорядочному сексу с девицей, которой предстоит десяток-другой родов — чтобы деревня не вымерла. Кстати, для такого количества родов требовалась основательная физическая и психическая подготовка. Невесту жениху подбирали родню. Да так, чтобы получилась «ровня» (не только по социальному положению в сельской общине). Всякое отклонение — путь к вырождению и гибели. Путь, на который мы вступили с переходом от сельского к городскому образу жизни. Но об этом — в соответствующей главе.

Молодожены и полторы тысячи, и всего сто лет назад поселялись в так называемой черной избе, или, иначе, в «избе, топившейся по-черному» (именно в такой избе в 1904 году родился мой собственный отец). Кстати, мужик столетие назад не мог валяться на печи по той весомай причине, что печь была лишь у богатых. «Черная изба» — жилище почти каждого крестьянина до XX века — представляла собой сруб, иногда обложенный землей для утепления. С завалинкой и тремя отверстиями: низкой дверью, чтобы избу не вымораживало; маленьким оконцем для света и свежего воздуха, которое закрывалось паклей; и дырой в соломенной крыше, через которую выходил

дым из каменного очага в центре избы, — ее тоже затыкали паклей, когда очаг догорал. Пол земляной, застланный подстилкой, на которой вповалку спали домочадцы. В углу — обеденный стол с лавками, на которых спали хозяин и хозяйка дома. Часто под толчком навешивались полати, что прибавляло еще несколько спальных мест. Плюс обязательная люлька для очередного новорожденного. Словом, это была та же юрта (вигвам), только не перевозимая.

Для полноты картины добавим, что в избе зимой на неделю-другую помещался новорожденный теленок или жеребенок (видел собственноручно: в хлеву он просто погиб бы морозной зимой).

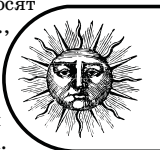
Изба «по-белому» (то есть с печью, трубой, деревянным полом и двумя-тремя слюдяными оконцами) до XX века имела только у очень зажиточных крестьян, да и то лишь в последние столетия. Пристроенная к избе летняя горница — почти дворец для считанных процентов хозяев. Большею частью это уже не просто крестьяне. Наконец, многокомнатный терем — для знати, составлявшей, как сегодня «новые русские», не более 1–2% населения.

Несколько таких изб (обычно примерно полдюжины) составляли деревню. По тем временам это был довольно крупный населенный пункт. Напомним, что в каждой избе на трех этажах (пол, лавки, полати) могло помещаться до десятка и более человек — правда, большей частью это были без конца рождавшиеся и умиравшие дети. В полудюжине изб трудоспособных набиралось ровно столько, сколько нужно было для обработки огородов, полей за околицей и выгона скота на пастбище. В отличие от нас, наши предки не могли позволить себе роскоши тратить час-другой на дорогу к месту работы и столько же обратно. Поэтому, когда избы в деревне переполнились, устраивались «выселки» — в нескольких верстах от деревни строилась новая.

Крупные села из нескольких десятков, а позднее даже из нескольких сотен изб появились лишь в последние столетия, когда исчезла опасность налета кочевников. Деревня была беззащитна перед нападением на нее даже небольшого отряда бандитов (это хорошо показано в известном фильме «Великолепная семерка»). Поэтому самая крупная деревня в округе — обычно на крутом берегу реки, чтобы к ней трудно было подступиться, — огораживалась земляным валом и рвом, часто еще и деревянным частоколом по валу. Такая деревня именовалась «городом» (в смысле: огорожена). Она была центром округи, и в нее в случае внешней опасности сбегались обитатели окрестных деревень.

Кто сомневается — может хоть сегодня посмотреть на остатки «змиевых валов» по берегам притоков Днепра южнее Киева. Некоторые археологи относят их к первой половине первого тысячелетия н. э., а другие — даже ко второй половине первого тысячелетия до н. э.: вот такая древняя история у наших предков!

Вот, собственно, и вся система расселения наших прародителей до появления государства.

3

У стадных млекопитающих (например, у собак, обезьян и их ближайшего родственника — человека) совершенно четкая социальная или, точнее, стадно-племенная структура. Не будем обижать читателя сопоставлением с собаками и обезьянами (хотя оно буквально напрашивается). Вглядитесь внимательнее в любое человеческое сообщество — от детской, подростковой, молодежной компании до любого предприятия, учреждения, организации и государства в целом. Вы увидите ровно пять уровней-классов — ни больше, ни меньше.

Во-первых, в каждой деревне, тем более в каждом городе должен быть глава, лидер, «авторитет», вождь —

иначе тут же возникает анархия, мать беспорядка и социальной катастрофы. В одних случаях такой лидер может быть авторитарен, как Сталин или Гитлер. В других он только наиболее авторитетен среди нескольких равных ему по положению. Чаще наблюдаются промежуточные варианты. Все это можно увидеть хоть сейчас на примере чеченских кланов (тейпов), доживших до наших дней.

Как назывался у древних славян такого рода «глава администрации»? У южных славян — жупаном. У восточных — мы не знаем, как (название вытравлено из нашего сознания огнем и мечом). Но только не ханом, царем или князем. Хан — слово тюркское, в славянских языках столь же бессмысленное, сколь и «роуси». Царь — латинское (сокращенное от «цезарь»). Князь — германское, вольный перевод с ваяжского «конунг» (вождь, будущие кинги и кениги), витязь — от «викинг» (воины), король (краль, круль) — от Карла Великого (IX век). Не мог лидер у восточных славян называться и государем, потому что госуда́рства не было и таких слов еще не существовало.

Возможно, он назывался «старшим», «старостой», «володарем», «владимиром» (сельская община до 1917 года именовалась «миром», а ее вече — «мирским сходом»). А может быть, вообще не было никакого титула. Просто все знали, что такой-то по древнеславянскому имени и прозвищу есть, говоря современным языком, глава местной администрации.

Совокупность таких «глав» составляла высший класс древнеславянских племен. Как и сегодняшний высший класс — от правящих кругов до последнего олигарха, — это было для народа одновременно и благом, и горем. Благо потому, что без него тут же начиналось «смутное время» — в 1605, 1917 или 1991 годах. Горе — не только потому, что «старшие», как и сегодня, присваивали себе львиную долю общего достояния, но еще и потому, что, как и сегодня, без

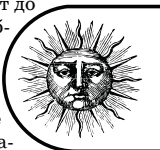
конца ссорились и дрались друг с другом (точнее, недруг с недругом), вовлекая в свои кровавые разборки остальное население. По известному принципу: паны дерутся — у холопов чубы трещат.

Любой Фома Неверующий может легко убедиться в действительности сего печального факта, прочитав знаменитые слова летописи: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». В последующих строках можно сомневаться, а в этой — нет. По той простой причине, что сами видим это воочию все 1250 лет российской истории.

Высший класс всегда и везде составлял и составляет не более одного процента населения (полторы тысячи лет это как раз и был «глава» деревни из примерно сотни жителей). Только очень редко — как, например, в постсоветской России — процент доходит до полутора-двух. Но это уже за счет наглого ограбления основной массы населения.

Этажом ниже располагается так называемый выше-средний класс — наиболее зажиточные (богатые) соплеменники. Их было тоже не особенно много — не более 5–10%. И тоже иначе быть не могло, потому что богатый всегда и везде отнимает у бедного значительную часть общего достояния. И если бы вдруг богатыми стало большинство (фантастическое допущение), то у кого и что им было бы отнимать?

Однако влияние этой прослойки на дела деревни, города, всего племени — доминирующее. Именно с этими людьми вынуждены были считаться в первую очередь и «глава», и основная масса населения. Именно они, если «глава» зарвется в своем самодурстве, могли приутожить ему участь Цезаря, либо Павла I, либо Никиты I. Именно они, лучше вооруженные и сплоченные (организованные), могли подавить недовольство бедняков, подкупая и натравливая одних на других.

Третий этаж сверху представлял средний класс — «средние» между богатыми и бедными. В благополучных обществах он составлял и составляет подавляющее большинство населения (до 90%!), которое обеспечивает стабильность общества. В неблагополучных — например, в России — это всего лишь тонкая прослойка между кучкой богатых и основной массой бедных. О стабильности такому неблагополучному обществу можно только мечтать, судьбе его не позавидуешь («а порядка в нем нет»).

Четвертый, предпоследний этаж — низше-средний класс, бедняки. Сегодня большинство россиян уверенно-нахально относит себя к среднему классу. Но это просто желание самоутвердиться или самообман, сродни тому, когда нищая пенсионерка с видом миллионерши подает гривенник псевдонищей (которая нередко и есть подпольная миллионерша). В реальности почти половина россиян, по мировым стандартам, — стопроцентные бедняки, доходы которых близки к прожиточному минимуму. В современных благополучных обществах они составляют считанные проценты — их не больше, чем богачей. В прежние времена и даже сравнительно недавно бедняки составляли подавляющее большинство населения земли.

Наконец, пятый, последний класс — нищие. Не псевдонищие, как наши мошенники, а жертвы какой-то катастрофы, люди, волею судеб потерявшие средства к существованию, изгои, попавшие в кабалу и тому подобное. Сегодня в благополучных обществах их столько же, сколько сверхбогачей-олигархов, не более 1–2%. В неблагополучных странах такие несчастные могут составлять десятки процентов. В нынешней России — их до трети населения. Имея нищенскую пенсию или столь же нищенскую зарплату, они кормятся в основном со своих пресловутых «шести соток», промышляют в лесу, на реке, не гнушаются даже мелким воровством. В древние времена

такого социального бедствия быть не могло, потому что сельская община при любом несчастье помогала пострадавшим подняться до уровня хотя бы бедняка.

И полторы, и тысячу, и полтысячи лет назад (до введения в середине прошлого тысячелетия крепостного права) низший класс на Руси составляли сравнительно немногочисленные рабы-холопы. Восточная Европа — это ведь не Средиземноморье, где владелец мог содержать хоть тысячу рабов (точнее — они содержали его). Здесь редко обращали в рабство военнопленных — не было такого обычая. Как правило, раб был «кабальный холоп», человек, отдавшийся в кабалу за долги, вообще лишенный иных средств к существованию. Во всем варварском мире — от запада Европы до Урала — почти в каждом селении было не больше одного-двух, реже нескольких холопов. Обычно у кого-нибудь из «верхушки» общества.

Такова картина социального расслоения варварского мира, к которому принадлежали наши предки.

4

Всесильные и всеохватывающие вековые традиции, нравы, обычаи наших предков только потому и были всесильными, что освящались религией, защищавшей людей от немилости разных сверхъестественных сил — от божественных до «нечистых».

Религией наших предков почти до самого конца позапрошлого тысячелетия было язычество — обожествление Солнца и многих стихийных явлений природы, «одушевление» всего окружающего растительного и животного мира. Искусством «общения» с этими силами владели жрецы-волхвы, часто люди с сильной энергетикой (и соответствующей силой внушения), которых мы называем экстрасенсами. По совместительству они являлись врачами — других не было — и как бы народными заступниками, которые

умеряли самодурство «главы» или произвол богача, если тот слишком уж выходил за рамки традиций, нравов, обычаев.

В язычестве было немало позитивного — оно веками впитывало в себя народную мудрость. Именно поэтому многое из него органично вошло в христианство, ислам и другие мировые религии.

Возьмем, к примеру, посты. Кажется, они существуют с тех пор, как свет стоит. У каждой религии они разные, но суть их одинакова. Во-первых, посты облегчают жизнь впроголодь, когда иссякают запасы продовольствия. Во-вторых, они имеют чисто лечебные цели. Горький опыт показал, что «переедание» столь же губительно для организма, сколько и «недоедание». Сегодня половина взрослого населения и России, и США (правда, по разным причинам) страдает от «избыточного веса». А ведь он, как и курево, — не говоря уже о пьянстве, — на 20–30 лет сокращает срок, изначально отпущенный человеку судьбою. И разве только в этом случае народная мудрость спасает жизнь?

Вместе с тем в язычестве было немало негативного, даже ужасного. Прежде всего человеческие жертвоприношения. Они совершались везде, на всех материках земли. Несколько раз в году. Да и многие другие языческие обряды сегодня ничего, кроме отвращения, не вызывают.

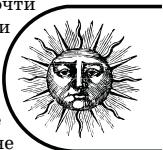
Представьте себе: умирает глава семьи, а вместе с ним хоронят не только его коня, доспехи, утварь, но и законную жену (жен). У индустивов это было в порядке вещей еще в позапрошлом веке. Если у покойного имелись холопы — убивали и хоронили холопов. Сегодня от языческих жертвоприношений осталась традиция вручения срезанных (убитых) цветов даме или юбиляру.

Негативное в язычестве позволяет рассматривать мировые религии как прогресс по сравнению с предшествующим уровнем религиозного сознания.

Позитивное — вынуждает внедрять более гуманную религию силой, обычно при отчаянном сопротивлении народа. Именно это произошло на Руси в конце позапрошлого тысячелетия.

Однако в сопоставлении язычества и христианства случаются и недоразумения. Возьмем, к примеру, вакханалию. С незапамятных времен ее устраивали многие народы. У славян, скажем, в праздник летнего солнцестояния (позднее он стал называться Иванов день). Под пером некоторых блудописцев вакханалия предстает как свальный грех. Но по авторитетному утверждению А. П. Чехова, такого не могло быть никогда. Не могли участвовать в оргии дети, подростки и старики (тогдашние старики и старухи — люди на четвертом десятке лет жизни): им подобное безобразие ни к чему. Не могли участвовать беременные (почти каждый год!) женщины или матери с грудными детьми на руках. Не могли участвовать и девицы на выданье: куда им деваться, если забеременеют до свадьбы? Стало быть, участниками оргии могли быть только взрослые парни и молодые мужчины, а также бездетные или малолетние (не способные больше рожать) молодухи. И прояснялся определенный социальный смысл мероприятия: община получала дополнительных членов там, где их по тем или иным причинам не могла дать семья.

Кстати, в этом обществе редкостью были «старые девы», вдовы, бобыли. Таковыми становились люди с физическим уродством, калеки, психически больные (юродивые) и тому подобное. Не вышедшая замуж или потерявшая мужа женщина шла второй или даже третьей-четвертой женой к соплеменнику, способному содержать большую семью. Как это делается — можно видеть до сих пор кое-где на Кавказе. Бобыль автоматически становилась у кого-то домохозяином (то есть холопом). Юродивый (юродивая) фактически являлся разновидностью нищего.

В данном отношении нам важно констатировать три установленных историками факта.

Во-первых, язычество (как позднее — христианство) целиком определяло традиции, нравы, обычаи, вообще всю жизнь наших предков до мельчайших деталей.

Во-вторых, христианство (уже в последней четверти позапрошлого тысячелетия) было введено силой, «сверху», при отчаянном сопротивлении народа. И стало государственной религией, обеспечивающей, как и семья, стабильность государства. Мы не говорим здесь об антиправительственных течениях и сектах. Об этом — разговор особый.

В-третьих, все позитивно-конструктивное в язычестве было органично включено в христианство. А многое неконструктивное оказалось за рамками христианства, но в виде множества суеверий продолжает оставаться с нами до сих пор.

Помимо главного — всеохватывающей религии, культура наших предков делилась на материальную и духовную. Материальная — это архитектура и убранство жилищ, организация расселения (деревни и города), рабочий инструмент и всякого рода производственные навыки. Духовная — за рамками религии — ритуальные порядки быта и формы досуга, очень кратковременного по сравнению с нынешним. От посиделок и хороводов до игр и состязаний.

Сегодня от этого не осталось почти ничего, а то, что осталось, большей частью вырождено в губительные позорища, приближающие надвигающуюся гибель общества.

5

Наши далекие (и даже не очень далекие) предки ритмично отличались от нас не только организацией своего социального пространства, но и структурой своего социального времени. Им были неведомы такие пустяки, как секунды, минуты, декады, квар-

талы, десятилетия, века. Даже часы, недели и месяцы пришли к ним намного позже. Правда, не мог не существовать лунный месяц — но это только для жрецов-волхвов. Потому что обычный мирянин ошибочно полагал (и до сих пор полагает), будто Луна не оказывает на человека никакого воздействия.

Для наших предков существовали только времена суток и времена года: это было наглядно и убедительно. В сутках четко выделялось утро — с трех до девяти нынешних часов — когда в любую погоду любого времени года надо было доить коров и коз, задавать корм домашней живности и, позавтракав, начинать первую треть рабочего дня. С девяти до трех пополудни, после обеда, превратившегося у обленевшихся потомков в завтрак, и короткого послеобеденного отдыха тянулась вторая треть рабочего дня, то есть был собственно день (как мы уже говорили, в двенадцать часов — полдень). Труд был настолько тяжким, что вынуждал подкрепиться. Поэтому в полдень устраивался полдник, сдвинувшийся у помянутых недобрым словом потомков на целых пять часов к вечеру. Снова короткая передышка, и начинался вечер — с трех до девяти пополудни. Тоже настолько тяжело трудовой, что требовал между тремя и шестью часами вечера передышки, когда устраивался исчезнувший ныне «паужин» — еще одна закуска после полдника. Наконец, ближе к девяти часам вечера сил работать уже не оставалось (разве какой аврал), подавался ужин и предстоял шестичасовой ночной сон (двенадцать часов — половина ночи, полночь), к которому добавлялись полчаса-час сна во время отдыха днем.

Утрьсь, пополудни, ввечеру, ночью — этого разделения суток было вполне достаточно даже для наших прадедов, не говоря уже о далеких пращурах. И ничего другого не требовалось, потому что каждый день года имел свое название (позже, при христианстве, его

связали с именем какого-нибудь святого). И каждый знал, что именно делать в данный день при той или иной погоде. А затем сразу следовало очередное лето (именно лето, а не год, потому что мы и сегодня говорим: не годов, а лет). Лету предшествовала весна, а за ним следовали осень и зима, которые надо было пережить, чтобы дожидаться следующей весны и лета.

Жрецы давным-давно установили четыре поворотных дня в году: когда начинает прибавляться день (нынешнее католическое Рождество в декабре), когда день сравнивается с ночью (весеннее равноденствие в марте), когда день начинает убавляться (в июне) и когда он снова сравнивается с ночью (осеннее равноденствие в сентябре). Новый год можно было начинать с любого из этих дней. Наши предки до самого Петра I предпочитали сентябрь, а древние римляне — март. У римлян существовал закон, по которому военачальники-консулы должны были меняться каждый год. Однажды, в декабре, начались волнения в Македонии. Требовалось срочно отправить против них войска во главе с новым консулом, а ждать до марта было слишком опасно. И ловкачи-сенаторы пошли на жульничество: приказным порядком перенесли Новый год с марта на январь. И вот теперь, по их милости, мы лишились покоя в ночь на первое января, не имеющую никакого отношения к солнцестоянию.

Такой несообразный ни с чем древнеримский календарь по сути перестал быть календарем, а со временем превратился в жизнеописание Господа нашего Иисуса Христа и всех святых. Пока христианство господствует в мире, всякие попытки «улучшить» христианский календарь остаются утопией.

В те времена веками каждый год походил на другой, как две капли воды. Поэтому летоисчисление было ни к чему. Вполне достаточно было сказать, в какое «лето» произошло то или иное из ряда вон выходящее событие или с какого «лета» начал править

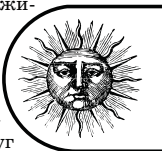
тот или иной «глава». А такой вздор, как будущее, для наших предков вообще не существовал. Можно только было спросить у встречного волхва: «Что сбудется в жизни со мною?» — и вся недолга.

6

Остается рассказать о культуре наших пращуров за рамками господствовавшей религиозной культуры, полностью поглощавшей культуру мировоззрения (обыденную философскую) — о культуре питания, питья, одежды, жилища, общения, знаний, труда. О многом из этого мы уже говорили.

Нам сегодня трудно представить себе, как можно обойтись без картошки, многих овощей (начиная с помидоров), многих видов каши (начиная с рисовой). Но обходились же! А фрукты-грибы-ягоды служили, как и сегодня, закуской-десертом.

Ребенком я не раз сидел у соседей за крестьянской трапезой в многодетной семье. Таковой она, трапеза, была и сто, и тысячу, и полторы тысячи лет назад. Десяток человек с деревянными ложками рассаживались на скамьях вокруг стола (в поле — просто кружком). В центр хозяйка ставила деревянную миску с накрошенными овощами. Если в миске только овощи, то это был завтрак, полдник или «паужин». Если овощи заливались горячей водой, то это гордо называлось «щами» и подавалось на обед или ужин. Иногда овощи заменялись кашей. В это время глава семьи разрезал каравай хлеба — так, чтобы каждому досталось по ломтю. Далее, в порядке живой очереди, по старшинству, каждый забирал ложкой свою порцию, клал ее на ломоть, чтобы не пропало ни капли, и подносил ко рту. Все это делалось молча и походило на священнодействие. Если кто-то выпадал из установленного ритма (очень похожего на четкую дробь цепов при молотье), норовил залезть в миску без очереди или зачерпнуть побольше, он тут же получал

от хозяина удар ложкой по лбу, после чего восстанавливался веками освященный ритуал приема пищи.

По торжественным дням щи разбавлялись молоком (в обычные дни это делалось только для младенцев), а на дне миски оказывался кусок мяса или рыбы, который делился хозяином, как и хлеб.

По тем же дням на стол подавалось спиртное. Не крепкое (водка на Руси появилась тысячелетие спустя — при Иване Грозном), а доморощенная брага или медовуха. Чтобы опьянеть, надо было долгими часами прокидывать в себя чашу за чашей до полутора десятков литров (как это делают сегодняшние фанаты пива). Такое было доступно не каждому и далеко не каждый день.

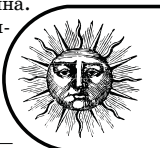
Как уже приходилось признавать, наши предки были во многом разумнее нас с вами. Народная мудрость подсказывала им, что алкоголь и зачатие — несовместимы, чреваты появлением дебилов и уродов. Поэтому «пьянствовали» в основном патриархи, уже завершившие свою половую жизнь. Молодежи оставались символические дозы, а женщины имели право только «пригубить».

Тут самое время уточнить, кто в те времена считался молодежью, а кто — стариком. Наши далекие и недалекие предки не знали нашего лживо-самоубийственного словосочетания «дети до шестнадцати лет». У них были понятия — грудной младенец (до года), просто младенец (до трех лет), помощник родителя ребенок-дитя (до десяти лет), подросток-отрок, заместитель родителя по управлению хозяйством и малышкой (до наступления половой зрелости в 14–16 лет), молодежь 15–20 лет, не успевшая еще обзавестись собственной семьей (ни пятнадцатилетний глава семейства, ни все, кому «сильно за двадцать», молодежью не считались), взрослые отцы и матери семейств 15–30 лет, наконец, пожилые патриархи и матриархи (уже бабушки и дедушки) 30–50 лет, далее следовали редкие долгожители. В это

трудно поверить, но даже в позапрошлом столетии (XIX век!) говорили: в комнату вошел старик тридцати с лишним лет. А в комнате сидели отцы и матери семейств двадцати с лишним. Короток был у наших предков не только «бабий век»!

Одежда была целиком домотканая. Даже у моего деда, как и у его соседей — полторы тысячи лет спустя, — четверть приусадебного участка всегда засеивалась льном и коноплей (никто и не подозревал, что это — сильнейший наркотик) и в избе сохранялись все орудия «домашней фабрики» — от веретена до ткацкого станка. Из этого сырья выделывались холстяные рубахи, портки, сарафаны, онучи. Носить мужские штаны русским женщинам категорически запрещалось чуть ли не до конца XX века. Как несчастные выходили из положения в лютые морозы — это их, дамская, тайна.

Точно так же по-разному мужчины и женщины спасали от холода свою голову. Мужчины — шапками, женщины — платками. Только шубы и полушубки большей частью овечьего происхождения были одинаковы.

Обувь подавляющего большинства крестьян — и мужчин, и женщин — тоже была одинакова: лапти с портянками (онучами). Кожаные сапоги были роскошью — привилегией высшего и выше-среднего класса. До валенок, наверное, додумались позднее.

О культуре жилища уже говорилось, поэтому перейдем к культуре общения.

Главное, мышление наших предков было таким же примитивным, а всякий разговор — таким же затруднительным занятием, как и подавляющего большинства сегодняшней молодежи. Однако предки выходили из положения гораздо искуснее своих косноязычных потомков. За пределами ежедневно повторявшегося рабочего лексикона они прибегали к помощи пословиц и поговорок — подобно тому, как китайцы заменяют буквы иероглифами. Например, вместо долгого

объяснения причин своего промедления изрекали: «Тише едешь — дальше будешь». И конец дискуссии.

Намного менее искусно — как и многие из нас сегодня — выражали предки свое недовольство, а тем более гнев, испуг и прочие эмоции. Они, как и мы, грязно ругались. Ругались все изощреннее и со временем дошли до пресловутого русского мата — самой гнусной разновидности ругани в мире. Подумайте только: и они, и мы, говоря современным языком, виртуально насилуем своих собственных матерей. Вместо того чтобы стыдиться такого срама, его всерьез изучают, им гордятся. В этом отношении — и не только в этом — мы гордимся тем, чего надлежит стыдиться.

Наконец, культуру знаний и труда все полторы тысячи лет давала «домашняя школа», семья, где, словно по наследству, передавались профессия, мировоззрение, матримонимальная культура родителей, а также велось подлинное — не наше пустословное — воспитание: передавались от поколения к поколению стереотипы сознания и поведения. По неразумию своему, мы в последней трети XX века, с переходом от сельского к городскому образу жизни, развалили семью и обрекли себя таким образом на вырождение и вымирание. Впрочем, об этом речь впереди.

7

Кто одолел эту главу — бегло перелистайте страницы еще раз и посмотрите на свою Прародину полторы тысячи лет назад как бы с высоты полета спортивного самолета. Вы увидите почти сплошные леса от Днепра до Волги. С редкими деревеньками — главным образом по берегам рек. И еще более редкими огороженными деревнями покрупнее — городами. Вокруг — клочки распаханной земли на вырубленных или выжженных участках леса. Выгоны для скота — и вновь леса, леса... Картину можно дополнить разве что малень-

ким погостом за околицей. Наши дальние и недалекие предки не могли позволить себе роскоши растягивать кладбища на километры и соревноваться друг с другом в пышности надгробий и оградок. Даже в моем родном селе с прилегающими деревнями, где численность населения за четырьмя столетиями увеличилась с нескольких сотен до десятка тысяч человек (восемьдесят лет назад), а затем снова уменьшилась до нескольких сотен (преимущественно доживающих свой век старух и стариков), — кладбище оставалось одним и тем же: куском земли сто на сто метров. Как люди умудрялись хоронить в родовых могилах своих родственников (мужа — в своей, жену — в своей) — это их секрет.

Что ж? Скоро нам с женой в начале не V, а XXI века тоже лежать раздельно, каждому в своей родовой могиле площадью один на два метра, неслыханно роскошной прежде. Только не на родовых пепелищах, а в Москве.

Наши дальние предки не делали никаких надгробий. Даже деревянные кресты появились гораздо позже, вместе с христианством. Маленький холмик над родовым захоронением, где лежали друг над другом десятки останков, быстро превращавшихся в прах земной, — и все. Конечно, знатному вождю соорудили холмик побольше: ведь туда, как мы уже говорили, надлежало поместить коня, доспехи, утварь, жену (жен) и прочие детали быта, необходимые «на том свете». Но такие холмики давно исчезли с лица земли. Даже могил князей не сыщешь. У славян быть не могло степных курганов, насыпавшихся для выдающихся ханов. Для этого требовалось огромное племя: десятки тысяч одних только воинов.

К югу от нынешней линии Киев — Харьков начиналась лесостепь и степь. Там кочевали со своими стадами воинственные кочевники, от которых приходилось укрываться «змиевыми валами». К северу от нынешней линии Псков — Новгород Великий — Москва — Ниж-

ний Новгород было трудно собирать урожаи, достаточные для выживания. Здесь можно было жить только охотой и рыболовством (позднее — оленеводством), чем и занимались северные (неславянские) племена.

Жизнь наших пращуров на только что очерченной территории имела один большой плюс и один не менее крупный минус.

Плюс заключался в том, что это общество, в отличие от нашего, было жизнеспособно, то есть обеспечивало нормальное воспроизводство десятков (а с более древними временами — даже сотен) поколений, да еще по нарастающей. Вплоть почти до конца минувшего века. Несмотря на тяжелейший — непосильный для нас с вами — труд. Несмотря на периодический голод, частые болезни-эпидемии и постоянные кровавые набеги соседей. А наши демографы сегодня спорят о том, сколько поколений при нынешнем развале семьи осталось до скончания народа: одно-два или целых три-четыре. Но что говорить об этом? К прежнему обществу, к прежнему образу жизни нег возврата, даже если бы мы единогласно высказались за такой возврат.

Минус сводился к тому, что такое общество было совершенно беззащитно при сколько-нибудь серьезной угрозе извне. Достаточно было сотни разбойников (постоянные мелкие междоусобицы — не в счет), чтобы полностью разгромить деревню и перебить всех сопротивляющихся. Достаточно было тысячи — и тем более десятка тысяч таких разбойников, чтобы приступом взять любой город. И в будущей Англии, Франции, Германии, и тем более в Восточной Европе.

Таким образом, было только вопросом времени, когда и откуда явятся такие разбойники. И очень скоро во второй половине позапрошлого тысячелетия они появились. Сначала с северо-запада. Потом, более полутысячи лет спустя, — с юго-востока. Этим двум пришествиям и будут посвящены две следующие главы.

Глава 2. КИЕВСКАЯ РУСЬ (862–1240)

*Диктатура варяжских «конунгов»-князей
и их «старшей дружины» — бояр*

1

Восточнославянские племена, как и все племена в мире, страдали от местных междоусобиц, а еще больше — от набегов соседей, особенно степных кочевников с юга.

Между тем, как мы уже говорили, их земли с севера на юг по Днепру прорезал великий торговый путь «из варяг в греки». По нему из Балтики в Византию и обратно плыли лады варяжских купцов, охраняемые свирепыми норманнами, в том числе из восточно-варяжского племени «русь». От Финского залива и Ладоги лады добирались — где по рекам, где волоком — до верховий Днепра. И уж затем по Днепру — до самого Черного моря.

Норманны развернулись во всю свою разбойничью силу лишь к рубежу позапрошлого и прошлого тысячелетий, когда благоприятные климатические условия позволили им размножиться. Выходцы из более сильных западных норманнских племен (будущие мирные норвежцы и датчане) устремились на юг Англии, север Франции, добрались до Испании и даже до Италии, где осели со своими дружинами в качестве правящих династий. И никто в Европе, кроме русских, этой страничке в своей истории не стесняется. Восточные норманнские племена — варяги (будущие столь же мирные шведы, включая одно из племен под знаменательным названием «русь») были гораздо слабее, и сил у них несколько столетий хватало только на то, чтобы охранять купеческие лады.

Восточная Европа, как и сегодня, разительно отличалась от более богатой Западной, имевшей гораздо более мягкий климат. А полторы тысячи лет назад в Восточной Европе вообще мало чем можно было поживиться. Поэтому, в отличие от южных кочевников, варягам долгое время выгоднее было по дешевке скучать продукты питания и меха у местных туземцев, чем связываться с ними.

С годами (точнее, с веками) варягов становилось больше и больше, возник избыток молодых людей, которым трудно стало прокормиться в родных местах. Молодые варяги стали наниматься в охрану к византийским императорам (как позднее шотландцы и швейцарцы по тем же причинам шли на службу к французским сюзеренам) и рано или поздно должны были обратить внимание на области между Балтикой и Черноморьем. Что и произошло в 800-е годы позапрошлого тысячелетия.

К середине IX столетия в северных восточнославянских городах сложилась практика нанимать небольшие отряды для защиты от нападений соседей. Это было дешевле, чем без конца драться самим, отрываясь от тяжелого труда, который мы описали в предыдущей главе. И варяжские викинги во главе со своими конунгами, переименованные хозяевами в витязей-князей, стали работать у них вахтерами-охранниками. Ни о каком владычестве долгое время не могло быть и речи. Но охранник неизбежно становится хозяином хозяев, если дать ему волю (последний яркий пример: Коржаков у Эльцина). Что и произошло в восточнославянском крае.

Летопись донесла до нас сведение, что один из конунгов по имени Рюрик из варяжского племени русь — вот откуда мы сегодня русские! — в 862 году взял на себя охрану города Ладога, а его братья Синеус и Трувор — соответственно охрану городов Белоозеро и Изборск. Казалось бы, что такое три маленьких отряда

охранников в трех маленьких, второстепенных городах края? Но через два года оба брата умерли (возможно, погибли — тогда такое было обычным делом), их отряды подчинились Рюрику, и в его руках сосредоточилась сила, с которой он подчинил себе главный город края — Новгород.

Подчинил не без сопротивления новгородцев. Часть из них пыталась восстать против захватчиков под руководством некоего Вадима, но Рюрик победил. Многие из восставших бежали в другие города (большинство — в Киев). Вот вам и приглашение «володеть», расписанное потом княжескими летописцами.

Рюрик благоразумно не стал селиться в мятежном Новгороде, а построил себе под ним особый городок-замок Городище, где потом укрывалось от новгородцев несколько поколений новгородских князей. Кроме того, его войны стали один за другим подчинять и облагать данью другие города — Полоцк, Ростов Великий... И вскоре конунг добрался до Киева.

У Киева трагичная судьба. По преданию, его основали в середине позапрошлого тысячелетия братья Кий, Щек и Хорив, назвав город именем старшего брата. К VIII веку город попал под власть хазар и с трудом избавился от нее. Не удивительно, что в третьей четверти IX века Киевом правили те же варяги — бывшие дружинники Рюрика Аскольд и Дир. Дир умер, а Аскольд вскоре после смерти Рюрика был предательски убит преемником и родственником Рюрика — Олегом. И Киев вошел в восточноевропейскую империю руссов.

Напомним, что полустолетием раньше в точности так же создавалась западноевропейская империя франков (Карл Великий). Так или иначе, Рюрик всю свою жизнь посвятил созданию своей империи-государства на месте чисто племенных поселений, описанных в предыдущей главе. Он умер в 879 году главой одного из самых крупных государств того времени, оставив

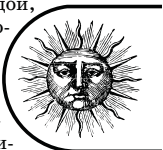
малолетнего сына Игоря на попечение Олега. Но тот и не думал передавать власть наследнику и авторитарно правил империей до своей смерти в 912 году.

Собственно, Олег вовсе не был Олегом. Так же, как и Игорь — Игорем. Тут повторяется история с конунгом-князем и викинггом-визязем. У Олега должно было быть и действительно было чисто варяжское имя Хроекр (величественный, священный). Но нашим предкам-неварягам выговорить такое имя было не под силу! Соответственно женский вариант имени — Хроекра (в переводе на славянский — Олега, Ольга). Так что к обладательницам привычного нам имени Ольга надо относиться как к величественной и священной Хроекре.

Точно так же Игорь — это всего лишь славянское звучание варяжского имени Ингвар (молодой, юный воин). Жаль, что от него нет и быть не может (воин же!) производного женского.

Олег, опираясь на рюриковское наследство, стал наращивать могущество империи. Он не только «отмстил неразумным хазарам», отбросив их на юг и приугодив им близкую гибель (их уничтожение завершил правнук Рюрика). В 911 году, за год до своей смерти, он напал на Царьград-Византию. Грабительские нападения руссов на берега Византийской империи случались и раньше. Но Олег собрал огромные силы — по византийским хроникам, это были тысячи ладей с десятками тысяч воинов — и подступил к столице империи. Такого количества воинов одни варяги собрать не могли. Понятно, основную массу составляли выходцы из покоренных славянских племен.

Византийцы предпочли откупиться от разбойников, и Олег как победитель «прибил свой щит на ворота Цареграда». Здесь уместно напомнить, что советские военные историки вынуждены были изображать эти походы как доблестные. Хотя точно такие же на-

беги на славян должны были ругать последними словами. Пора принести извинения исчезнувшим с лица земли византийцам за этот разбой от имени всех русских, у которых последующая история России не вытравила совесть.

Игорь начал свое княжение достойно. Как раз в эти годы на южных границах Руси появилось племя печенегов — гораздо более воинственных, чем пришедшие в упадок хазары. И восточным славянам пришлось бы плохо на триста лет раньше монголо-татарского нашествия, если бы орду кочевников не встретило войско киевского князя. Было заключено перемирие. Правда, впоследствии набеги продолжались, пока печенегов не разгромили потомки Игоря. Но на сей раз иноземное нашествие и иноземное иго не состоялись.

Затем последовали три с лишним десятилетия обычного княжения. Князь Игорь был занят главным образом «полюдьем» — ежегодным сбором дани с покоренных племен и покорением оставшихся до тех пор свободными. А также подавлением многочисленных восстаний. Важно отметить, что южные границы Руси при Игоре были отодвинуты до степей Крыма и чуть ли не до реки Кубани: этого потом долгие столетия уже не удавалось достичь.

А кончилось княжение Игоря двумя катастрофами.

В 941 году он с несколькими сотнями ладей попытался повторить набег Олега на Византию, но потерпел неудачу. Часть его судов была сожжена «греческим огнем» (особой зажигательной смесью), часть — разметало бурей. Князь едва спасся с десятком ладей.

В 944 году он снова двинулся на Византию, причем даже в союзе с печенегами. Византийцы на этот раз решили не рисковать. Их полые встретили Игоря «по сю сторону Дуная» и вновь откупились, составив в следующем, 945 году договор, по которому мы сегодня можем судить, какова была в то время Русь.

К этому времени Игорь достиг весьма преклонных для тех пор лет и сделался излишне самоуверен. Во всяком случае, отправившись в том же 945 году на «полюдье» к древлянам и собрав положенную дань, он на обратном пути вдруг решил, что «недобрал» (возможно, ему это подсказали). И с небольшим отрядом вернулся «добирать».

До какой же степени отчаяния надо было довести ограбленных людей, чтобы они — зная о неизбежной каре! — решились перебить грабителей. Князю была уготована позорная казнь: его разорвали на части, призвав к двум согнутым деревьям, а затем отпустив их.

Сын Игоря Святослав (уже чисто славянское имя!) был в это время еще малолеткой. И правительницей стала вдова Игоря — Ольга (945–957). В этой судьбе все произошло наоборот: начало правления было ужасным, а конец жизни — величественным и священным, как и полагается Хроекре (хотя, по преданию, Ольга была урожденной то ли псковитянкой, то ли болгаркой).

Древляне, придя в себя после жуткой расправы и зная о неизбежной каре, решили спастись, отправив в Киев посольство с наивным предложением женить своего вождя Мала на вдове казненного ими князя. Ольга встретила их так, как встретил бы любой другой варяг: послов похоронили заживо. Древляне отправили еще одно посольство — этих послов сожгли. После чего князье войско подступило к главному городу древлян Искоростеню, подожгло соломенные крыши изб и перебило спасавшихся от пожара людей. По некоторым данным, убили более пяти тысяч древлян — огромное по тем временам количество.

Оставшиеся в живых были вновь обложены данью. И не только древляне, но и все племена, отказавшиеся платить дань после гибели Игоря. Собственно, к этому и свелось правление Ольги. Ни о чем другом ле-

тописи не упоминают, хотя стычки с южными кочевниками, наверное, продолжались.

Прокняжеская летопись — а за ней и некоторые наши историки — восхваляют хитрости и жестокости первой и последней правительницы руссов, то есть вновь и вновь гордятся тем, чего надлежит стыдиться.

Однако Ольга отличилась не только вероломством и жестокостью. На старости лет, накануне передачи правления своему сыну Святославу, она перешла в христианство, крестилась как Елена и дважды (в 955 и 957 годах) побывала в Константинополе. С сыном ей не повезло: он остался отъявленным язычником. Зато внук, о котором речь пойдет ниже, насильно сделал христианство государственной религией. По сути, говоря современным языком, Ольга идейно подготовила такой переход. Поэтому и вошла в историю не как жестокая Хроекре, а как Святая Ольга. Она умерла в 969 году, в глубокой старости (Ольга причислена первоквоу к лику святых).

Следующие женщины у власти появятся в России уже в XVII–XVIII веках.

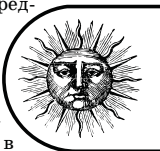
Святослав (957–972), вопреки влиянию матери и своему славянскому имени, вырос типичным норманном. И не просто норманном, а берсеркером (в буквальном переводе на русский: «медвежья шкура»). Так в Скандинавии называли особенно отважных воинов, которые презирали доспехи, довольствуясь лишь волчьей или медвежьей шкурой, в битве становились безумными от ярости и рубили всех, кто попадет под руку, заставляя окружающих в ужасе разбегаться. С таким военачальником, рубившимся в первых рядах, дружина была непобедима на поле боя. Чтобы наглядно представить себе этого князя, не надо никаких летописей. Достаточно прочитать повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Вместо пищаля и сабли — боевой топор, а во всем прочем — такой же чуб, такая же удал молодецкая и та же отчаянность в сечах.

Но как государственный деятель Святослав, увы, был равен нулю. Из удач Святослава можно назвать только поход на хазар. К тому времени из восточнославянских племен только вятичи были вне власти киевского князя. Они платили дань хазарам. Это и послужило поводом к войне.

Хазарское государство (каганат) к тому времени пришло в упадок. Его территория простиралась от Кавказа до Камы, от Нижней Волги до Десны. Войны с хазарами вели и Рюрик, и Олег, и Игорь. Но только Святослав покончил с ними окончательно. В 966 году (по другим данным, в 969-м) он наголову разгромил хазарское войско и прошел с огнем и мечом весь каганат, после чего тот вскоре распался и исчез с лица земли. Правда, хазар, в качестве угрозы Руси с юга, тут же заменили печенеги, громить которых предстояло уже сыну Святослава.

Победителя хазар ждала не только слава, но и лестное предложение византийского императора помочь ему в войне с дунайскими болгарскими (не путать с волжскими) болгарскими, которые позже волею судеб были переименованы в татар).

После возвращения из похода на хазар Святослав со своими союзниками — печенегами, венграми (о них речь впереди) и другими — явился в Болгарию и быстро завоевал почти всю ее. Однако, предвосхищая Петра I, киевский князь решил перенести столицу с Днепра на Дунай, то есть как бы сравняться с византийским императором. Получилось, что Константинополь обрел соседа, более опасного, чем болгары. Поэтому византийцы подкупили печенегов, и те напали на Киев. Святославу пришлось возвращаться обратно. В 971 году он снова явился на Дунай, поначалу имел успех, даже двинулся за Балканы, но византийцы объединились с болгарскими против общего врага, и князю пришлось уходить.

На следующий год Святослав со своими ладьями застрял у днепровских порогов, занятых печенегами, вынужден был переждать зиму, а когда попытался пробиться в Киев, пал в бою с печенегами. Раньше каждый школьник знал, что из его черепа враги сделали чашу и пили из нее на пирах.

На престол в Киеве сел его законный сын Ярополк (972–980). Он отличился лишь тем, что убил своего брата Олега, открыв тем самым многовековую княжескую усобицу. И ненадолго стал единоличным государем восточноевропейской империи.

Однако у Святослава, как у всякого знатного язычника, помимо жены (жен) были еще и наложницы. От одной из них появился незаконнорожденный, но любимый сын Владимир, которому отец дал в правление Новгород.

Столкновение «законного» и «незаконного» сыновей обернулось катастрофой для государства, поскольку второй ненавидел первого (именно так спустя много веков рухнула в Южной Америке империя инков).

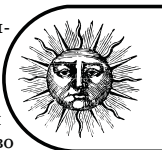
Когда Ярополк сел на престоле в Киеве и убил Олега, Владимиру пришлось бежать из Новгорода. Но он не стал несчастным изгнанником, а нанял варяжскую дружину и напал на Киев. Ярополк оказался и трусливым, и глупым человеком. Он не принял боя, а сбежал в укрепленный городок Родня. Последовали осада, голод осажденных, предательство приближенных Ярополка и коварство Владимира. Пообещав брату пощаду, Владимир выманил его из крепости и тут же убил. А потом повторил путь своей бабушки — от убийства к святости.

Святой Владимир, он же Красное Солнышко (980–1015), был, пожалуй, последним единоличным восточноевропейской империи, да еще столь долгое время. В отличие от отца, он оказался выдающимся государственным деятелем. При нем Киевская Русь достигла высшей точки расцвета, после которой начался распад государства на удельные княжества.

В 981–984 годах Владимир покорил остававшиеся неподвластными Руси племена вятичей, ятвягов, радимичей. Успешно боролся с печенегами, построил против них в 984–988 годах цепь городов на реках Десна, Трубуж, Сула, Стугна. Печенегов добил в 1036 году уже его сын (правда, на смену печенегам явились другие тюркские кочевники — половцы, борьба с которыми шла целых два столетия, пока обе стороны не были разгромлены монголо-татарами). При Владимире Киевская Русь простерла свои границы от Польши на западе до Балтики на севере, до Волги на востоке и почти до Причерноморья на юге. От прежних завоеваний на далеком Таманском полуострове осталось лишь Тмутараканское княжество, но и оно через два столетия пало под ударами византийцев и половцев.

Не менее важно, что Владимир укрепил единство своего государства, расставив по областям наместников (в том числе сыновей, которые при жизни отца были всего лишь наместниками), создал систему связей между областями и Киевом, упорядочил государственное устройство и добился могущества, которого Русь не имела ни до, ни долгое время после него. Он даже вмешался в византийские дела, помог императору подавить восстание и заставил императора выдать за себя сестру, укрепив тем самым союз обеих империй.

Главным же делом его княжения стало идеологическое объединение государства. Сначала он собрал в Киеве изображения всех языческих идолов, чтобы сделать Киев не только политическим центром. Но эта попытка не имела успеха. Тогда князь вспомнил религию своей бабушки — Ольги. К тому же появилась перспектива породниться с византийским императором и стать «на равных» с христианской Византией. Но император никогда не выдал бы свою сестру за язычника, для которого многочисленные жены и

наложницы были обычным делом. И в 988 году Владимир крестился, стал христианином и волевым порядком ввел христианство на Руси, подавив отчаянное сопротивление киевлян и подвластных племен. Поэтому и его православная церковь причислила к лику святых.

Владимир, как и его брат Ярополк, начал княжение с убийства брата. И тем самым заложил под Киевскую Русь «мину замедленного действия». Эта «мина» сработала практически сразу после его смерти и вскоре расколола Русь на почти полтора десятка независимых и враждебных друг другу государств, обреченных на гибель под напором более сильного захватчика. Все это очень напоминает печально-постыдный 1991 год, только растянутый во времени на два века.

2

Во времена Киевской Руси (IX век) на западе Европы сложилась империя франков Карла Великого. Она охватывала современные Францию, Германию и Италию. Ее постигла та же судьба, что и Киевскую Русь: распад на отдельные государства, междоусобицы и так далее. Затем Запад пошел своим путем и создал современную западную цивилизацию, Восток — своим, и получилась евразийская цивилизация современных России, Украины и Беларуси. Промежуточная между романо-германской западной и тюркской восточной. Китай и Индия создали свои особые цивилизации, а современные государства Восточной Европы, в свою очередь, стали промежуточной прослойкой между западной и евразийской цивилизациями.

На Западе сложилась иерархия феодалов: сюзерен-император и его вассалы-короли, их вассалы — герцоги, вассалы герцогов — графы и вице-графы (виконты), вассалы графов — бароны и, наконец, простые рыцари — вассалы баронов или феодалов рангом выше.

Изначально установились договоренности, перешедшие в вековой обычай: на что-то сеньор в отношении своего вассала имел право, а на что-то — категорически нет. И так — от императора до последнего крестьянина. Образно говоря, сеньор имел «право первой ночи» с молодой женой крестьянина (на практике, разумеется, молодожен откупался), но о «второй ночи» не могло быть и речи. Позднее это вылилось в Великую хартию вольностей и в разделение власти — законодательной, исполнительной и судебной.

Такой порядок имел два следствия. Во-первых, стало развиваться небывалое прежде чувство Человеческого Достоинства, а на нем строилась культура, недостижимая при иных условиях. Во-вторых, разделение власти привело к тому, что чиновник стал бояться депутата, оба — бояться суда и судьи, а все трое — публичной огласки (будущих СМИ — средств массовой информации). В результате был поставлен хоть какой-то предел произволу, продажности, поборам и взяткам, деликатно именуемым ныне «коррупцией части госаппарата». Ни на одном из западноевропейских языков занятие какой-либо государственной должности не могло открыто называться понятным русским словом «кормление». Все это вместе взятое называется «западной демократией».

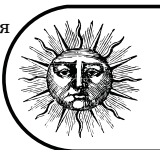
Не стоит идеализировать Запад. Остались там и произвол властей, и жульничество на выборах, и продажность депутатов, чиновников, судей, журналистов, и коррупция, и бесконечные политические скандалы. Но это не шло в сравнение с тем, что творилось и творится к востоку и югу от Запада! Здесь «демократия» может быть только номинальной, фиктивной, потому что исторические корни совсем другие, а чувства Человеческого Достоинства нет и в помине.

На Востоке изначально сложилась не иерархия сюзеренов-вассалов, а нечто вроде ханской власти у ко-

чевников, вертикаль которой пронизывала все уровни общества. Здесь никогда не было и быть не могло не только «права первой ночи», но и вообще какого-либо «права» (разве только на бумаге). Здесь каждый «хозяин» мог запросто взять в наложницы или убить и жену, и дочь крестьянина. И так целую тысячу лет — с 862 до 1861 года. Здесь каждый «хозяин» чинит произвол по собственному самодурству. Здесь всевластный чиновник не боится ни депутата и судьи (зависимых от него), ни тем более журналиста (зависимого от цензора, именуемого сегодня «спонсором»). Здесь почти каждая комедия «выборов» — сплошной майдан. Любой закон — дышло (куда чиновник повернет, туда и вышло). Здесь коррупция на всех этапах власти — кроме разве самого верхнего (где она бессмысленна) — тотальна и неодолима.

Здесь все 1250 лет истории — почти сплошная цепь злосчастий. С кульминацией в XX веке, когда кошмарные монстры, один другого хуже, сменяли друг друга у руля власти.

3

История Киевской Руси будет неполной, если не упомянуть еще о двух группах племен, не славянских.

Первая группа — тюркоязычные волжско-камские булгары (как уже говорилось, ничего общего не имеющие со славяноязычными балканскими болгарами!). Во второй половине позапрошлого тысячелетия эти племена расселились по Средней Волге (в частности, на месте будущей Казани) и продвинулись далеко в Сибирь. В X–XIII веках булгары образовали государство, не уступавшее крупнейшим княжествам Руси. Это был важный и сильный сосед, с которым Русь и торговала, и воевала. Со временем булгары спустились вниз по Волге, появились на Кубани и в Крыму, стали соперниками русского Тмутараканского кня-

жества. Чтобы успешнее воевать с соседями, они признали себя номинальными вассалами арабского халифата и приняли ислам.

Противостояние Руси и Булгарии продолжалось до нашествия монголо-татар, когда обе стороны попали под их иго, причем Булгария была разорена особенно жестоко. Тем не менее она выжила и просуществовала почти до конца XIV века, когда была стерта с лица земли кровавым Тимуром.

От Булгарии остались три тюркоязычных наследника: казанские татары, сохранившие ислам; к северу от них — башкиры (тоже оставшиеся верными исламу); наконец, к западу — чуваши, принявшие православие и в значительной мере «обрусевшие».

Вторая группа неславянских племен — угро-финские племена, еще в первой половине позапрошлого тысячелетия расселившиеся в Прикамье, к северу от булгар (примерно на территории современной Удмуртии и вокруг нее). На протяжении второй половины того же тысячелетия на их земле, как раньше у гуннов и позже у монголов, сложилась благоприятная экологическая обстановка. Они быстро размножились, и Северное Прикамье уже не могло прокормить такую массу населения. Но в отличие от гуннов и монголов, они не стали подчинять себе другие племена и катиться нарастающим кровавым валом по Европе. Просто одна подгруппа племен (будущие венгры-мадьяры) двинулась на юг, а другая (будущие финны и эстонцы) — на запад. Небольшая по численности часть угров осталась на месте и впоследствии стала известна под именем удмуртов.

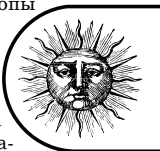
О судьбе венгров мы уже упоминали. В IX веке они двинулись на Кубань, потерпели неудачу, прошли Северное Причерноморье к югу от Руси и к концу века расселились на территории современной Венгрии. Как уже говорилось, они, подобно гуннам, напали на германцев, вновь потерпели неудачу и на протяже-

нии второй половины прошлого тысячелетия превратились в обычное восточноевропейское государство.

С тех пор исторические пути Венгрии и Руси-России никак не пересекались до самого 1848 года, когда Николай I сделал чудовищную — и далеко не последней в истории России — монаршую глупость: помог австрийскому императору, своему тогдашнему союзнику, а уже через несколько лет злейшему врагу, подавить венгерское восстание против Австрии. Через пару десятилетий австрийцы и венгры помирились, и на карте мира вместо Австрии появилась Австро-Венгрия. Но с 1848 года каждое новое поколение венгров воспитывалось в ненависти к России и русским. Плоды чего мы пожали сначала в англосоветском венгерском восстании 1957 года, а затем в 1992 году, когда Венгрия одной из первых стран Восточной Европы переметнулась в антироссийское НАТО.

Сложнее получилось с теми угро-финскими племенами, которые двинулись на восток и на запад. Часть угров переехала за Урал, и сегодня мы знаем их как ханты и манси. Часть осела к северу и югу от Верхней Волги: к северу — марийцы (черемисы) и коми, к югу — мордва (на деле — это эрзя, мокша и крошечная шокша). До Балтики дошли только несколько племен. Это финны и карелы, обосновавшиеся в современной Южной Финляндии и Карелии, и эсты (чудь), осевшие несколько южнее. И те, и другие со временем подпали под иноземное владычество. Сначала тевтонское, затем шведское, принесшее протестантизм. Наконец, российское. Подобно венграм, и финны, и эсты сделались русофобами.

Финны со временем оказались дальновиднее германцев. Они не допустили на свою территорию гастарбайтеров и почти нормально воспроизводят потомство — будущую рабочую силу. Хотя переход от сельского к городскому образу жизни — пусть позже — все равно приведет их к общему «Закату Европы».

Эстонцам повезло меньше. С переходом от сельского к городскому образу жизни они стали вырождаться и вымирать быстрее проживающих там с советских времен «русскоязычных», составляющих уже сейчас больше трети населения страны. Чтобы сохранить власть, они стали жестко дискриминировать русских. Получилось нечто вроде мини-империи, печальная судьба которой, как и всех империй, легко угадывается. Кстати, то же самое происходит в Латвии и в меньшей степени (потому что там меньше русских) в Литве.

4

Когда Владимир Красное Солнышко умер, история — словно по иронии судьбы — повторилась еще раз почти полностью.

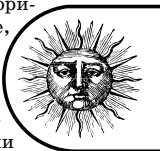
На престол вступил его старший сын Святополк (кстати, его матерью была, по языческим обычаям, вдова умершего брата князя Владимира). Этот сынок, будучи женатым на дочери польского короля Болеслава, еще при жизни отца встал во главе заговора. Святополк намеревался ввести на Руси вместо православия католичество и стать королем, как его тесть. Заговор был раскрыт, заговорщик посажен в темницу, но перед самой смертью отца выпущен под честное слово. Заняв престол (1015–1019), он первым делом перебил своих братьев-соперников Бориса, Глеба и Святослава. Но еще один брат — новгородский наместник Ярослав — не стал дожидаться той же участи и пошел с войском на Киев. Святополк был разбит, бежал в Польшу, вернулся с польским войском и снова занял Киев. Правда, ненадолго, потому что поляков в Киеве ожидала та же участь, что и их потомков шестьсот лет спустя в Москве. Русские восстали против иноземных захватчиков, и те бежали. Ярослав вновь попал на Святополка, разбил его, тот бежал к печенегам, привел их к Киеву, был еще раз разбит, бежал в Польшу и умер в дороге.

За эти «подвиги» Святополк получил прозвище Окаянного. Прозвище, очень подходящее для подавляющего большинства наших правителей, вплоть до самого конца прошлого столетия. Великим князем киевским стал Ярослав, получивший, в противоположность брату, прозвище Мудрый (годы правления: 1019–1054).

Ярослав не сразу стал «мудрым» в глазах своих современников. Почти вся его жизнь прошла в кровавых междоусобицах и войнах с соседями. Еще на закате жизни отца, будучи новгородским наместником, он, как и его брат Ярополк, составил заговор с целью отделиться от Киева и перестать платить ему дань. Этот заговор тоже был раскрыт, готовилась карательная экспедиция, и сидеть бы и этому сынку, если бы он остался живым, в отцовской темнице. Но Владимир скончался, и, как мы только что говорили, Ярослав, победив в кровавой междоусобице, через четыре года стал великим князем.

Задолго до этого началась смута в Новгороде. Ярослав был женат на дочери варяжского конунга, и его личную охрану составляли варяги. При попустительстве Ярослава варяги стали ожесточать новгородцев жестокостью и насилиями. Как и в Киеве против поляков, последовало восстание, которое с трудом удалось подавить — подлостью, вероломством и казнью многих восставших новгородцев.

Затем прошли четыре года борьбы с Ярополком. Не успел Ярослав взять верх — началась распря с собственным племянником Брячиславом, наместником полоцким, от которого удалось откупиться витебской областью. Кончилась эта распря — началась новая: с младшим братом Мстиславом, князем Тмутараканским. Тот потребовал раздела всей Руси между Ярославом и собой: к западу от Днепра — Ярославу, к востоку — Мстиславу. И на целых десять лет (1025–1035) добился своего. Не миновать бы Руси большой беды при таком разделе, но в 1035 году Мстислав умер.

И уже на следующий год Ярослав получил возможность разгромить печенегов под Киевом.

Правда, тут же пришлось захватывать и сажать в темницу еще одного брата — псковского наместника Судислава (видимо, было за что).

В те же времена состоялся поход к северу — покорять чудь (эстов). Причем Ярослав, предвосхищая появление Петербурга, заложил город Юрьев — будущий Дерпт, он же Тарту (христианское имя Ярослава было Георгий — в то время по-русски Юрий). Был поход и к востоку — чуть не до самых Уральских гор, но в тогдашних «пустынных муромских лесах» мало чем можно было поживиться. Был поход и к западу — на Польшу, с которой то воевали, то действовали в союзе — помогали польскому королю подавлять восстания против него. На юге произошел очередной конфликт с Константинополем. Туда был послан флот, но буря рассеяла его. Правда, от нее досталось и византийскому флоту. А на суше русская рать потерпела поражение, и дело кончилось миром, скрепленным женитьбой сына Ярослава на византийской царевне.

Ярослав получил прозвище Мудрого вовсе не за свои военные успехи, а за пять совершенно иных достижений.

Во-первых, он, еще раз предвосхищая Петербург, задуманный Петром I как новый Стокгольм на берегах Невы, постарался уподобить Киев Константинополю, оградив его высокими белокаменными стенами с пышными воротами. Главные из ворот — Золотые ворота — копия константинопольских, стоят до сих пор. В самом городе он воздвиг несколько каменных храмов — некоторые украшают Киев по сей день. И разумеется, построил терема для себя и приближенных. Словом, сделал Киев одним из самых значительных европейских городов.

Во-вторых, он укрепил южную границу, заложив более частую цепь пограничных крепостей-городов.

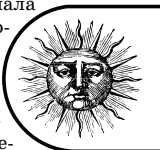
В-третьих, он поднял организацию русской православной церкви на новый уровень, сооружая всюду храмы и готовя для них священников из русских вместо византийцев. Он даже назначил русского митрополита, чтобы ослабить зависимость от Византии.

В-четвертых, Ярослав оказался выдающимся просветителем. Открывал школы, велел переводить наиболее важные, с его точки зрения, книги с греческого на церковнославянский. То есть продолжил дело первых просветителей — Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки и проповедников христианства (IX век). Он составил богатую библиотеку, открытую для читателей.

В-пятых, он стал выдающимся законодателем — инициатором первого свода законов «Русская Правда»: важного шага в развитии правового начала (что, разумеется, отнюдь не уничтожило вековой произвол).

При всем том, как и Ярополк, он подал по-томству дурной пример. Оказывается, восстать на отца или убить брата — обычное дело. Как известно, дурные примеры заразительны. И следующие почти двести лет русской истории — сплошная междоусобица, прерываемая редкими периодами затишья. Трудно читать первый том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, где детально расписывается вся эта двухсотлетняя поножовщина. Говоря словами классика, «то Мстислав Изяслава, то наоборот». Нет такого вида подлости, предательства, жестокости, который не был бы многократно продемонстрирован русскими князьями за эти двести лет. Ясно, что при таких порядках было не миновать катастрофы, которая и обрушилась на многострадальную Россию в виде несметных монголо-татарских полчищ.

Из длинной череды «мстиславов-изяславов» выделяются лишь несколько фигур, достойных упоминания и вошедших в историю.

Первая из таких фигур — великий князь киевский Владимир Мономах (годы великого княжения: 1113–1125), внук Ярослава Мудрого. Задолго до занятия киевского престола прославился успешной борьбой с кочевниками-половцами, вытеснившими разгромленных печенегов. Он перешел от обороны к наступлению, предпринял ряд походов против половцев (1103, 1107, 1111 годы), вынудив их надолго прекратить набеги на русские земли. Перед этим он трижды (в 1097, 1100, 1103 годах) выступал на съездах князей за прекращение междоусобиц и за сплочение сил против половцев.

Кстати, свое прозвище он получил не за какую-то доблесть, а просто по имени матери — дочери византийского императора Константина Мономаха.

Не удивительно, что такая политическая фигура обрела на Руси большую популярность. Когда умер очередной великий князь и в Киеве вспыхнуло очередное народное восстание, «старшая дружина» призвала на княжение именно Мономаха. Тот подавил восстание, но должен был хоть немного смягчить положение восставших. Так возник Устав Владимира Мономаха, включенный в Русскую Правду. Кроме того, в летописи сохранилось знаменитое Поучение князя — блестящий памятник древнерусской литературы. В нем князь выступает за прекращение усобиц и, говоря современным языком, за мир во всем мире.

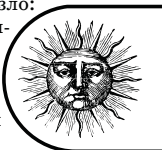
Княжение Мономаха стало временем короткого «замирения» Руси и соответственно ее стабильности. Соседи относились к ней с уважением. Великий князь объединил под своей властью до трех четвертей бывшей восточноевропейской империи и почти совсем прекратил княжеские междоусобицы. Увы, ненадолго.

Вторая фигура — князь новгород-северский Игорь (1151–1202). Прославился не столько своим походом против половцев (неудачным: разгром и плен), сколь-

ко появившейся вскоре после похода поэмой «Слово о полку Игореве» — самым блестящим памятником древнерусской литературы.

Третья, и последняя, фигура — суздальский князь, а затем великий князь киевский Юрий Долгорукий (умер в 1157 году), сын Владимира Мономаха. Он ничем не отличался от тьмы «мстиславов-изяславов» этих двух столетий, всю жизнь провел в междоусобицах и всю жизнь тянулся из Суздаля в Киев, за что и получил насмешливо-презрительное прозвище Долгорукий. До Киева он дотянулся только к концу жизни и вскоре был отравлен придворными.

И был бы он забыт, как забыты полдюжины поколений многих княжеских родов после Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, правившие до монголо-татарского нашествия, но ему неожиданно повезло: при его правлении в летописи впервые упомянута Москва (1147). Конечно, Москва существовала и раньше. Сначала в виде нескольких деревень, затем в виде обычного города. Юрий лишь расширил будущий Кремль и приказал обнести его более прочными стенами.

Прошло восемьсот лет. После Великой Отечественной войны наступили голодные годы: 1946-й, 1947-й. Продолжавшиеся репрессии тех лет требовалось хоть в какой-то мере «уравновесить» празднествами-юбилеями. Тут «хозяину» и подсказали: 800-летие Москвы! Началась очередная «показуха», и на площади перед Моссоветом вместо существовавшего памятника Свободе (на месте снесенного памятника генералу Скобелеву) появился конный памятник Юрию Долгорукому. Его бы надо было поставить в Кремле, но Кремль тогда был закрыт для народа, и там, на месте снесенного памятника Александру II, красовался памятник Ленину (тайком вывезенный за город после 1991 года). Кроме того, скульптор не удосужился посоветоваться с историками, и его вер-

сия памятника Долгорукому дискусионна. Совсем как еще один художник тех послевоенных времен, представивший Александра Невского в доспехах более позднего времени.

Но именно так в XX веке «делалась» история, и сегодня Долгорукого знают больше, чем Мудрого и Мономаха вместе взятых.

Справедливости ради нужно отметить, что Долгорукий являлся важной фигурой в становлении Владимиро-Суздальского княжества со столицей сначала в Ростове, затем в Суздале и, наконец, во Владимире (1157). Владимир стал третьим после Киева и Новгорода центром на Руси. А Москва — крупным городом княжества, позднее самостоятельным уделом, куда устремились с разоренного юга массы семей.

«Слово о полку Игореве» (написано после 1185 года) стало «первым звонком» — предупреждением о неизбежности катастрофы, если княжеские междоусобицы будут продолжаться. Однако они, понятно, продолжались с былым постоянством и размахом.

Спустя совсем немного десятилетий, в 1223 году, прозвучал «второй звонок». На реке Калке произошло сражение между объединенным русско-половецким войском и новым противником — монголо-татарским войском под предводительством полководцев неизвестного до тех пор в Восточной Европе Чингисхана. Впрочем, русско-половецкое войско правильнее было бы назвать разьединенным, даже дважды разьединенным: русские сражались отдельно от половцев, а русские князья кидались в бой каждый сам по себе. Естественно, те и другие были разгромлены поодиночке. Последовал знаменательный финал: взятые в плен половецкие ханы и русские князья мучительно умирали под досками настила, на котором пировали монгольские военачальники.

После победного пира монголы повернули назад, сочтя Киевскую Русь и тем более половцев слишком

ничтожной добычей по сравнению с той, что ожидала их на юге. А русские князья сочли эту катастрофу случайным набегом и возобновили междоусобицы.

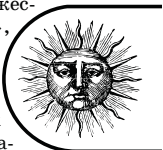
Прошло всего пятнадцать лет, и прозвенел третий, последний «звонок». Разразилась катастрофа, похуже самой страшной стихийной...

5

История повествует о том, что произошло. Философия истории размышляет о том, почему это произошло.

Почему история Киевской Руси в 862–1240 годах стала такой, какой была? Как учили древние римляне, кому это было выгодно?

Во всяком случае, не «простому народу» — крестьянам и ремесленникам, составлявшим более 90%, если не 95% населения. И не купцам. И не княжеской прислуге. И даже не «младшей дружине», составлявшей, в свою очередь, более 90%, если не 99% княжеского войска. Междоусобицы затевали князья и их «старшие дружины», небольшие кучки приближенных, составлявших сначала личную охрану князя, а с IX века превратившихся в бояр (русский аналог западных баронов). Со временем бояре сделали самостоятельной силой, высшим классом общества, который владеет государством. Они, подобно нашим сегодняшним депутатам, пользовались правом личной неприкосновенности (насколько это возможно на изначально бесправной Руси). Они добились права (при определенных условиях) «отъезда» к другому князю, сделали крупными землевладельцами, обзавелись собственным войском, вступали в конфронтацию с некоторыми князьями. Словом, владения бояр сделали чем-то вроде мелких государств в крупном государстве. Человеку, как известно, свойственно ошибаться, а государству с государством — воевать, мириться и снова воевать. Что и происходило в действительности.

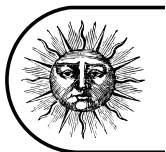
Конечно, при разных князьях в разных княжествах соотношение «князь — бояре» было различным. Совершенно как Политбюро ЦК КПСС при Сталине было одним, а при Горбачеве — другим. В каких-то княжествах князья пользовались абсолютной властью и держали бояр на положении челяди, обязанной беспрекословно повиноваться под угрозой темницы или казни. В других княжествах князья были всего лишь игрушкой в руках своего боярства (как Ельцин в руках своего семейного «клана»). Большой частью, понятно, наблюдались промежуточные состояния с уклоном в ту или иную сторону.

Таким образом, история Киевской Руси 862–1240 годов, с позиций философии истории, предстает не просто как диктатура традиций, нравов, обычаев (которые никуда не девались до сих пор), а еще и как диктатура конунгов-князей и их «старшей дружины» — бояр, высшего класса тогдашнего общества. И подобно тому, как сегодня в высшем классе идет постоянная «подковерная» борьба, а в криминальном крыле — непрерывные кровавые «разборки», точно так же князья-бояре тысячу лет назад не могли существовать без таких же «разборок»-междоусобиц.

Жаль, конечно, что восточные норманны позднее западных пришли к идее майората, согласно которой престол надо передавать династически: от отца к сыну, а не от старшего брата — к младшему. Но и на Западе, как мы знаем, до этого додумались не сразу. Кроме того, для Рюрика, в отличие от Карла Великого, Восточная Европа была не империей, не государством — хотя объективно это были именно восточно-европейская и западноевропейская империи, — а всего лишь территориями сбора дани, «полюдьем». Поэтому для Рюрика было очень важно повесить щит на воротах Царьграда, а его внуку — и вовсе создать второй Царьград на Дунае. А кто будет собирать дань — сын, старший или младший брат — это как удобнее

для «полулдя». Поэтому судьба Киевской Руси была предопределена изначально. Образно говоря, 1240 год был запрограммирован годом 862-м.

Можно, конечно, пометчать, что семейство Владимира Красное Солнышко вовремя сообразило, что лежать под досками пирующих монголов менее удобно, чем разгромить кочевников, как гуннов. В таком случае единая армия Киевской Руси в момент покончила бы с хазарами, печенегами, половцами, и, возможно, Куликовская битва состоялась бы не в 1380-м, а в 1223-м. Но нельзя забывать, что такая держава неизбежно породила бы сплочение соседей и на западе, и на юге, и на востоке. И Первая мировая война состоялась бы тысячелетием раньше...

Глава 3. МОНГОЛО-ТАТАРСКОЕ ИГО (1240–1480)

Диктатура ханов Чингисидов и их баскаков

1

В первые века прошлого тысячелетия на просторах цветущих тогда лесостепей современной Монголии сложилась благоприятная экологическая обстановка. Примерно такая же, как несколькими столетиями раньше — в предгорьях Алтая, в Скандинавии, в Северном Прикамье. С тем же главным следствием — быстрым размножением местных племен, которым стало трудно прокормиться на родной земле. Монголам предстояло выбрать путь гуннов, варягов или угро-финнов. И они выбрали путь гуннов, путь ужасающих нашествий.

В начале XIII века один из монгольских вождей по имени Темучин (1155–1227) хитростью и силой сумел объединить несколько монгольских племен и в 1206 году принял титул «великого хана» — Чингисхана.

Присоединяя к себе покоренные племена (теперь уже не только монгольские), быстро нараставший кровавый ком покатился сначала на юго-восток, полностью разорил Северный Китай и позже неудачно попытался добраться до Японии. Затем произошло столкновение с империей хорезмшахов (современная Средняя Азия и Иран). Монголы разорили и покорили всю Среднюю Азию, прошли Кавказ, вторглись в Северное Причерноморье и разгромили русско-половецкое войско на реке Калке. Ко времени смерти Чингисхана его империя представляла собой, пожалуй, крупнейшее государство тогдашнего мира — оно простиралось от Персии до Китая.

Сами монголы в упомянутом нараставшем «кровавом коме» постепенно составили лишь ядро — нечто

вроде десятитысячной «старой гвардии» Наполеона, стоявшей в резерве его более чем стотысячной армии при Бородине. Основную массу войск составляли покоренные тюркские племена, получившие общее название «татар» (по имени одного из племен, истребленных монголами).

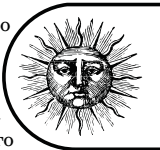
Поэтому на Руси никаких монголов не знали, а знали «злых татарове». Путать основную массу войск Чингисхана и его преемников с казанскими, астраханскими, сибирскими, кавказскими (будущий Азербайджан), крымскими татарами — возникшими как результат расселения тюрков-татар — так же непростительно, как путать варягов-русов с современными русскими.

2

Чингисхан, подобно Ярославу Мудрому (и по тем же причинам: других способов собирать дань тогда не знали) еще при жизни разделил империю на уделы (улусы) во главе с наместниками — своими сыновьями. И тем самым тоже подписал ей в будущем смертный приговор. После его смерти — и после неизбежной междоусобицы — великим ханом стал его третий сын Угедей (1186–1241), который отправил своего племянника, внука Чингисхана Батые (Бату, 1208–1255), на завоевание Европы.

Войско Батыя в 1236 году завоевало и опустошило Волжскую Булгарию. Так что предки нынешних волжских, кавказских и крымских татар пострадали от «злых татарове» не меньше, чем чуть позже — русские. Но русские князья (в отличие от германских, объединившихся против гуннов и арабов) даже не подумали примириться и продолжили междоусобицы. И снова, как на Калке, дождался завоевателей, которые разгромили их поодиночке.

Зимой 1237 года войско Батыя вторглось в Рязанское княжество. Батый предъявил ультиматум: дань

в размере десятой части имущества с каждого человека. Ультиматум отвергли. Рязанский князь попросил помощи у соседей, но те решили стоять каждый сам за себя. Последовало сражение, силы были неравны, княжеское войско было разбито, монголо-татары подступили к Рязани. После пятидневной осады, разрушив стены, они взяли город штурмом и сожгли его, население истребили. Этот сценарий в течение двух лет повторялся много раз: Переяславль-Рязанский, да и вся Рязанская земля, Коломна, Москва, Владимир и Суздаль, Дмитров, Переславль-Залесский, Тверь, Ярославль, Торжок...

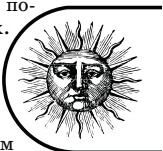
Впереди был Новгород, но в какой-нибудь сотне верст от него захватчики, убоясь весенней распутицы, повернули на юг.

Нельзя сказать, что русские только терпели поражения и гибли во взятых штурмом городах. Вскоре после взятия Рязани один из рязанских бояр по имени Евпатий Коловрат, находившийся в отъезде, с дружиной в 1700 воинов напал на захватчиков с тыла и перебил немало их, прежде чем русские сложили головы в неравном бою. А кончился поход Батыя тем, что на обратном пути от Новгорода захватчики взяли штурмом Козельск, но потеряли под городом столько воинов, что «злые татарове» назвали его «злым городом». После чего ушли за Волгу.

Но что такое множество погибших, если за Волгой войско захватчиков получило намного больше пополнений? И через год, в 1239-м, поход повторился снова. Пали Муром, Кострома, Галич Суздальский...

В 1240 году последовал третий поход. Пали Киев, Кременец, Владимир Вольнский, Галич Галицкий. Теперь вконец была разорена не только северо-восточная, но и южная Русь.

После этого в 1241–1242 годах захватчики огнем и мечом прошли Польшу, Венгрию, Молдавию, Вала-

хию, Трансильванию, Хорватию, Далмацию, вышли на берега Адриатики. И только здесь они были остановлены соединенным чешско-германским ополчением и повернули назад.

Больше походов на Русь не было. Да они были и не нужны, так как страна была разорена и покорена, а выжившие платили требуемую дань. Русь к 1242 году являла собой страшную картину: десятки городов в руинах с поголовно истребленным населением, тысячи сожженных деревень, десятки тысяч трупов на полях и дорогах.

Нужно уточнить, что в 1242 году Батый повернул обратно не только потому, что его порядочно истощенное войско встретило сильное сопротивление. До него дошла весть, что в далекой Монголии скончался великий хан Угедей, и предстояли выборы нового хана. Он поспешил домой и в 1243 году сам стал великим ханом. Теперь ему было уже не до походов.

А Киевская Русь фактически перестала существовать.

3

Беда надвинулась на Русь не только с юго-востока, но и с северо-запада. Узнав, что северо-восточная часть страны разорена, шведы двинулись на не тронутую монголо-татарами северо-западную Русь. А когда была разорена южная Русь, в поход на северо-западную Русь отправились и рыцари Тевтонского ордена, обманом взявшие Изборск, предательством — Псков и начавшие разорять деревни в 30–40 верстах от Новгорода.

Тех и других остановил новгородский князь Александр. В 1240 году на берегу Невы он встретил войско шведов под начальством герцога (ярла) Биргера и наголову разгромил его. За что получил прозвище Невский. В 1242 году на берегу Чудского озера он одержал победу в сражении с войском Тевтонского ордена. При этом проявил незаурядное военное искусство. Зная,

что тяжелооруженные рыцари неодолимы в схватке с легковооруженной пехотой, он поставил свою пехоту в центр — на лед возле крутого берега озера, загородив ее обозом, а конницу расположил на флангах. Рыцари пробились сквозь пехоту и остановились под кручей, «застряв» в обозе. С флангов и тыла по ним ударила русская конница. Рыцари попытались спастись, построив каре, но тонкий апрельский лед под ними треснул, и катастрофа тевтонцев стала полной...

В итоге северо-западная Русь была спасена от иноземного нашествия.

4

После смерти Чингисхана единство его империи сохранялось менее полустолетия. Затем начался распад, длившийся еще столетие. Наконец, распад перешел в агонию, длившуюся намного дольше. Но на Руси 240 лет иноземное иго оставалось игом.

Опустошенной Руси пришлось иметь дело с фактически независимым северо-западным улусом бывшей империи, который носил громкое название Золотая Орда. Несмотря на то что это был всего лишь осколок огромной империи, он долго представлял собой грозную силу, с которой русским пришлось тягаться почти четверть тысячелетия. По разоренным городам и деревням разъезжали с отрядами ханские баскаки (сборщики дани), собирали дань, уводили рабов. Хорошо еще, что в Орде не было развитого рабовладения и тем более развитой работорговли, как позднее в Крыму. Сравнительно немногочисленные рабы (преимущественно рабыни) входили только в челядь знати и составляли считанные проценты населения Орды. Тяготы иноземного ига удаивались игом «своей» знати.

Упадок Руси был тотальным. Конечно, имели место и восстания против захватчиков. Летопись отме-

чает волнения в нескольких местах Владимиро-Суздальской земли в 1262 году. Но в целом враг казался неодолимым. Всякий, кто не гулся перед ним, тут же уничтожался. И поэтому не давал потомства. Потомство было лишь у тех, кто выживал покорностью или подлостью (нечто подобное, как увидим ниже, было позднее при Сталине). И так — 240 лет, более десятка поколений. Разве мог такой «неестественный отбор» не дать знать себя в последующих поколениях?

Вот только одна картина, ярко отображающая трагизм, безысходность положения людей, попавших под иноземное иго. Неважно, точно ли так было в действительности, но картина в высшей степени правдоподобна. Захватчик разгневался за что-то на крестьянина, велел ему стать на колени и дожидаться, пока он сходит к избе за саблей. Крестьянин покорно опустился на колени и ждал, когда ему снесут голову... Казалось бы, можно ли более жестоко растоптать не только тело, но и сознание людей?

Отряды баскаков целое столетие проходили по оставшимся городам и деревням. Как и все двуногие звери, помимо дани они требовали пищи и женщин. Полюбуйтесь на наши с вами физиономии. Разве почти все они похожи на лица древних славян? А ведь в последующие столетия межнациональные браки были редкостью. Стало быть...

Но если крестьянину нужна была покорность, чтобы выжить, то князю, чтобы выжить в продолжавшихся распрях между собой (!) требовалась еще и изощренная подлость. Именно она составила основу политической истории Руси в последующие 240 лет.

5

С тех пор как захватчики установили господство над разоренной и покоренной землей, каждый князь и даже великий князь (к тому времени «великих князей», независимых друг от друга, набралось не-

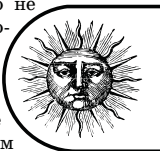
сколько) должны были ехать в Орду, униженно выпрашивать ханский ярлык на княжение и привозить дань. Плюс, как издавна повелось на Руси, взятки приближенным хана. Не соглашавшегося унижаться могли тут же убить. Оговоришь перед ханом соперника — получишь его земли. Кажется, что может быть подлее? Но задайтесь вопросом: могли ли иначе вести себя рабы иноземного владыки?

Многие десятилетия, даже века, соперничали между собой князья тверской и рязанский, московский и суздальский и так далее. Соперничество обострилось, когда захватчики — предвосхищая недавних американо-англо-франко-голландских империалистов — пришли к мысли, что не стоит посылать своих баскаков за данью, а легче и проще поручить это грязное дело самим русским князьям. Конечно, дело не только грязное, но и подлое. Зато дает князю дополнительное орудие власти (и, добавим, дополнительное орудие для грядущей борьбы с ханами).

В этом деле особенно преуспели московские князья. В те годы на смену трем крупнейшим центрам Киевской Руси — Киеву, Новгороду и Владимиру (первый и третий лежали в руинах, а второй жил своей жизнью «на отшибе») пришли три других: Тверь, Рязань и Москва. Из них Тверь и Рязань имели изначально больше шансов стать новым «Киевом». Но в конце концов им стала именно Москва.

Кто теперь помнит хоть одного из князей тверских и рязанских? Да и за что их помнить? А первых самостоятельных московских князей помнить есть за что.

Вот князь Даниил, сын Александра Невского (княжил в 1276–1303 годах). Причислен церковью к лику святых за усердие в становлении православия (самый разгар иноземного ига!). Присоединил к Москве Коломну и Переславль-Залесский, положив начало росту Московского княжества.

Его дело продолжил сын Иван по прозвищу Кали-та (тогдашнее название мощны). Получил прозвище за алчность и скопидомство. Такое же насмешливо-презрительное, как и Юрий Долгорукий. Но при всем том ухитрился присоединить еще много окрестных земель, сделал Московское княжество могущественнее соседей. Перенес резиденцию русского митрополита из Владимира в Москву, чтобы сделать ее культурно-политическим центром Руси. Главное же, при очередной поездке в Орду добился у хана права сбора дани для него со всей остальной Руси. То есть сделался ханским наместником, самым влиятельным князем в стране.

Дело отца продолжили его сыновья Симеон Гордый и Иван II. Но особую роль в истории Московской Руси сыграл сын последнего Дмитрий (княжил в 1359–1389 годах). Первые два десятилетия его княжения прошли в бесконечных расприх с другими князьями, причем в эти распри то и дело вмешивались литовцы и Орда, вновь и вновь разорявшие русские земли. Но в конце 1370-х годов в Орде началась очередная междоусобица, фактическим правителем ее стал не хан Чингисид, а всего лишь темник (генерал) Мамай. Дмитрий отказался платить дань, разбил высланный против него карательный отряд и стал готовиться к решающей битве.

Дмитрий собрал огромное войско (по летописям, до полутора тысяч воинов, но это, скорее всего, преувеличение) и двинулся навстречу врагу. Его задачей было успеть дать сражение до того, как с Мамаем соеденится его союзник — великий князь литовский Ягайло, спешивший навстречу монголам. Рязанский князь остался в стороне, готовый при неудаче Дмитрия ударить в тыл.

Мамай собрал все силы Орды, даже привлек наемников-генуэзцев из Крыма. Согласно летописям,

у него было вдвое больше воинов, чем у Дмитрия (это тоже похоже на преувеличение).

Сражение произошло 8 сентября 1380 года (все даты до 1918 года — по принятому в дореволюционной России «старому стилю») на знаменитом Куликовом поле в центре Рязанского княжества, за вдающейся в верховья Дона рекой Непрядвой. Дмитрий расположил свои полки между двумя лесами — так, чтобы по ним не могла ударить с фланга вражеская конница, а на своем левом фланге в лесу поставил «засадный полк» воеводы Дмитрия Боброка-Волынца.

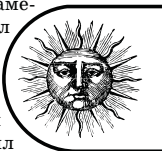
Численно превосходящие ордынцы ударили на передовой полк с такой силой, что полностью уничтожили его. Они врुбились в «большой полк» в центре, в «полк правой руки» и «полк левой руки» по флангам. Пробились почти до княжеского знамени. Дмитрий сражался наряду со всеми и был найден после битвы полумертвым, под грудой тел. «Большой полк» и «полк правой руки» устояли. А «полк левой руки» попятился под натиском вражеской конницы. Не миновать бы катастрофы, но тут в тыл наступавшим ударил «засадный полк». Конница Мамаю в панике бросилась назад и опрокинула свою пехоту, разгром стал полным. Русские преследовали бегущих.

Авантюры редко прощают. А уж неудачные авантюры — никогда. Мамаю пришлось спасаться от ханского гнева в крымской Кафе (нынешней Феодосии), где его вскоре убили.

Дмитрий получил почетное прозвище Донской.

Куликовская битва имела два следствия: одно — ужасающее, военно-политическое; другое — вдохновляющее, морально-политическое.

В том же 1380 году в Орде воцарился новый хан — Тохтамыш. В 1382 году он провел карательную экспедицию на Русь. Подступил к Москве, обманом заставил горожан открыть ворота, обещая пощаду (князь

зadolго до этого уехал на север), ворвался в город, сжег его и перебил всех жителей — тридцать с лишним тысяч человек — до последнего младенца. За это зверство он был наказан судьбой. Сначала его дважды разгромил Тамерлан (в 1391 и 1395 годах), затем — хан Едигей (1399). Двунюгий зверь умер в 1406 году в плачевном состоянии, будучи уже не в силах совершать походы на Русь. Хотя та еще много десятилетий вынуждена была откупаться от Золотой Орды данью. Но ярлыков на княжение больше не требовалось.

Вместе с тем Куликовская битва наглядно показала, что непобедимого, как казалось прежде, врага при объединении сил вполне можно одолеть. Это не могло не воодушевить людей — от князя до «простолудина» и морально подготовило народ к борьбе с ненавистным врагом. Словом, Куликовская битва стала переломным моментом в истории иноземного ига, подготовив через столетие его конец.

Вернувшийся в Москву Дмитрий Донской отстроил город заново, обнес Кремль каменной стеной. Но еще прочнее этой стены воздвиглась стена морально-духовная: сознание возможности и необходимости избавления от иноземного ига. Живым олицетворением такого сознания стал монах Сергей Радонежский (1321–1391), основатель Троице-Сергиевой лавры. Именно он благословил русские войска на Куликовскую битву. И именно он еще десяток лет, повторяя заветы автора «Слова о полку Игореве», призывал русских князей сплотиться, чтобы вместе отбиться от общих врагов.

И еще одно важное замечание. Необходимо еще раз подчеркнуть, что мамаевские «татарове» не имеют абсолютно никакого отношения к современным татарам. Иначе Куликовская битва из исторического события превращается в очередное яблоко раздора народов России.

Дмитрию Донскому наследовал его сын Василий I (годы княжения: 1389–1425). Он, по уже установившейся традиции, был поставлен на княжение ханским ярлыком. Но это было в последний раз. И не князю пришлось ехать за ярлыком в Орду: ярлык был привезен в Москву ханским послом.

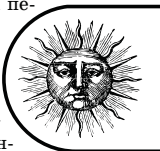
Шесть событий отметили княжение Василия I.

Во-первых, великий князь продолжил объединение русских земель вокруг Москвы. В Орде его послы купили ярлык на Нижний Новгород и Суздаль. Разными способами были присоединены Городец, Мещера, Муром, Таруса и другие города. Москва все более явственно начинала играть роль Киева и Владимира минувших столетий. Чтобы подчеркнуть ее первенствующую роль, в Москву из Владимира была перенесена особо чтимая икона Богоматери.

Во-вторых, усилилось противостояние Москвы и Литвы. Несмотря на то что Василий был женат на дочери литовского князя Витовта (того самого, кто был одним из полководцев, разгромивших в Грюнвальдской битве 1410 года Тевтонский орден). Витовт не зря носил титул великого князя литовского и русского. Он захватил Смоленск, Вязьму, претендовал на Псков и Новгород. Трижды, в 1406, 1407 и 1408 годах, литовские и русские войска сходились для сражения. Но родственные отношения брали верх, и дело кончалось миром: на западе угроза для Литвы была гораздо более серьезной, чем на востоке.

В-третьих, Псков и Новгород, ища защиты от Литвы у Москвы, все более поддавали под власть последней. Подпадали не без отчаянной борьбы, которая тянулась почти два столетия и закончилась разгромом Новгорода сначала при Иване III, а затем окончательно при Иване IV.

В-четвертых, Русь едва избежала нашествия Тамерлана.

В 1395 году Тамерлан вторгся в пределы Руси. Он только что разгромил Тохтамыша, приблизив закат Золотой Орды. Однако «железный хромец», как звали Тамерлана, ограничился тем, что две недели простоял на востоке Рязанского княжества, разорил земли вокруг Ельца и повернул обратно. То ли потому, что наступала осень (а осень и зимой Русь и сегодня разительно отличается от Самарканда), то ли потому, что, как и Чингисхан, счел предстоящую добычу слишком ничтожной по сравнению с Южной Азией. Возможно, он получил какие-то тревожные известия из своей столицы. Так или иначе — эта беда Русь миновала.

В-пятых, состоялось еще одно нашествие ордынцев. В 1408 году — через несколько лет после разгрома Тохтамыша и последовавшей междоусобицы в Орде — власть там захватил мурза Едигей. Он двинулся в поход на Москву, не смог взять ее, разрушил Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Клин, Нижний Новгород, Городец, Рязань... Это поразительно, но Русь перенесла все это просто как очередное бедствие. Как говорится, разоренного уже не разоришь. Через несколько лет после опустошительного похода Едигея города и деревни восстановились, зажили по-прежнему.

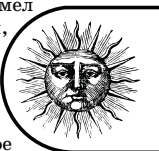
Наконец, в-шестых, — и это, пожалуй, самое существенное — резко усилилось влияние боярства. Княжеская «старшая дружина» — высший класс общества — раскололась на «низы» (мелкопоместные владельцы) и «верхи» (крупные земельные собственники, или собственно бояре). Крупные бояре все чаще соперничали с мелкими князьями. Мало того, даже крупные князья (включая московского) все сильнее зависели от своих бояр. А бояре, по законам социального тяготения, все сильнее тянулись к сильнейшему из князей — московскому. Такое наблюдалось не только на Руси, но и в Западной Европе. Как мы увидим ниже, уже при следующем княжении именно

бояре стали решающей силой в управлении государством. Таким образом, диктатура боярства началась не после освобождения Руси от иноземного ига. Она складывалась постепенно на протяжении двух веков.

Кстати, именно в это время сложились многие боярские роды, фактически правившие Русью в последующие столетия. В том числе род боярина Федора Кошки и его сыновей, предков будущих царей России из династии Романовых.

О том, какую силу набрали бояре к тому времени, свидетельствует княжение сына Василия I — Василия II (годы княжения: 1425–1462). Десяти лет от роду он наследовал престол, а в шестнадцать почти совсем потерял зрение, стал, говоря современным языком, «слабовидящим». При этом, судя по летописям, «был характера слабого и злого», не имел никаких способностей ни к государственным, ни к военным делам. К тому же по состоянию здоровья он не имел элементарного житейского опыта. Просто был символической фигурой в руках своих приближенных, как позже Ельцин в кругу своего клана. Тем не менее его долгое княжение ничем существенным не отличалось ни от предыдущего, ни от последующего. Это стало возможным благодаря сплочению и активности московского боярства, к которому присоединились бояре многих других княжеств Руси.

При дворах князей еще в XIII веке выделились «ближние слуги»: стольники, отвечавшие за пиры, вообще за продовольственное снабжение князя; чашники (кравчи, виночерпии), отвечавшие за питье; окольные, постельничьи, коноуши, сокольничьи и так далее. Все чаще они соперничали с боярами за влияние на князя. А на протяжении XIV–XVI веков эти придворные должности превратились в почетные чины, которыми не брезговали бояре и даже князья помельче. Двор московского князя все более обретал черты,

характерные для дворов западноевропейских королей того времени. С той разницей, что в нем очень многое напоминало придворные нравы азиатских ханов.

Вся жизнь Василия II прошла в возобновившейся княжеской междоусобице. Сначала против него восстал его дядя князь Юрий Галицкий, отказавшийся подчиниться мальчишке-племяннику, да еще столь ущербному. Мало того, он предъявил претензию на великокняжеский престол. Князей с трудом помирило духовенство. Через несколько лет — новый разрыв, но один из бояр Василия с трудом выхлопотал для него в Орде ярлык на великое княжение. Еще через несколько лет — еще один разрыв. На этот раз Юрий одолел Василия, занял московский престол и сослал соперника в Коломну.

Однако в Коломну стеклись значительные княжеско-боярские войска, готовые выступить на Москву. В это время Юрий скончался, и Василий II вернулся в Москву. Но борьбу с ним продолжили сыновья Юрия: Дмитрий Шемяка, Дмитрий Красный и Василий Косой. По повелению «слабозрячего» великого князя Василий Косой в 1434 году был захвачен в плен и ослеплен. Как увидим ниже, судьба через несколько лет отплатила ему той же монетой.

К этому времени процесс распада Золотой Орды усилился. Один из ханов, по имени Улу-Махмет, претендовавший на престол великого хана, был изгнан из Орды, бежал в Казань и основал там фактически самостоятельное государство, причем тут же начал набеги на Русь. В 1445 году Василий II выступил против него, но был разбит под Суздалем и взят в плен. Позже его отпустили за большой выкуп. Он привел с собой в Москву несколько отрядов татар, поступивших к нему на службу. Это вызвало конфликт с московскими боярами, и Василий уехал из Москвы в один из монастырей, где его взял в плен отряд Шемяки. Дмитрий Шемяка привез Василия II в Москву,

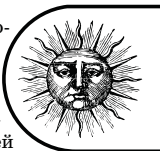
ослепил его (вот откуда «шемякин суд» и прозвище Темный, данное Василию II) и сослал в Вологду.

Но повторилась коломенская история: в Вологду со всех сторон стали стекаться приверженцы Василия II. Подкрепленные татарскими отрядами, они двинулись на Москву и восстановили Василия на престоле. Дмитрий Шемяка бежал, междоусобица продолжалась еще несколько лет. Шемяка снова был разбит, еще раз бежал — на сей раз в Новгород и там был убит приверженцами Василия. Тут же в этот город была направлена карательная экспедиция — первая, но не последняя по счету. Новгород и Псков, а позднее Рязань вынуждены были покориться великому князю московскому. Впрочем, «покорение» Новгорода продолжалось еще более столетия, до полного опустошения города.

Чем еще памятно княжение Василия Темного? Да все тем же: эпидемиями (скорее всего, чумы), засухами, горящим торфом в высохших болотах, горящими лесами, голодом. Как люди могли веками выносить такие стихийные бедствия вперемешку с кровавой междоусобицей князей и еще более кровавыми набегами соседей — нам сегодня не понять. Голод — война — мор — голод. Это происходило с устрашающей периодичностью до 1947 года включительно.

Наблюдался сдвиг в духовной сфере: в 1448 году собор русских епископов, без согласия византийского патриарха, выбрал московским митрополитом рязанского архиепископа Иону. Церковь на Руси становилась независимой от Константинополя Русской Православной Церковью.

И еще: именно во времена Василия II Золотая Орда стала распадаться на отдельные ханства. Сначала Казанское и Крымское, затем (уже позднее) — Астраханское и Сибирское. Их последующее падение было предопределено историей.

Княжение сына Василия II — Ивана III (годы княжения: 1462–1505) резко делится на две почти равные части: до окончательного падения татарского ига (1480) и после этого.

Первая часть памятна последним противостоянием Москвы и Господина Великого Новгорода.

Новгород к тому времени стал одним из заметных европейских городов — вровень с северогерманскими приморскими городами Ганзейского союза. По сути, он сделался боярско-купеческой республикой с парламентом (вече), имевшим уже многовековую историю.

Город был ареной долгой борьбы двух партий: пролитовской (призывавшей к уходу из-под гнета Москвы) и промосковской (противостоявшей католицизму, насаждавшемуся в Литве). К концу 1460-х годов Новгород одержала пролитовская партия, и в 1470 году Новгород отдался под власть Казимира, короля польского и великого князя литовского — при условии сохранения всех своих обычаев и веры. Это дало Москве предлог решить судьбу города силой. В 1471 году новгородцы были разбиты в двух сражениях. Казимир, занятый внутренними усобицами, не сумел помочь им. Московский князь фактически принудил город к капитуляции и на протяжении последующего десятилетия методично уничтожал одну новгородскую «вольность» за другой.

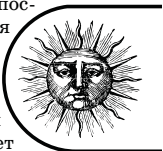
В эти годы имели место и осада Новгорода московскими войсками, и еще одна его капитуляция, и упразднение веча, и новое восстание новгородцев, и жестокое подавление восстания, и насильственное переселение в Москву более тысячи наиболее богатых и влиятельных семей. Их дома заняли переселенцы из Москвы и других земель. Последовали новые волнения новгородцев и новые «переселения». Спустя десять лет в Москву было «выведено» более семи тысяч новгородских семей. Фактически население Новгоро-

да сменилось почти полностью, и он превратился в заурядный провинциальный город великого княжества московского. Но даже это не спасло его столетие спустя от окончательного разгрома Иваном Грозным.

Внутри московского княжества продолжалось устраниение удельных княжеств и превращение князей в обычных бояр великого князя. Продолжалось это до тех пор, пока над Русью не нависла новая беда — примерно такая же, как 240 лет назад. В 1470-е годы Золотая Орда пережила свою последнюю «предсмертную судорогу». Власть в ней захватил воинственный хан Ахмат. В 1472 году он предпринял поход на Москву, но взял только Алексин и остановился перед Окой, за которой стояли войска практически объединенной к тому времени Руси. После долгих колебаний хан повернул назад. А спустя четыре года, после мучительных колебаний, Иван III решил на отчаянный, по тогдашним понятиям, шаг: отказался платить Орде вековую дань.

В 1480 году последовала карательная экспедиция. Ордынские войска дошли до реки Угры под Москвой. На той стороне, как за восемь лет перед тем за Окой, стояли русские войска, готовые к новой Куликовской битве. Началось знаменитое «стояние на Угре». Ни одна сторона не решалась напасть на другую. Стояние продолжалось всю осень, а когда ударили морозы, то по-летнему одетых ордынцев пробрало холодом. Их коней ожидал падеж от бескормицы. И ордынцы повернули вспять. Теперь уже навсегда. Вскоре в Орде хана Ахмата убили, и Орда окончательно развалилась.

Целая эпоха иноземного ига — 240 лет — осталась позади.

Глава 4. МОСКОВСКАЯ РУСЬ (1480–1709)

Диктатура боярства

1

После того как в 1480 году Московская Русь сделалась независимым государством, объединительницей русских земель, в Москве происходили события, наложившие печать на два последующих столетия русской истории.

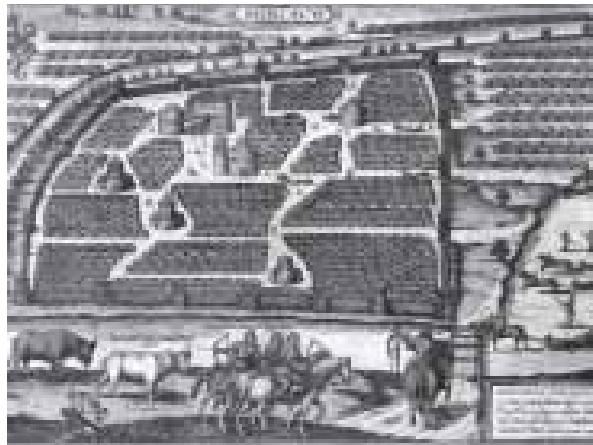
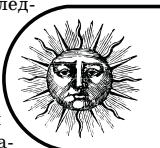
При дворе великого князя началась распря, столкнувшая две политические силы: бояр и «детей боярских». Понятием «дети боярские» к тому времени стали обозначать не только детей боярина. Сложилось особое сословие — высше-средний класс, промежуточный между боярством и купечеством-чиновничеством (дьяками и подьячими). В последующем оно превратилось в дворянство. Сначала, еще с XII века, дворянин — это просто «дворовый человек», придворный слуга князя или боярина. Затем он возвысился до положения приближенного, стал ровень с «детьми боярскими». А позже (уже в XVI веке) дворянство стало сословием, полностью поглотившим «детей боярских».

Во второй половине XV века происходили серьезные перемены и в семье Ивана III. В 1467 году умерла его первая жена Елена, оставившая сына, названного Иваном Молодым и признанного наследником. Этот Иван скончался в 1490 году, раньше отца, оставив сына Дмитрия. Между тем в 1472 году при посредничестве Папы Римского за вдовствующего великого князя московского была выдана племянница последнего византийского императора — Зоя (в Москве Софья) Палеолог. В 1479 году у нее родился сын Василий.

Эта женитьба имела для Москвы важное политическое значение. Москва становилась наследницей завоеванной турками Византии. У Москвы появился византийский герб — двуглавый орел. А несколько позже — на рубеже XV и XVI веков родилась теория «Третьего Рима»: Первый Рим тысячу лет назад пал, второй (Константинополь) пал в 1453 году, теперь Москва становится Третьим Римом, «а четвертому не бывать». Последующая история показала, что в теории имеется ошибка. «Третьим Римом» в XX веке стала вся западная цивилизация, включая ее восточную окраину — евразийскую цивилизацию. И уже к концу XX века становится ясно, что этот «Третий Рим» в XXI веке (скорее в первой половине или даже в первой четверти его) ждет судьба Первого и Второго. По причинам, которые мы затронем в предпоследней и последней главах сего повествования.

Здесь же уместнее напомнить, что к концу XV века у великого князя московского появилось два наследника: внук Дмитрий (сын сына от первой жены) и сын Василий от второй жены. В духовной сфере за каждым из них встало свое религиозное течение: за внуком — течение, проповедовавшее превосходство церковной власти над светской, признанное позже еретическим и разгромленное. За сыном — течение, проповедовавшее подчинение церкви великокняжеской власти. Борьба этих двух течений осложнилась борьбой между «стяжателями» и «нестяжателями» (сторонниками монастырского землевладения и их противниками). В социально-политической сфере вокруг внука сплотились крупные бояре, а вокруг сына — более многочисленные «дети боярские», приобретающие все более сильное влияние на великого князя.

Поначалу вроде бы одолевала «партия внука» — Дмитрия. Был раскрыт заговор на его жизнь, заговорщики казнены, и в 1498 году Дмитрия официально

провозгласили наследником. Но уже в следующем году возобладала «партия сына» — Василия. Одни сторонники Дмитрия были казнены, другие — пострижены в монахи. А в 1502 году Дмитрий и его мать Елена были посажены под стражу. Наследником был объявлен Василий. Великий князь в последние годы своей жизни тяжело болел и в 1505 году умер. Ему наследовал сын — Василий III (годы княжения: 1505–1533).

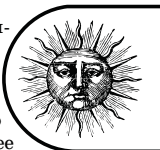
2

Княжение Василия III вошло в историю двумя событиями: укреплением власти Великого князя с присоединением к Москве оставшихся удельных земель и успешной борьбой с Великим княжеством Литовским, в результате которой к Москве отошли русские земли по Верхнему Днепру.

Если вспомнить, при каких условиях Василий III вззошел на престол (опираясь на «детей боярских» против бояр), то вряд ли можно удивляться тому, что и правил он более четверти столетия в том же духе: холодно-враждебно по отношению к боярам, доверительно — к менее знатному, но ближайшему окружению. Тем не менее, за исключением очень редких случаев, он не посмел сколько-нибудь серьезно затронуть интересы боярства и самих бояр — такую они имели силу. Мы увидим, что в следующее царство произошел самый настоящий погром бояр. И тем не менее они остались в силе.

Что ж? Разве Сталин не уничтожил почти полностью первоначальную советскую номенклатуру? Тем не менее обновленная номенклатура никуда не делась до 1991 года и в значительной своей части благоденствует донныне.

Исторический опыт показывает, что высший класс общества — как и все остальные классы — невозможно уничтожить. Состав каждого класса можно изменить — это случалось. Но классы были и остаются.

В том числе всегда остается высший класс — подлинный хозяин страны. Вот почему при всех перипетиях всякое государство всегда остается диктатурой высшего класса. В рассматриваемое нами время это было боярство, и тогдашнее государство оставалось диктатурой боярства.

Во внутренней политике продолжалось упразднение удельных княжеств — этих «государств в государстве». В состав Московской Руси были включены Рязань, Углич, Бежецк. Но остатки удельной системы еще сохранялись. Брат Василия III Юрий не только оставался князем целой полудюжины уделов, но и претендовал на великокняжеский престол. Только рождение в 1530 году будущего Ивана IV лишило его возможности стать великим князем. Были свои уделы и у других братьев великого князя.

Во внешней политике центр тяжести сместился на борьбу с Литвой и Ливонским орденом за верховья Днепра и крупнейшие города-крепости в этом районе: Псков и Смоленск.

Псков оказался между двух огней: ливонские рыцари не раз осаждали его, и страх перед ними заставил псковичей подчиниться Москве. Как и новгородцы, псковичи отчаянно пытались сохранить свои вековые «вольности» — увы, с тем же результатом.

В 1500–1503 годах дело дошло до войны между Москвой и Литвой. Она окончилась признанием Пскова частью русского государства. К Москве отошли также Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород-Северский, Рьльск, Брянск, Мценск и другие города. В 1507 году война возобновилась. Против России сложилась коалиция Литвы, Польши, казанских и крымских татар. Но набеги на Русь с трех сторон были отражены. Противники вынуждены были признать права Москвы на принадлежащие ей земли.

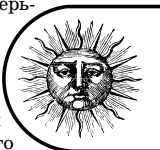
К 1510 году завершилось полное подчинение Пскова Москве. Вече было упразднено, сотни наиболее

влиятельных семей перевели в Москву и другие города, а Псков заселили выходцами из этих городов. Словом, как и в Новгороде, население было сменено почти полностью. Оба центра стали заурядными городами Московской Руси.

Ожесточенной была борьба за Смоленск. Москве пришлось предпринять на город три похода: в 1512, 1514 и 1515 годах. В конце концов Смоленск остался за Москвой — хотя еще не раз в последующие сто с лишним лет он переходил из рук в руки. Город постигла судьба Новгорода и Пскова: в нем насильственным сменили значительную часть жителей.

Крымский хан Менгли-Гирей выступал как союзник Москвы еще со времен Ивана III. Но в 1502 году он разгромил главного своего врага — Золотую Орду и после этого предпринял несколько набегов на Москву. Серьезной угрозой Руси Крым стал несколько позже.

В Казани продолжалась усобица партий ханского двора. Промосковский хан сменялся врагом Москвы, и наоборот. Поэтому взятие Казани в середине XVI века было, собственно, реакцией на приход там к власти очередного враждебного Москве хана.

3

Чтобы понять природу и характер нестихийного бедствия, обрушившегося во второй половине XVI века на Московскую Русь, необходим экскурс в область психологии, даже в область психиатрии.

Статистика констатирует, что на каждые сто здоровых младенцев приходится минимум один, а то и два три дебила разной степени слабости и разного характера психопатии. В деревне такие быстро умирают и, как правило, не дают потомства. В городе медицина искусственно сохраняет им жизнь. Поэтому процент ущербных такого рода во второй половине XX века поднялся до 3%, а к началу XXI века стал еще выше.

Но с умалишенными все более или менее ясно. Их бесполезно учить и нельзя ставить ни на какую работу. Они должны либо сидеть в специальных больницах, либо (самые смиренные) оставаться тяжким крестом для родителей или других родственников на долгие годы, часто на десятилетия, до конца жизни тех или других.

Сложнее с категорией, промежуточной между нормальными людьми и сумасшедшими. Мало того, что она по масштабам вдвое больше, она еще и очень неоднородна. На одном полюсе человек с отклонениями (маргинал) почти неотличим от сумасшедшего, а на другом — от нормального человека. При этом во всех случаях имеется множество оттенков и степеней тяжести психической аномалии. Чаще всего она — с рождения. Но не так уж редко вдруг обнаруживается в детстве, отрочестве, юности, в зрелом возрасте и обязательно приходит вместе со старческим маразмом.

Беда, когда такой экземпляр появляется в твоей семье или у соседей. Огромная беда, когда он волею судеб становится главой государства.

В жизни автора этого повествования встретились два маргинала. Один имел высокий социальный статус (был сыном секретаря одной из «братских компартий») и легко окончил институт. Ему помогли «защитить» кандидатскую диссертацию, он стал завсектором академического института и застрял только на подступах к докторской. Пошли безобразные скандалы, поведение маргинала стало, как принято говорить, неадекватным, и он быстро исчез в неизвестности. Скорее всего, на родине своего отца.

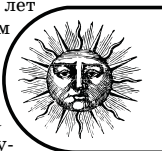
Другой не только защитил кандидатскую и докторскую, но стал директором ведущего института одной из отраслевых госакадемий, а позже чуть не стал главным ученым секретарем — распорядителем финансов огромного учреждения. Кроме того, будучи графоманом, он стал автором десятка абсолютно

бессодержательных книг. И только «неадекватное поведение», выражавшееся в лавине все тех же безобразных скандалов, положило конец его карьере. Маргинала увезли лечиться на другой конец света, где он вскоре умер.

В истории богоданной России свирепствовали целых три маргинала: Иван Грозный, Павел I и Сталин (это не говоря уже о еще большем числе алкоголиков).

Княжение Ивана IV, вошедшего в историю с прозвищем Грозный (годы правления: 1533–1584), ярко иллюстрирует жизнь человека на самодержавном евразийском троне, полного «хозяина» всей страны, имеющего неограниченные возможности для любого произвола. Этот человек с неустойчивой, неуравновешенной психикой в зрелом возрасте, в расцвете лет вдруг сделался самым типичным маргиналом («психом ненормальным») и пролил реки крови. Точнее, ручейки — по сравнению с реками, которые пролил другой «псих» 400 лет спустя.

Княжение Ивана IV четко распадается на три периода, качественно отличных друг от друга. Первый период — детство, отрочество, юность (1530–1540-е годы), когда великий князь был таким лишь номинально, поскольку не мог еще самостоятельно принимать государственных решений. Тогда на Руси все или почти все оставалось, как при его отце, деде и прадеде. Затем пришли зрелые 1550-е годы, когда князь проявил себя разумным государем, окружил себя действительными советниками, добился значительных успехов во внутренней и внешней политике. Наконец, на рубеже 1550–1560-х годов произошел психический срыв, и началось кровавое безумие, продолжавшееся почти четверть века до самой смерти царя в 1584 году. Сначала вспышка — точнее, несколько нарастающих вспышек. Потом — затишье (не исключавшее свирепых казней, но они были всегда).

И затем — крупные провалы как во внутренней, так и во внешней политике.

Уточним, что на троне сидел не умалишенный, а именно маргинал (он умер, играя в шахматы).

Ставши в три года номинальным «великим князем», Иван провел первые годы своей жизни под опекой соперничавших между собой боярских родов. Первоначально правительницей была, согласно завещанию Василия III, мать Ивана — Елена Глинская. Ей пришлось бороться с братьями Василия — князьями Юрием и Андреем (последний пытался даже устроить военный переворот). А также с собственным дядей — князем Михаилом Глинским. В этой борьбе на первый план выдвинулся приближенный Елены — князь Овчина-Телепнев-Оболенский. Накал борьбы нарастал до 1538 года, когда Елена внезапно умерла (ходили слухи, что ее отравили).

Начался новый этап борьбы. Власть в Кремле захватил князь Шуйский. Его сменил князь Бельский. Затем снова верх взял Шуйский. Его «сверг» князь Глинский. Все это сопровождалось бесконечными казнями, тюрьмами, ссылками. И, естественно, не могло не ожесточать характера ребенка-государя, и без того, как ясно теперь, ярко выраженного истерично-холерика. Жестокость характера нового государя проявилась уже в его молодые годы. Мучить животных и сбивать людей на скаку — были его обычными развлечениями. Позднее эти наклонности отразились на стране самым трагическим образом.

Подшло совершеннолетие. Разум вроде бы окреп. Шестнадцатилетний великий князь выбрал себе жену из семьи русских бояр, отвергнув иностранные кандидатуры: «норовы будут разные». В 1547 году он венчался на царство, став не только великим князем московским, но и царем всея Руси. Этот титул встречался и раньше — со времени женитьбы Ивана III на Софье Палеолог. Но большей частью в грамотах, по-

сылаемых в другие государства. Теперь же титул обрел свое первоначальное значение: Царь — русское сокращение слова «Цезарь», то есть такой же император, как византийский или как Кайзер Священной Римской империи.

Ближайшими советниками молодого царя сделали священник Сильвестр и Алексей Адашев из незнатной, далекой от боярских распри семьи. Был созван первый Земский собор, утвердивший новый Судебник. Кроме того, собор принял решения по сотне назревших проблем, главным образом церковных (отсюда название: «Стоглав»). Началось развитие земского самоуправления: выборные десятиские, сотские, старосты вместо наместников-«кормленщиков». В 1551 и 1556 годах состоялись большие «разверстания» поместий, послуживших началом складывания сословия помещиков — будущего высшего класса страны, дворян. Через Архангельск началась оживленная торговля с Британией. Шла успешная борьба с набегами крымских татар. На их набеги Москва отвечала опустошением степных крымских улусов. А главное, был подготовлен и успешно осуществлен поход на Казань (Казанское ханство пало в 1552 году). Через несколько лет (1556) пало Астраханское ханство. Остается добавить, что к концу жизни царя, в первой половине 1580-х, под ударами казаков атамана Ермака Тимофеевича пало Сибирское ханство. Московская Русь постепенно приобрела территориальные очертания современной России.

В 1560 году умерла любимая жена царя — Анастасия. И у Ивана IV произошел психический срыв. Ближайшие советники отправлены в ссылку: Сильвестр — в Соловки, Адашев — в Ливонию.

Еще с 1558 года Москва втягивалась в войну против Ливонского ордена, в войну, которую оба советника считали бессмысленной авантюрой. Война длилась более четверти века. Сначала Ливония была опусто-

шена и почти завоевана. Но вмешались Дания, Швеция, Польша. В бесплодных походах, штурмах и осадах прошли десятилетия. Наконец в 1583 году война закончилась практически ничем. Все это конечно же не могло не ожесточить характер царя.

И с того же печально известного 1560 года (года смерти жены) начались массовые казни. Сначала казнили дьяков и подьячих, заподозренных в заговорах против царя. Затем очередь дошла и до наиболее подозрительных бояр. Ответом стало бегство ряда бояр в Литву. Самый знаменитый из беглецов — князь Андрей Курбский (1564).

Вообще-то казни были в те времена таким же обыденным делом, как сегодня — дорожно-транспортные происшествия. Разве не массовой казнью было убийство тысяч древлян княгиней Ольгой? Да еще с закапыванием или сожжением заживо. В 1393 году, в княжение Василия I, в Торжке убили какого-то московского «доброхота». Ответом Москвы была мучительная казнь — через четвертование — семидесяти жителей города. Что такое крошечный Торжок сегодня? Шестьсот лет назад он был намного меньше. Казни Ивана IV поразили современников не массовостью, а тем, что царь ополчился на ненавистные ему знатные боярские роды, истребил несколько десятков их (из нескольких сотен). Высший класс, разумеется, остался высшим классом. И его диктатура — тоже. Но из него были выбиты люди с наиболее сильным характером, с развитым чувством Человеческого Достоинства — насколько это, конечно, возможно на Руси. Осталась, как и при Сталине, «слякоть» — низкие холуи, готовые на любую подлость по первому знаку царя. Типичной фигурой в этом плане был главный палач царя — Малюта Скуратов. А наиболее видными жертвами — князь Владимир Старицкий (из последних удельных князей) и митрополит Филипп (из особо ненавистного царю боярского рода Колычевых).

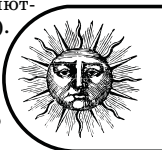
Но не эти казни дали царю прозвище Грозного. Два еще более страшных злодеяния поставили его в ряд наиболее гнусных извергов рода человеческого — вместе с Аттилой, Чингисханом, Тамерланом, Сталиным, Гитлером и Пол Потом: опричнина и новгородский погром. И то и другое наглядно свидетельствовали о ставших «неадекватными» сознании и поведении монарха, о серьезных отклонениях его психики.

Опричнина началась с того, что в декабре 1564 года царь с семьей внезапно отбыл из Москвы в Александровскую слободу и оттуда прислал митрополиту сообщение, что отказывается от царства. Оба поступка явно отдавали безумием: в Москве у царя в то время не было соперников и он мог самодуствовать вволю, никуда не уезжая. Что касается письма митрополиту, то оно представляло собой явный шантаж (абсолютно ненужный в сложившихся обстоятельствах). Фактически царь требовал, чтобы его упростили вернуться на выдвинутых им условиях (явно безумных).

Что и было сделано специально для этого посланной делегацией.

Главное из условий: из государства (земства) выделяется «опричнина» (нечто вроде сталинского НКВД) — тысяча наиболее надежных «солдат внутренних войск», в подавляющем большинстве своем из незнатных родов, многие из татарских и даже из германских. Под их жильье в Москве отвели несколько улиц. Каждый получил значительное поместье и хоршее жалованье. И начался террор.

Прежде опричниной называли уделы женщин в великокняжеской семье. Опричнина Ивана IV стала государством в государстве. Опричники безнаказанно врываются в дома мирных жителей — от крестьянской избы до боярского двора — грабили, насиловали, убивали. С единственной целью: навести ужас на народ, который и без того был вконец забит и не оказывал ни

какого сопротивления. Это было равнозначно самому ужасному иноземному нашествию (желающие познакомиться поближе с этим явлением могут прочитать «Песнь про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова или роман А. К. Толстого «Князь Серебряный»).

Зверства опричников продолжались целых семь лет: с 1565 по 1572 год. Опричнину отменили, только когда на царя нашло временное просветление и он увидел, что продолжение террора в совершенно затерроризированной стране бессмысленно.

Кульминацией террора стала жестокая царская расправа с Новгородом (декабрь 1569 — январь 1570 года). Причиной похода было «подметное письмо» какого-то обиженного новгородца о том, что город якобы собирается изменить Москве и «передаться» польскому королю. В действительности этого не могло быть, потому что, как уже говорилось, в Новгороде не только были полностью выкорчеваны остатки самоуправления, но и почти полностью заменено население: прежних мятежных новгородцев сменили вполне законопослушные москвичи и жители других городов. Но Иван IV пришел в ярость при одном намеке на «измену» и двинулся в поход на Новгород. В авангарде его армии были опричники. По дороге — просто по злобе — он опустошил Клин и Тверь, подступил к Новгороду, разбил возле него лагерь, разграбил городские дома и начал невиданные дотоле массовые казни. Каждый день целых пять недель подряд новгородцев тысячами предавали смерти разными способами — один мучительнее другого. Самый жестокий из них — сбрасывание целых семей в проруби, под лед. Казни остановили, только когда увидели близкое полное «обезлюдение» города. А это было опасно, ведь рядом шла Ливонская война.

Психопатия царя в 1570-е годы обострилась частыми неудачами в Ливонской войне и неурядицами в собственной семье. Иван IV был женат семь раз. Вто-

рая жена — Мария умерла в 1569 году, и вскоре последовал новгородский погром. Третья жена — Марфа умерла в 1571 году вскоре после брака. Было подозрение, что ее отравили, и это вызвало новую вспышку лютости царя. На четвертый брак потребовалось разрешение церковного собора, но четвертая жена — Анна оказалась неугодной, и в 1577 году она была насильно пострижена в монахини. С пятой и шестой женами (еще одной Анной и Василисой) царь не венчался, а брал благословение на сожительство. Наконец в 1580 году, уже незадолго до смерти, 50-летний царь женился на юной девушке — еще одной Марии. В промешутках между женитьбами Грозный пытался свататься к родственнице английской королевы, но неудачно.

От Анастасии у него было два сына — вполне нормальный Иван, послушный соучастник его зверств, которого он в припадке гнева убил ударом посоха в голову (1582), и слабоумный, да еще «физически немощный», Федор, который и стал его наследником. От второй Марии родился царевич Дмитрий, но он ко времени кончины царя был еще младенцем.

Что касается опричнины, то поводом для ее отмены послужила позорная трусость палачей во время набега татар на Москву в мае 1571 года. Многие опричники в критический момент бежали, и Москва была почти полностью сожжена врагом. На следующий год еще один татарский набег на Москву был успешно отбит «земскими» войсками, и вскоре царь отменил опричнину. Правда, через несколько лет он вознамерился снова восстановить ее — хотя бы частично. Но это не получилось.

К концу 1583 года царь, подобно Ленину в том же возрасте и с тем же грузом злодеяний за собой, представлял собой полную развалину. Он буквально разлагался заживо. Говоря современным языком, чувствовал

болезненное гниение внутри, видел опухоль снаружи. Внезапно он умер в марте 1584 года от «удара» (сегодня это назвали бы инсультом или инфарктом).

Малолетнего Дмитрия с его матерью придворные срочно сослали в Углич. На престол был возведен Федор Иванович (годы правления: 1584–1598).

4

Слабоумие нового царя — в противоположность его отцу — выразилось в чересчур «смирном» характере. Он был совершенно неспособен заниматься государственными делами и с утра до вечера только молился (в перерывах между развлечениями). Он, разумеется, был женат, но детей у маргиналов обычно не бывает. Во всяком случае, жизнеспособных детей.

В одном ему повезло. Его первейшим приближенным стал боярин Борис Федорович Годунов. Среди длинной череды московских монархов это был выдающийся государственный деятель. Годунов правил Московским государством с 1584 по 1605 год — сначала фактически, а с 1598 года и юридически.

Род Годунова происходил от татарского мурзы Чета, который в 1329 году выехал из Орды на службу к Ивану Калите (тогда это было обычным делом). Борис выдвинулся на службе у Ивана Грозного в 1570-е годы. Настолько, что в 1571 году женился на дочери царского любимца Малюты Скуратова. А в 1580 году выдал свою сестру Ирину за будущего царя Федора. Словом, стал одним из наиболее близких людей умирающего царя. И самым близким (не считая жены) — у его наследника.

Не удивительно, что он попал в группу лиц, которых царь назначил опекунами над своим наследником. На протяжении нескольких месяцев после смерти Ивана Грозного Борис разными способами устранил своих соперников. Один внезапно умер, другие были сосланы или пострижены в монахи. В том числе был

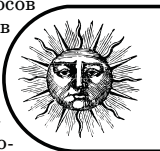
свергнут митрополит и поставлен другой — сторонник Бориса. Таким образом, Годунов стал фактически единоличным правителем Московского государства.

Во внутренней политике, стремясь к популярности среди набиравшего силу дворянства, он пошел на усиление крепостного права: отменил Юрьев день, в который крестьянам разрешалось менять владельца. Сделано это было вопреки интересам боярства: крестьяне, как правило, перебегали от мелких владельцев к крупным, где гнет был слабее. И, словно в наказание за такое закрепощение, в последующие годы на страну обрушился ряд стихийных бедствий: пожар, в очередной раз спаливший почти всю Москву; три года подряд неурожай и голод, осложнившийся «моровой язвой» (чумой). Настоящим бедствием сделалась и подозрительность Бориса, породившая поток доносов и расправ, очень похожих на то, что творилось в СССР при Сталине в 1930-е годы.

Если добавить к этому оппозицию «высочки» со стороны знатного боярства, нетрудно понять, что позиции Годунова, бесспорно обладавшего государственными талантами, были довольно шатки. Что и привело всего через несколько лет к трагическому исходу.

Главное содержание внутренней политики Годунова — усиление государства и расширение его пределов по всем направлениям. Государственный подъем был подкреплен учреждением патриаршества (1589), четырех митрополий и таким устройством Русской Православной Церкви, какое существовало до Петра I и было восстановлено при Ельцине.

Расширялись внешние связи с государствами Европы, увеличивался объем внешней торговли. При дворе царя появился первый отряд войск «иноземного строя» — предтеча будущей регулярной армии. Почти ежегодные набеги татар на Москву все чаще стали заканчиваться их поражением.

Борис как наместник Казанского и Астраханского царства воздвиг длинный ряд городов-крепостей по Волге: Самара, Саратов, Царицын. Русские отряды продвинулись до Яика (Урал) и далее в Сибирь: основаны города Тюмень, Тобольск, Сургут, Нарым.

На юге возникла такая же цепь городов-крепостей: восстановлен Курск, построены Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки. Русские войска вновь дошли до Кавказа и взяли под покровительство кахетинского царя Александра. Правда, вскоре они были вытеснены турками и персами. Протекторат России над Грузией, оказавшейся в тисках между Турцией и Персией, возобновился только через двести лет.

На северо-западе успешная война со Швецией вернула Москве города Ям, Ивангород, Копорье, Корела. Это еще не был выход к Балтике, но уже создавались предпосылки для него.

На западе каменной стеной был обнесен Смоленск, что сыграло важную роль в борьбе за него на протяжении следующего столетия. Каменной стеной был обнесен и Белый город Москвы, что затрудняло набеги на нее крымских татар.

При всех этих успехах положение Бориса год от года становилось все трагичнее. В 1598 году он формально венчался на царство. И не просто так, а по благословению патриарха и согласно решению Земского собора. Казалось бы, легитимность была соблюдена полностью. Но в Угличе подрастал царевич Дмитрий. Можно было не сомневаться, что боярская оппозиция Борису через несколько лет попытается поставить Дмитрия — последнего из Рюриковичей — на московский престол. Тогда Бориса в лучшем случае ждал монастырь. В худшем — казнь и истребление всего его рода.

Поэтому в 1591 году в Углич были подсланы убийцы. Вскоре после убийства царевича в Москве случился еще один пожар, спаливший почти весь Белый город.

Есть подозрения, что город был подожжен противниками Бориса, чтобы очернить его в глазах народа, как убийцу и поджигателя. Через несколько лет по стране поползли слухи о том, что царевич не убит, а бежал в Польшу. И действительно, в начале 1604 года в Литве появился человек, выдававший себя за царевича и начавший собирать войско для похода на Москву. В начале 1605 года самозванец потерпел поражение от московских войск, но вернулся в Литву и стал собирать новое войско.

В это время (апрель 1605 года) Борис внезапно скоропостижно скончался — видимо, не выдержал растущего нервного напряжения, именуемого ныне стрессом.

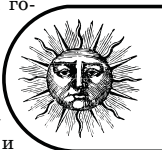
Началось первое в истории России Смутное время (1605–1613). Второе имело место в 1917–1921 годах. Третье — в 1991–2000 годах.

5

Официальная царская историография считает годами первого Смутного времени 1584–1613 годы: между кончиной Ивана Грозного и воцарением династии Романовых. Думается, это неправомерно. Годы правления Бориса Годунова отличались от предшествующих разве что в лучшую сторону. Но с 1605 года Смута, несомненно, охватила Московское царство.

Первый Лжедмитрий (всего их в историю вошло трое) был достаточно образован, чтобы выглядеть царевичем. И даже достаточно умен, чтобы попытаться привлечь к себе разные слои населения. Но он плохо представлял себе государственный строй Московской Руси и вошел в конфликт с боярами. Именно бояре призвали его на царство. И именно бояре составили против него заговор, оказавшийся для нового царя роковым.

Происхождение Лжедмитрия I остается темным. Но для истории оно не так уж и важно. Никто из серь-

езных историков не сомневается, что он был «лже». По наиболее распространенной версии, это был Григорий Отрепьев, происходивший из русских «служилых людей» и вынужденный скрываться по монастырям. Затем он бежал в Польшу, где выдал себя за царевича Дмитрия, получив негласную поддержку польского короля.

Подчеркнем, что за все время Смуты Польша формально держалась нейтралитета и никакой «польской интервенции» не было. Но польский король разрешил самозванцу набрать отряды польско-литовских авантюристов «на свой страх и риск». При этом самозванец попросил руки дочери знатного польского вельможи — Юрия Мнишека. И получил значительную финансовую помощь от будущего тестя.

Летом 1604 года 15-тысячное войско самозванца обратило вспять 50-тысячную московскую армию, пришедшую в замешательство от появления «прирожденного царевича». Правда, как уже говорилось, в начале 1605 года самозванец все же потерпел поражение и вынужден был бежать в Литву собирать новое войско. Но тут внезапно умер Борис Годунов, и русская армия (точнее, ее воеводы) перешла на сторону самозванца. Через два месяца, в июне 1605 года, Лжедмитрий торжественно въехал в Москву.

Вдову Годунова и их сына Федора тут же убили. А дочь Ксения стала наложницей самозванца и позже была сослана в монастырь.

Самозванец провел ряд демагогических демаршей (удвоил жалованье «служилым людям», облегчил подати и так далее), но вошел в конфликт с наиболее влиятельными боярами, которые немедленно составили заговор против него.

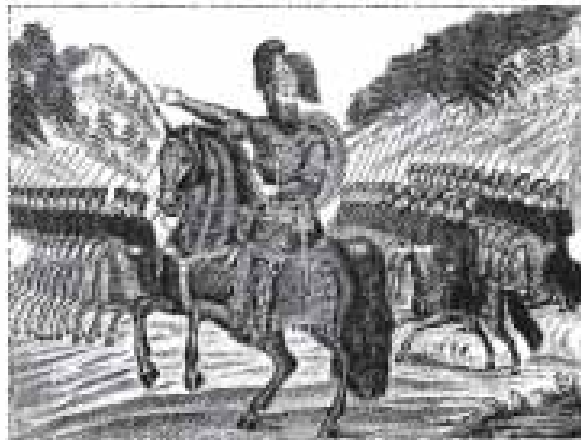
Положение Лжедмитрия осложнилось, когда в Москву приехала на венчание Марина Мнишек с отрядом польских авантюристов. Поляки, чувствуя себя победителями, начали бесчинства и в конце кон-

цов спровоцировали восстание москвичей. Это облегчило заговорщикам доступ в Кремль, самозванец был застигнут врасплох и убит в мае 1606 года, не процарствовал и года.

Заговорщики выдвинули из своей среды нового царя — князя Василия Ивановича Шуйского (годы правления: 1606–1610). Новый царь почти сразу же столкнулся с нарастающим валом крестьянских восстаний, переросших в самую настоящую крестьянскую войну под руководством Ивана Болотникова (1606–1607). К крестьянам на первых порах прикнули «служилые люди», и восставшие подступили к Москве, заняв село Коломенское. Но вскоре между крестьянами и дворянами возникли понятные разногласия, дворяне предали восставших, перебежав к Шуйскому. Болотников вынужден был отступить сначала в Серпухов, затем в Калугу и, наконец, в Тулу. Войска Шуйского построили плотину на реке Упе и затопили город. Болотников был взят в плен и утоплен.

Не успел Шуйский подавить крестьянское восстание, как из Польши появился Лжедмитрий II — человек такого же темного происхождения, как и первый, только гораздо менее образованный, глупый и грубый. Он быстро собрал вокруг себя почти сто тысяч вооруженных людей — и поляков, и казаков, и русских, и других приверженцев. И стал с ними лагерем в селе Тушино, за что получил прозвище Тушинского вора. Чтобы придать себе легитимность, Тушинский вор заставил Марину Мнишек признать себя мужем, якобы спасшимся от гибели.

Долгое время Шуйский и Вор ограничивались противостоянием. У Шуйского не хватало духа атаковать Тушино, а у Вора — напасть на Москву. Шуйский призвал на помощь шведов, которые под шумок захватили Новгород. В то же время после долгой осады польский король взял Смоленск. Наступила пора

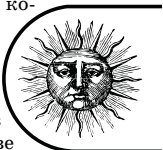
безвластия. По всей стране рыскали банды разбойников, грабивших население. Это была кульминация Смуты.

В 1610 году в этой затянувшейся сумятице произошли некоторые подвижки. Бояре сместили Шуйского с трона как не оправдавшего надежд. Установилась власть Боярской думы из семи наиболее знатных бояр («семибоярщина»). Но и новое правительство не могло придумать ничего лучшего, как призвать на царство польского королевича Владислава. К польскому королю отправили посольство, но тот затянул переговоры, намереваясь сам сесть на московский престол. В это время Тушинский вор погиб от руки одного из своих приближенных. Правда, на смену ему в следующем году явился Лжедмитрий III — «псковский вор» (он засел со своим отрядом в Пскове), который вскоре был разбит и убит.

Воспользовавшись замешательством в Тушине и Москве, польские отряды проникли из Тушина в Москву и заняли Кремль, ожидая подхода подкреплений из Польши. Но против них поднялась вся страна. Отовсюду к Москве стекались отряды для борьбы с иноземным врагом. Наиболее крупным из них было нижегородское ополчение, собранное гражданином этого города Кузьмой Мининым и поставленное под командование князя Дмитрия Пожарского. Ополчение двинулось сначала в Ярославль, а затем в Москву. По дороге оно получило значительные подкрепления, осадило Кремль, отбило попытки польских отрядов прорваться в Москву и принудило осажденных к сдаче (ноябрь 1612 года).

В январе 1613 года был созван Земский собор, избравший нового царя — Михаила Романова.

Здесь уместно напомнить о подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина. Новый царь жил в то время в своей вотчине под Костромой. В марте 1613 года к месту его жительства попытался пробиться один из

оставшихся еще в стране отрядов польских авантюристов. С понятной целью: убить, чтобы освободить престол для польского короля. Морозной ночью Сусанин завел отряд в лесную чащобу на гибель ему и себе.

6

Царь Михаил Федорович Романов (1613–1645) вступил на престол семнадцатилетним юношей. Детство и отрочество он провел в ссылке и не имел жизненного опыта, необходимого для управления государством. Кроме того, судя по отзывам современников, по характеру своему был «задумчив, кроток, послушлив, тих, религиозен» и в дела государственные не вмешивался. Но, по сути, Земский собор выбирал царем вовсе не его, а его отца, боярина Федора Никитича Романова, постриженного Годуновым в монахи под именем Филарета. Это была одна из самых активных политических фигур Смутного времени. Правда, несколько лет ему пришлось провести в польском плену. Но с 1618 года он стал действительным главой государства под званием «патриарха и великого государя». Филарет правил государством до своей кончины в 1633 году, после чего реальная власть перешла к «ближним боярам» царя. При этом для решения наиболее важных вопросов периодически собирался Земский собор.

На политической повестке дня Московского царства того времени стояли три вопроса.

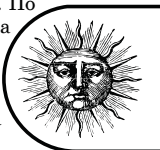
Во-первых, истребить многочисленные разбойничьи шайки, продолжавшие разорять страну. Эта задача в основном была выполнена только к 1616 году.

Во-вторых, наполнить опустевшую казну, для чего были увеличены налоги, введены откупы и займы.

В-третьих, требовалось урегулировать отношения с Польшей на западе, со Швецией на северо-западе и с Турцией (включая вассального ей крымского хана) на юге.

Со Швецией в 1617 году был заключен Столбовский мир, согласно которому шведы отказывались от Новгорода, Порхова, Старой Руссы, Ладogi и Гдова, но оставляли за собой Приморье — Ивангород, Ям, Копорье, Орешек и Корелу. Эти города пришлось отовоевывать почти столетие спустя.

С Польшей в 1618 году было заключено Деулинское перемирие на четырнадцать с половиной лет. Как раз ко времени окончания перемирия, в 1632 году, умер польский король Сигизмунд III, в Польше началась междоусобица, и в Москве момент был сочтен благоприятным для возобновления войны. Однако русская армия, осадившая Смоленск, в свою очередь, была окружена подоспевшей на выручку польскому гарнизону армией и вынуждена была сдать. Очередной Земский собор склонился к заключению мира. По условиям мира (1634) корольевич Владислав за двадцать тысяч рублей отказывался от притязаний на московский престол. Кроме того, пришлось уступить Польше Смоленскую и Черниговскую земли. Ясно, что очередной войны за эти земли было не миновать.

На юге отношения с Турцией осложнились тем, что донские казаки с налета взяли приморскую крепость Азов, и туркам никак не удавалось выбить их оттуда. Однако Москва не решилась на войну с Турцией, и казакам было приказано оставить Азов. К счастью для Москвы, в Крыму разгорелась междоусобица, и татарские набеги — по крайней мере значительные — прекратились. Правда, и у Москвы не было пока сил для похода на Крым.

Царствование Михаила было знаменательно еще и тем, что в эти годы оживились торговые, политические, культурные отношения с Западной Европой. Оттуда выписывали инженеров, врачей, архитекторов. В Москве вновь появились войска «иноземного строя», но все еще в качестве отряда царских телохранителей.

Они считались более надежными, так как иностранцы не были вовлечены в местные распри и интриги.

Таким образом, иностранцы в большом количестве появились в Москве не во второй половине XVII века, как обычно считают, а гораздо раньше. Правда, к концу XVII века их появление обрело качественно новый характер, на чем придется специально остановиться ниже.

7

Было бы ошибкой считать царствование Алексея Михайловича (годы правления: 1645–1676) простым повторением предыдущего. Нет, налицо явно новая ступень подъема Московского царства, еще одна ступень к превращению в недалеком будущем этого государства в нечто качественно новое — европейскую великую державу.

Однако параллели прямо-таки напрашиваются. И общее впечатление: это один и тот же фильм, с теми же примерно действующими лицами, только двухсерийный. Во всяком случае, оба царствования схожи друг с другом до мелочей, зато существенно отличаются от того, что было до них и что начало происходить позже.

Оба царя вступили на престол, едва выйдя из отрочества, в 16–17 лет, поэтому несколько лет за них правили бояре ближайшего окружения. Оба правили долго (31–32 года) и оба умерли примерно в одном возрасте (47–49 лет). Оба были примерно одинакового характера. Только второй был более образован — можно сказать, интеллигентен для своего времени.

У Михаила Федоровича первые годы царствования ушли на борьбу с разбоем. У Алексея Михайловича борьба с разбоем пришла на последние годы правления. У одного долгие годы фактическим правителем был отец-патриарх. Другой сам посадил на патриарший престол человека с очень властолюбивым характером,

который поставил себя «над царем» и которого поэтому пришлось свергать силой. Наконец, в оба царствования юг (Крым) был сравнительно спокоен, а борьба с Польшей продолжалась без особых изменений.

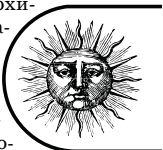
И все-таки три тенденции, преимущественно количественные, отличают одно царствование от другого.

Во-первых, дальнейшее укрепление при Алексее Михайловиче самого царства. Постепенно сложилось центральное правительство — сеть приказов, которые вели различные государственные дела.

Во-вторых, дальнейшее укрепление сословия «служилых людей» (дворянства), которые все больше отесняли боярство на второй план и наконец при Петре I совершенно поглотили его.

В-третьих, резкое усиление в Москве «иноземного присутствия». Это были уже не отдельные архитекторы, врачи, инженеры. И даже не телохранители. Счет приезжавшим иноземцам пошел уже не на единицы и даже не на десятки, а на сотни и тысячи (причем приезжали уже семьями). Еще при Иване Грозном далеко за восточной стеной города появилась «немецкая слобода» Кукуй. К концу XVI века Кукуй стал весьма значительной слободой. В первой половине XVII века это был уже целый городок. А во второй половине того же века его уже можно было сравнить со «средним» русским городом.

Большую часть приезжих составляли солдаты и офицеры войск «иноземного строя» (солдаты и рейтары). Эти войска демонстрировали гораздо более высокую боеспособность, чем туземное дворянско-стрелцкое ополчение, и на них все чаще приходилось опираться в критические минуты. Впрочем, все то же самое происходило тогда по всей Азии. Как увидим ниже, к концу XVII века произошли серьезные изменения в мировом военном искусстве. Никакие туземные ополчения любых размеров не могли более про-

тивостоять даже самому небольшому «регулярному войску». Именно переход от ополчения к регулярной армии вызвал переход Московского царства в новое качество — европейскую великую державу под названием Российская империя.

Царь Алексей Михайлович получил неплохое по тем временам образование под руководством боярина Бориса Морозова. Однако Морозов оказался плохим государственным деятелем и допустил ряд серьезных ошибок, очень похожих на ошибки российского правительства в начале XXI века («монетизация льгот», непродуманная «реформа жилищно-коммунального хозяйства» и тому подобное). В частности, был бездумно увеличен налог на соль — и последовал Соляной бунт (1648). Затем, спустя много лет, уже без Морозова, правительство пошло по его стопам и столь же бездумно попыталось ограбить население, введя медные деньги вместо серебряных. Медь быстро обесценилась, возникла дороговизна — и последовал Медный бунт (1662).

Основное внимание правительства в 1650–1660-е годы было приковано к западной границе. На Украине гетман Богдан Хмельницкий дважды разбил польские войска, но, теснимый с двух сторон Польшей и Крымом, вынужден был отдаться под покровительство Москвы. В 1654 году было провозглашено воссоединение Украины с Россией. Алексей Михайлович стал именоваться царем «всех Великие, и Белье, и Малые Руси». Неизбежно последовало возобновление войны с Польшей. Война длилась до 1667 года и закончилась Андрусовским миром, по которому к России отходили Смоленск, Северская земля, левая сторона Днепра и Киев (пока на два года). Польша, как и Крым, погрязла в раздорах, ослабела и стала добычей иноземных захватчиков с Запада. Первым претендентом на господство в ней сделалась Швеция.

Пока царь был на войне, в Москве возвысился новгородский митрополит Никон, который в 1650 году помог подавить бунт в Новгороде и Пскове, завоевал полное доверие царя, в 1652 году был посвящен в патриархи и начал радикальную реформу церкви, расколол ее на «никонианцев» (нынешняя Русская Православная Церковь) и «старообрядцев». Короче, стал фактическим правителем государства с претензией поставить церковную власть над светской. Понятно, против этого восстали правящие круги, и в 1658 году Никон вынужден был отказаться от своего сана и уехать в монастырь. Его окончательное свержение церковным собором последовало в 1666 году.

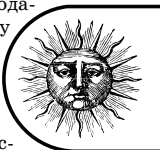
Раскол церкви вызвал бунт монахов Соловецкого монастыря (1668). Царские войска осаждали монастырь целых восемь лет и взяли его только благодаря предательству. В это же самое время на Дону и затем на Волге началось восстание казаков, переросшее в 1670 году в крестьянскую войну под руководством Степана Разина. Восстание было с трудом подавлено в 1671 году.

Важно отметить продвижение в это время русских в Сибири. В 1650–1660-е годы там были основаны Нерчинск, Иркутск, Селенгинск.

Царь Алексей Михайлович был женат дважды. Первый раз на Марии Милославской, которая родила ему тринадцать детей. Из них двое: Софья (1657–1704) и Иван (1666–1696) сыграли в российской истории важную роль. В 1669 году Мария Милославская умерла. Через два года царь женился на Наталье Нарышкиной, от которой имел троих детей, в том числе Петра — будущего Петра I (1672–1725).

8

Незадолго до своей смерти Алексей Михайлович объявил наследником последнего сына от Марии Милославской Федора (1674–1678). Но Федор умер че-

тырехлетним ребенком, и при дворе началась ожесточенная борьба партий Милославских и Нарышкиных. Первые отстаивали кандидатуру сына Милославской Ивана, вторые — сына Нарышкиной Петра. Иван был старше Петра на двенадцать лет, но по состоянию здоровья был похож на царя Федора Ивановича. Правда, в данном случае имело место не слабоумие, а крайняя болезненность — от плохого зрения до частичного паралича. Во всяком случае, до самой своей смерти в 1696 году он ни в какие государственные дела не вмешивался, вел богомольный образ жизни наподобие Федора Ивановича. Он женился и имел пять дочерей, одна из которых (Анна) стала со временем российской императрицей.

Петр в то время был шестилетним ребенком, и попытка сделать его царем означала опеку Нарышкиных. Милославские подняли стрельцов на бунт против Нарышкиных. В конце концов, к 1682 году, был достигнут компромисс: Иван и Петр были объявлены царями вместе (для них был даже сооружен специальный детский двухместный трон), а правительницей государства стала 25-летняя Софья Алексеевна, тетка обоих царей (годы правления: 1682–1689).

Важно сказать, что Софья была очень образованной женщиной и обладала государственным умом, то есть стала правительницей не только по названию. Большую помощь в деле управления государством она получила от своего фаворита — князя Василия Васильевича Голицына, тоже весьма образованного человека, выступавшего за то, чтобы энергичнее заимствовать передовой опыт Запада, и в этом смысле бывшего предшественником Петра.

На первых порах Софье пришлось столкнуться с бунтом старообрядцев и с бунтом стрельцов, почувствовавших свою силу (знаменитая «хованщина» — по имени главы Стрелецкого приказа князя Хованского). Оба бунта были подавлены с большим трудом.

Из других событий времени правления Софьи надо отметить два похода Голицына в Крым (1687 и 1689 годов). Оба похода кончились неудачей: с такой задачей спустя почти полвека смогло справиться только регулярное войско. Но оба похода показали, что завоевание Крымского ханства, погрязшего во внутренних распрях, является лишь вопросом времени.

Кроме того, при Софье с Польшей был заключен мир, по которому Россия навечно получала Киев, Смоленск и всю левобережную Украину. Это означало, что годы противостояния остались позади. Погрязшая в раздорах Польша перестала быть для Руси угрозой.

При Софье же был заключен Нерчинский договор с Китаем (1689) — первая попытка разграничения двух государств в районе Байкала. Окончательно этот процесс (определивший современные границы двух держав) был завершён только к концу XIX века.

9

В 1689 году Петру исполнилось семнадцать лет, и он (точнее, его приближенные) заявил свои претензии на реальную власть. Софья попыталась устранить его физически, но он был предупрежден и успел бежать из села Преображенского в Троице-Сергиеву лавру, куда к нему стали стекаться войска, прежде всего войска «иноземного строя», которым он уделял большое внимание в предшествующие годы (так называемые потешные полки). Правительница попыталась договориться с Петром лично, а когда это не удалось, попробовала поднять стрельцов, но также неудачно. В итоге участники заговора были казнены, Голицын сослан, а Софья заточена в Новодевичий монастырь. Она и оттуда пыталась наладить связи со стрельцами. Ее интриги закончились лишь в 1698 году очередным стрельцким бунтом и его по-

давлением. По приказу Петра нескольких главарей бунта повесили перед окнами кельи Софьи.

Важно отметить, что стрельцкие бунты тяжело сказались на психике Петра, как придворные распри — на психике Ивана Грозного. Конечно, Петр не стал таким психопатом, как Иван IV. Но неустойчивость его психики не раз сказывалась впоследствии.

Итак, с 1689 года Петр стал фактически единственным правителем государства (Ивана можно было в расчет не принимать, а Софья питала лишь слабые надежды на освобождение). Его воспитание оставалось односторонним и, как мы бы сегодня сказали, — сугубо милитаристским. Его нравственность оставляла желать лучшего. Мало того, с годами он стал проявлять озорство даже в церковных вопросах. Позднее он полностью подчинил церковь своей воле и сделал ее просто одним из департаментов государственного управления с чиновниками-попами и с обер-прокурором Святейшего синода (вместо упраздненного патриарха) во главе. И так было до 1917 года!

Все свое время Петр-ребенок, Петр-подросток и Петр-юноша отдавал играм — преимущественно военным играм. Со временем из его многочисленных товарищей по играм были сформированы два «потешных» полка — Преображенский и Семеновский (по названиям подмосковных сел, где жил в то время Петр с матерью и где формировались полки). Заметим, что полки изначально были «регулярными» и вскоре стали силой, способной потягаться с любым по численности отрядом стрельцов. Затем интерес Петра переключился на флот: сначала были лодки на Яузе, затем ботик на переславском озере и, наконец, первые корабли на донских воронежских верфях.

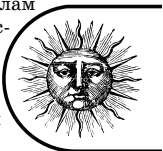
В 1689 году — еще до достижения Петром семнадцати лет — мать, по политическим соображениям, женила его на Евдокии Лопухиной. Брак оказался неудачным. Единственным его результатом было на-

шествие десятков родственников жены «ко двору». Супруги остались чуждыми друг другу, и при первой возможности царь заключил жену в монастырь. Трагической оказалась и судьба их сына Алексея (1690–1718). Он, как и мать, остался чуждым отцу, запутался в придворных интригах, бежал за границу, был обманом возвращен в Россию, женовргнут жестокими пыткам и казнен при личном участии отца.

Первые годы царствования Петра прошли целиком в «потешных» военных походах, которые все больше походили на настоящие военные маневры. В 1695 году эти походы вылились в серьезное мероприятие — нападение на турецкую крепость Азов, открывавшую дорогу в Черное море. Как мы помним, эта крепость уже была взята однажды донскими казаками при Иване Грозном, но Москве было тогда не по силам удержать ее. На этот раз она тоже сдалась после недолгой осады (1696), но в 1711 году была возвращена туркам (Азов окончательно вошел в состав России только в 1774 году). По сути, это была первая «проба сил» нарождавшейся русской регулярной армии.

После Азова внимание Петра целиком переключилось на следующее важное мероприятие — длительную зарубежную поездку с целью лично познакомиться с передовым опытом Запада в военном и военно-морском деле.

В 1697 году Петр отправился в поездку инкогнито — рядовым участником большого русского посольства. Он посетил Ригу, Митаву, Кенигсберг, Любек, Гамбург, голландский город Саардам, где немного поработал на верфях плотником, Амстердам, английский город Дентфорд, где проработал на верфях в начале 1698 года более трех месяцев. На обратном пути он остановился в Вене, где неудачно пытался сколотить антитурецкую коалицию, и в Венеции (где получил опыт строительства галер). Важным было также его свидан

ние с польским королем Августом, во время которого начались переговоры, завершившиеся в 1699 году тайным военным союзом против Швеции. В эти годы мы видим Петра уже не мальчишкой, а зрелым государственным деятелем.

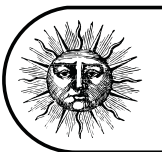
Петр прервал поездку и поторопился в Москву, потому что получил известие о новом бунте стрельцов, которые спешили воспользоваться его отсутствием, чтобы восстановить на престоле Софью. Как ни слабы были еще регулярные войска Петра, их сил оказалось достаточно, чтобы разбить неорганизованные отряды стрельцов еще до возвращения царя. Казнено было свыше тысячи стрельцов. Когда царь вернулся, казни возобновились. Стрельцов казнили сотнями, причем разъяренный царь собственноручно выполнял роль палача. К 1700 году стрелецкое войско прекратило свое существование.

Вместо стрельцов срочно сформировали 27 полков, сведенных в три дивизии, общей численностью, вместе с кавалерией и артиллерией, до сорока тысяч человек. На деле это было все то же дворянское ополчение былых времен. Боеспособностью из них выделялись лишь все те же два полка — Преображенский и Семеновский. В соответствии с русско-польским договором, эта армия спешно была направлена под Нарву с единственной целью — отвлечь силы шведов, теснивших польского короля.

В ноябре 1700 года шведский отряд (численностью восемь тысяч человек) под командованием короля Карла XII внезапно атаковал русскую армию в окопах под Нарвой. Сопrotивление оказали только Преображенский, Семеновский полки и еще один полк, успевший стать «регулярным». Остальная армия была разгромлена. Стоявшие во главе ее иностранные генералы сдались на милость победителя. Так плачевно закончилась первая — Нарвская — авантюра Петра. Таков же был позднее конец двух других

авантюры — Прутской (1711) и Персидской (1722). Но ведь не за эти провальные авантюры Петр — один из двух среди десятков российских монархов — получил прозвание Великого.

Чтобы понять причины Нарвской катастрофы и одновременно причины перехода Московского царства в качественно новое состояние великой европейской державы, необходимо обратиться к истории мирового военного искусства. Именно здесь мы найдем колыбель будущей Российской империи.

Глава 5. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ (1709–1917)

Диктатура дворянства

1

В основе европейского военного искусства после крушения античной цивилизации (середина первого тысячелетия н. э.) лежала атака регулярного (упорядоченного) строя рыцарской конницы на беспорядочные конные и пешие толпы варваров. Именно так были разгромлены гунны, арабы, монголы. Ледовое побоище 1242 года и Грюнвальдская битва 1410 года показали слабое место этой тактики (удары на рыцарей с флангов). Столетняя война между Англией и Францией (1337–1453) выдвинула против рыцарской конницы новое оружие — тяжелый лук (почти в рост человека с метровой стрелой). Залп из таких луков сразу выводил из строя много рыцарей, после чего пехота завершала их разгром. Появившаяся в XV–XVI веках маленькая пушка на костыле-подпорке (аркебуза, пицаль, мушкет) покончила с рыцарством: против пули в упор не спасала никакая броня, и хотя аркебузу, как пушку, приходилось заряжать несколько минут, против выстрела из нее не помогали ни меч, ни копье. Все военное искусство XVI–XVII веков свелось к выполнению наиболее результативных залпов из аркебуз и пушек, после чего исход схватки решали латники-пикинеры, поддержанные кавалерией.

Во второй половине XVII века на смену аркебузе и мушкету пришло более совершенное ружье с кремневым курком вместо фитиля. Ему уже не требовался костыль-подпорка. Это дало возможность прикрепить к дулу багинет (будущий штык) и таким образом

совместить ружье с пикой. Главное же, для нового ружья не требовался тлеющий фитиль, время на перезарядку резко сократилось, а выстрел производился спуском курка, высекавшего искру из кремня. Все это позволило радикально преобразовать военное искусство.

Отныне европейский полк регулярной армии (примерно две тысячи человек) делился на огневые линии двух батальонов. В каждом батальоне рота (100–200 человек) строилась тремя шеренгами-взводами (название «взвод» идет от взведения курка). Расчет был на то, что после залпа первого взвода тот успеет перезарядить ружья, пока дадут залпы второй и третий взводы. Таким образом, в течение нескольких минут до штыкового боя (дистанция выстрела была триста шагов, или двести метров), по противнику производилось несколько залпов, и он нес большие потери. А затем, во встречном штыковом бою, все решали моральный фактор и дисциплинированность той и другой стороны.

Шагать в ногу со штыком наперевес под бой барабана, ожидая каждую секунду порцию свинца в живот, а потом удар штыком в грудь, можно было только в том случае, если солдат был хорошо вымуштрован (годами!) и боялся палки капрала больше, чем пули и штыка противника.

Зато несколько таких полков легко обращали в бегство любую «нерегулярную» армию противника. Хоть русскую, хоть польскую, хоть турецкую, хоть персидскую, хоть индийскую, хоть китайскую. Под Нарвой восемь тысяч шведов принудили к капитуляции сорок тысяч русских. В последующем на протяжении XVIII века бывали случаи, когда двадцать пять тысяч «регулярных» обращали в бегство сто двадцать пять тысяч «нерегулярных». И даже десять тысяч «регулярных» легко громили сто тысяч «нерегулярных». Один одолевал десятых!

Теперь судьба Московского царства всецело зависела от того, останется ли его армия на уровне польской, турецкой, персидской или поднимется на уровень армий Швеции, Франции или Австрии — великих европейских держав того времени.

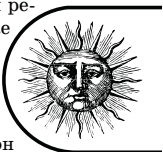
2

Покончив с русской армией под Нарвой, Карл XII потерял интерес к столь незначительному, на его взгляд, противнику и отправился сражаться с более серьезными врагами в Саксонии и Польше. Теперь все зависело от того, как Петр использует дарованную ему судьбой передышку.

И Петр сделал это оптимальным образом. Он обложил население дополнительным налогом, провел мобилизацию в армию и сформировал десятки регулярных полков. Он не останавливался даже перед тем, чтобы переливать церковные колокола на пушки. Теперь на поле сражения он мог выставить не менее пятидесяти тысяч человек войска, не уступающего шведскому.

Пользуясь отсутствием шведской армии, он воплотил в жизнь мечту Ивана Грозного — вновь начал завоевание Ливонии. Первая победа русских войск над шведскими произошла уже в начале 1702 года при Эрестфере (Эстляндия). Летом того же года шведы потерпели еще одно поражение.

Осенью русские взяли у истоков Невы Нотебург — бывший русский Орешек, переименованный в Шлиссельбург, а в мае 1703 года им сдалась крепость Ниеншанц в устье Невы. Здесь начали строить Петропавловскую крепость, чем было положено основание новой столице — Санкт-Петербургу (Москву, с которой было связано столько неприятных воспоминаний, Петр ненавидел всеми фибрами души, и поэтому колоссальный памятник ему на Москве-реке выглядит весьма иронично).

Вообще говоря, новую столицу вполне можно приравнять к еще одной авантюре Петра. Умные люди советовали ему строить город на возвышенности в районе нынешнего Петергофа, где имеются хорошие источники для городского водопровода. А в устье Невы оставить только Петропавловскую крепость и Адмиралтейство (верфь для постройки морских кораблей). Но Петр помнил Венецию и бредил новым Стокгольмом (в пику шведам). В результате потомки Петра уже четыре столетия вынуждены бороться с периодическими наводнениями, защищаться от них дамбой и так далее. И если бы Петр ограничился только этой авантюрой — он занимал бы в истории России совсем другое место.

Между тем завоевание Ливонии продолжалось. В том же 1703 году русские заняли Ям, Копорье, Мариенбург. В 1704 году — Нарву, Ивангород, Дерпт (Юрьев). Шведы укрылись за крепостными стенами Ревеля, Пярну и Риги. Практически Швеция лишилась почти всей Ливонии, кроме морского побережья. Этого Карл XII терпеть уже не мог.

В 1705 году он блокировал русские войска в лагере у Гродно. Но воспользовавшись половодьем, русские успели отступить в Россию. Карл повернул армию на Саксонию, занял Лейпциг и принудил саксонского курфюрста Августа II, бывшего одновременно польским королем, к капитуляции. Август II отрекся от польского престола. Петр остался один на один с Карлом. Шведская армия начала подготовку к походу в Россию.

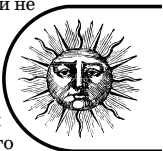
Подготовка длилась долго. В конце лета 1707 года шведская армия (54 тысячи человек) двинулась из Саксонии в Россию. Первоначально Карл, предвосхищая Наполеона, намеревался принудить Петра к капитуляции в Москве. Но упорные арьергардные бои русской армии и трудности с продовольствием и фуражом (местность по пути движения шведов была заблаговре-

менно опустошена русскими) заставили Карла повернуть на Украину, чтобы перезимовать в сытости и тепле (зима 1708/09 года). Ему обеспечил это украинский гетман Мазепа, переметнувшийся со своим войском от русского царя к шведскому королю.

Весной 1709 года Карл начал осаду Полтавы, чтобы сделать ее своей базой для похода на Москву. Осада оказалась безуспешной. Между тем к июню сюда подошла армия Петра. Пришло время решающего сражения: остаться ли России в ряду Польши, Турции, Персии — или стать вместо Швеции великой европейской державой. Именно поэтому мы датировем переход России в качественно новое состояние не 1682-м, не 1689-м и не 1721-м (когда официально была провозглашена Российская империя), а 1709 годом. Ибо Российская империя де факто родилась (могла ведь и не родиться) на поле Полтавской битвы.

Карл выставил на поле боя 24 тысячи человек при 32 орудиях плюс восемь тысяч казаков Мазепы. Ему противостояла 42-тысячная армия Петра при 72 орудиях. При таком соотношении сил превосходство русской артиллерии с самого начала стало подавляющим. Русская кавалерия откинула шведскую и принудила к сдаче несколько отдельных отрядов противника.

В решающей схватке 18 батальонов пехоты и 29 эскадронов кавалерии шведов противостояли 42 батальонам и 69 эскадронам кавалерии русских. Но русские двинули в атаку лишь первую линию — половину своих полков (вторая оставалась в резерве на случай поражения — настолько велик был ореол непобедимости шведской армии). Так что на поле боя силы противников были примерно равны. Все решил встречный штыковой бой. Он отличался необыкновенным упорством обеих сторон и продолжался на редкость долго: обычно такого нечеловеческого напряжения хватает лишь на несколько минут. Наконец, шведы не

выдержали и бежали, русская конница преследовала их. Остатки шведской армии капитулировали. Карл и Мазепа с небольшой свитой бежали в Турцию.

Великая европейская держава Швеция исчезла с карты мира.

Великая европейская держава Россия появилась на карте мира.

3

После Полтавского сражения война превратилась для Швеции в ее агонию, которая длилась целых двенадцать лет (с перерывами). К осени 1710 года от шведских войск были полностью освобождены Лифляндия, Эстляндия, Ижорская земля с Выборгом. В последующие годы произошло несколько успешных для России морских боев. Самым значительным было сражение при мысе Гангут в 1714 году, когда шведы потеряли целую эскадру. Вскоре русские заняли Аландские острова, с которых начались все более значительные набеги на шведское побережье. К 1719 году русский флот стал полностью господствовать на Балтике. Одновременно русские войска захватили почти всю Финляндию. В 1718 году начались переговоры о мире. Они проходили три года и завершились Ништадтским миром 1721 года. За Россией закреплялось все Балтийское побережье от Выборга до Риги со всеми городами Эстляндии и Лифляндии, а также с прибрежными островами. Швеции возвращалась Финляндия. Петр за этот мир был удостоен титула императора, и Россия формально стала империей.

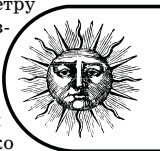
На фоне событий Северной войны совершенно затерялись уже упоминавшиеся провальные авантюры Петра — Прусская и Персидская. В 1711 году 44-тысячная русская армия во главе с самим Петром двинулась на Балканы на соединение с 80-тысячным сербско-валашско-молдавским войском, а также с

войском, обещанным польским королем. Русские войска дошли до Прута, но вместо встречи с союзниками были окружены там 127-тысячной турецко-татарской армией. Положение окруженных стало критическим, так как кончалось продовольствие. Помогли прямой подкуп визиря, командовавшего турецкими войсками, а также предложенные русскими условия мира, выгодные для Турции. Россия вернула Турции Азов, обязалась снести Таганрог и ряд других городов, только что построенных на черноморском побережье. Фактически отдавала Турции все Северное Причерноморье.

Следующий раунд борьбы за Черное море отодвинулся на много десятилетий.

Что касается Персидской авантюры, то она тоже была связана с плохим знанием обстановки. Петру доложили, что завоевать Персию не представляет труда. К весне 1722 года он сформировал 46-тысячную армию, построил на Каспии 47 парусных и более 400 гребных судов. Вся эта армада, продвигаясь на юг вдоль побережья Каспия, заняла Дербент, Баку и Решт. Однако в это время войну Персии объявила Турция. В этой обстановке Тегеран пошел на союз с Россией, которая получала все западное и южное побережье Каспия. Такой поворот событий привел к обострению русско-турецких отношений. Возникла угроза новой войны с Турцией. Поэтому в 1724 году с Турцией был заключен договор, по которому за Россией осталось только западное побережье Каспия. Но на практике удержать и это оказалось трудно. Граница на Кавказе надолго установилась по Тереку.

В историографии сложились полярные оценки царствования Петра: от безоговорочно-восторженных до резко осуждающих. Наверное, правильнее держаться объективной «середины», учитывая баланс всех «плюсов» и «минусов».

«Минусов» — множество, начиная с неуравновешенной психики (хотя вряд ли правомерно считать Петра психопатом типа Ивана Грозного, Павла I или Сталина) и кончая отвратительной жестокостью (он не раз исполнял роль палача), издевательствами над верой и церковью, диким распутием (с соответствующими болезнями, которые сделали от природы очень крепкого человека совершенной развалиной в пятьдесят лет). Показательно, что он умер примерно в том же возрасте, что Иван Грозный и Ленин, причем в столь же плачевном состоянии. Добавим, что Петр Великий казнил людей больше, чем Иван Грозный. При нем население страны уменьшилось чуть ли не на одну пятую, что сопоставимо с неизменным нашествием. Чрезвычайное напряжение подорвало экономику, и потребовалось много десятилетий, прежде чем она была восстановлена.

И все же «плюсы» перевешивают «минусы». Здесь дело не только в чертах характера Петра, вызывающих симпатию: его трудолюбие, любознательность, личная храбрость, его, как ни странно это слышать, человеколюбие. Да, он лично рубил головы ненавистным ему стрельцам, пытал и казнил собственного сына. Но он же незадолго до смерти окончательно подорвал свое здоровье, лично спасая тонущих моряков в ледяной воде. Главное же, он сделал полуазиатское (евразийское) государство великой державой.

И вошел в историю с прозвищем Великий.

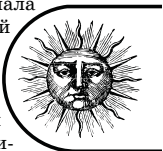
Ему повезло с памятником в Питере (Медный всадник). И не повезло в Москве, где он ведет морской корабль по реке в штанах колумбовой эпохи (первоначально скульптор ваял памятник Колумбу). Впрочем, это невезение закономерно. Москва очень далека от морей. И Москву (как и все «допетровско-московское») Петр ненавидел люто. Получается, что и Москва отплатила ему тем же.

Петр I умер в четверть шестого утра 28 января 1725 года. Он успел сказать только «Отдайте всё ...» Кому — неизвестно. Вариантов было несколько, начиная с восьмилетнего еще одного Петра Алексеевича — внука Петра I, сына его казенного сына (в скором будущем — императора Петра II). Но при дворе в это время ведущую роль играл фаворит Петра I — светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Он настоял, чтобы императрицей — первой в русской истории — стала вторая жена Петра Екатерина Алексеевна (годы правления: 1725–1727).

Вообще-то новая императрица была «ровня» светлейшему князю. Оба были «выскочки» из самого что ни на есть «простолюдья». Екатерина в молодости называлась Мартой Скавронской и была сначала женой солдата, а потом служанкой-наложницей у разных господ, включая русских вельмож, в том числе и у Меншикова, который «уступил» ее царю.

Как женщина, Екатерина обладала редким даром уживаться с самыми скверными мужскими характерами. Включая характер Петра I, который сделал служанку женой и имел от нее законных детей (мальчик умер в детстве, а одна из дочерей стала впоследствии императрицей Елизаветой Петровной). Но как государственный деятель новая императрица конечно же равнялась нулю. Тем более что к этому времени она стала такой же развалиной, как и ее муж, и к тому же пристрастилась к алкоголю. Фактическим правителем страны стал Меншиков.

Меншиков, оставаясь неграмотным, обладал государственным умом и военными талантами. Он был сначала денщиком, а потом ближайшим сподвижником Петра, получил титул светлейшего князя, чин генералиссимуса, огромные имения с тысячами крепостных. При всем том он был крайне своекорыстным

человеком, взяточником, казнокрадом, интриганом. При жизни Петра он не единожды оказывался под судом, но всякий раз выходил сухим из воды. Перед смертью Петра и в первые годы после его смерти главной страстью фаворита было получить титул герцога Курляндского, но этого он так и не добился.

Понятно, что такой человек не мог не нажить себе врагов среди петровской аристократии, и все его помыслы сводились к укреплению своего шаткого положения.

К этому времени допетровское боярство, говоря словами большевиков, было ликвидировано как класс. Все «служилое» боярство растворилось в дворянстве, почти все «неслужилое» быстро захирело и выродилось, потому что выжить в те времена можно было только пожизненной государственной службой. Среди дворянства выделялась аристократия — титулованное дворянство (князья, графы, прибалтийские бароны) и особо богатые дворяне. В свою очередь, над аристократией возвышались придворные правящие круги. С ними Меншикову и пришлось иметь дело.

Борьба Меншикова со своими соперниками тянулась целый год. Наконец, в начале 1726 года, она закончилась компромиссом. Был учрежден Верховный тайный совет из семи наиболее влиятельных сановников двора (включая Меншикова) — реальное правительство страны. Разумеется, оно мгновенно погрязло в дрязгах.

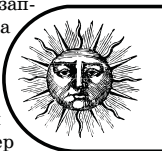
К этому времени, как уже говорилось, Екатерина была уже очень плоха. Встал вопрос о престолонаследии. На первый план выдвигалась кандидатура уже упоминавшегося внука Петра (будущего Петра II). Меншиков решил укрепить свое положение браком двенадцатилетнего Петра со своей дочерью.

В сфере внешней политики тех лет выделялась разве что интрига против Дании, которая захватила Шлезвиг, принадлежавший Голштинии. Старшая

дочь Петра I — Анна (сестра Елизаветы) как раз в это время была выдана замуж за принца Голштинского (от этого брака в России через тридцать лет появился их сын, будущий император Петр III). И Россия сколотила коалицию держав против Дании. Но смерть Екатерины весной 1727 года прекратила эту интригу.

На престол, как и предполагалось, вступил Петр II (годы правления: 1727–1730), ставший первоначально простой игрушкой в руках Меншикова, уже заранее считавшего себя царским тестем. Однако Меншиков просчитался. Влияние на царя перехватили князья Долгоруковы, организовавшие переезд двора из Петербурга в Москву и начавшие подготовку брака царя с княжной Долгоруковой. Меншиков был отправлен в сибирскую ссылку, где и умер в 1729 году. Но и происки Долгоруковых были внезапно прерваны смертью Петра II в январе 1730 года от оспы. Вновь встал вопрос о престолонаследии.

К этому времени в Верховном тайном совете решающий голос сохранили один из князей Долгоруковых, два князя Голицына и канцлер Головкин. После долгих пререканий они остановили свой выбор на вдовствующей герцогине Курляндской Анне Ивановне — дочери соправителя молодого Петра I — Ивана V. У этой кандидатуры в глазах «верховников», как называли тогда членов Верховного тайного совета, было два преимуществ: во-первых, она была бездетна и враждебна потомству Петра I, так что вопрос о престолонаследии вновь переходил в руки «верховников»; во-вторых, Анна легко приняла «кондиции» — условия, на которых ее приглашали на царство. По этим условиям, Анна (как и Екатерина, абсолютно неспособная к государственным делам) становилась чисто символической фигурой. Реальная власть оставалась всецело в руках «верховников».

Однако «верховники», как и Меншиков до них, жестоко просчитались. Они не учли, что более широкие придворные круги, опирающиеся на гвардию, ненавидели их так же смертельно, как и они сами — друг друга. Анне сообщили, что «кондиции» — дело рук нескольких одиночек, а «шляхетство» стоит за «самодержавство». Поэтому по прибытии в Москву Анна демонстративно разорвала «кондиции», отправила в ссылку «верховников» и стала властвовать самодержавно, опираясь на приближенных, привезенных из Курляндии (годы правления: 1730–1740).

Среди них выделился курляндский немец Вирон, получивший титул герцога, ставший всевластным фаворитом и действительным правителем страны. Годы его правления получили в народе красноречивое название «бириновщина». Своекорыстный, грубый, жестокий немец расставил почти на все ключевые посты в государстве преданных ему немцев и свирепо подавлял малейшее недовольство.

Именно с 1730-х годов — с перерывом на царствование Елизаветы (годы правления: 1742–1761) — в России началось засилье немцев. Почитайте пушкинскую «Историю Пугачева»: там каждая четвертая генеральская фамилия — немецкая. Можно не сомневаться, что среди губернаторов и высших чиновников пропорция была точно такая же. С 1761 года двор Романовых стал насквозь немецким. Если Павла I (с учетом национальности его реального отца) можно считать наполовину немцем, то его сыновья Александр и Николай (от жены-немки) были немцами уже на три четверти. Александр II — более чем на девять десятых. А в Александре III и Николае II (с их мамами из Германии и Дании) «русская кровь» была лишь символом.

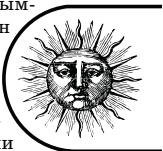
Да и нравы при петербургском дворе (включая язык) мало чем отличались от бранденбургских и мекленбургских. Это наглядно видно хотя бы по придвор-

ным чином. Если на военной и гражданской службе преобладали поручики-полковники и секретари-советники, то при дворе до самого 1917 года остались мундшенки и фурьеры, камер-юнкеры и камергеры, гофмейстеры и егермейстеры, форшнейдеры и так далее. И если декабристы сатирически писали про Александра I: «царь наш — немец прусский, носит мундир узкий», то Николая II — как «немца» — с начала и до конца его царствования недолюбливали очень многие. Словом, моя богоданная Россия рюриками началась — рюриками и окончилась. Потом, правда, началось такое, что даже о рюриках думаешь с нежностью.

Во внешней политике царствование Анны Ивановны отмечено только Русско-турецкой войной 1735–1739 годов. Предлогом для войны явились крымские набеги на Украину. Момент был выбран удачно: Турция начала войну с Персией, и основные силы турецкого вассала — крымского хана — были брошены в Дагестан. Война еще раз продемонстрировала превосходство регулярных войск над нерегулярными. Турки были разбиты в нескольких сражениях, а русские войска загнали в горы крымских татар. Однако в целом военные действия велись столь бездарно, что завершивший войну мир принес России лишь незначительные земельные приращения.

До выхода к Черному морю, присоединения Крыма и создания Черноморского флота оставалось около полувека.

В 1733 году бездетная императрица, по совету придворных, выразила намерение обзавестись наследником. Выбор пал на немецкую принцессу Елизавету Екатерину Христину Мекленбург-Шверинскую. Она была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского и русской великой княгини Екатерины Ивановны, правнучки царя Алексея Михайловича, внучки его

сына Алексея Ивановича и сестры Анны Ивановны. Таким образом, генеалогическая линия Петра I углубилась полностью. Принцесса была приглашена к русскому двору, приняла православие под именем Анны Леопольдовны и выдана замуж за немецкого принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Свадьба состоялась летом 1739 года, а в августе 1740 года — всего за два месяца до кончины императрицы Анны Ивановны — у молодой четы родился сын Иван.

В последние дни императрицы был опубликован Манифест о престолонаследии. Наследником объявлялся внук императрицы «принц Иоанн», имеющий в будущем быть самодержцем под именем Ивана VI. Регентом государства, понятно, становился Бирон.

Сама Анна Леопольдовна, охарактеризованная современниками как женщина «слабая и нерешительная, ленивая и беспечная», приняла свершившееся как должное. Тем более что формально она именовалась «правительницей государства», хотя правил, разумеется, регент. Однако приближенные императрицы, недовольные засильем Бирона, противопоставили ему другого влиятельного немца — фельдмаршала Миниха. Тот без труда арестовал и сослал Бирона, а также его приближенных, и сам стал регентом. Впрочем, ненадолго: придворные Анны Леопольдовны происками и интригами добились вскоре и его отставки.

Между тем несколько гвардейских офицеров, недовольных засильем немцев, воспользовались нескончаемыми «смутами» при дворе правительницы и выдвинули свою кандидатуру на престол — дочь Петра I Елизавету. В ночь на 25 ноября 1741 года небольшой отряд гвардейцев арестовал правительницу и ее семью (включая ребенка), а также ряд ее приближенных — Миниха, Остермана и других. Арестованных хотели выслать за границу, но, опасаясь осложнений,

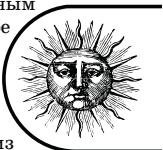
отправили в ссылку, где Анна Леопольдовна через несколько лет умерла. Ее сын — подрастающий император Иван VI — позже был заключен в Шлиссельбургскую крепость и начисто отрезан от внешнего мира. Как оказалось, не зря. Через двадцать с лишним лет, уже при Екатерине II, некий офицер-авантюрист по фамилии Мирович сделал попытку освободить заключенного и возвести его на престол. Но охрана имела приказ убить своего подопечного при первой же попытке освободить его, что и было сделано. А Мировича — казнили.

На престол вступила Елизавета Петровна (годы правления: 1741–1761).

5

Елизавета была способна к государственным делам ничуть не больше, чем Екатерина I и обе Анны. То есть неспособна абсолютно. Смысл жизни всех четырех женщин заключался только в развлечениях. Разница была разве лишь в том, что Екатерина увлекалась спиртным, Анна Ивановна тешилась шутами (в том числе из княжеских фамилий), Анна Леопольдовна страдала от несчастной любви (не к мужу), а Елизавета жила балами-маскарадами и ежедневной сменой нарядов.

Но императрице и не нужно было заниматься государственными делами. Она подобрала команду управленцев — правда, не столь сильную, как Екатерина II, — и команда эта успешно взяла бразды правления в свои руки. Команда состояла из канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и трех братьев Шуваловых. Бестужеву была поручена внешняя политика. Кроме того, он целых шестнадцать лет фактически управлял государством. Из братьев Шуваловых Александр стал начальником Тайной канцелярии (предшественница будущей жандармерии — ЧК — НКВД — КГБ) и самым близким цариче лицом, не считая ее морганати-

ческого супруга — церковного певчего Алексея Разумовского, сделанного графом. Второй брат — Петр взял на себя внутреннюю политику, а третий брат Иван сыграл роль будущего министра просвещения. Вместе с Ломоносовым (почти единственным русским среди академиком-немцев) он в 1755 году основал Московский университет, Казанскую гимназию и Петербургскую академию художеств.

В целом царствование Елизаветы было более благоприятным для России, чем предыдущее.

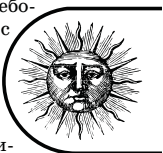
Конечно, периодически случались «мор» и голод, сохранялись непомерные налоговые тяготы и тяжелая рекрутчина. Но если в предыдущее царствование людей нередко подвергали кровавым пыткам и казнили, то новая царица объявила, что впредь в России смертных казней не будет. Правда, она чисто по-бабы свела счеты со своей соперницей на балах, «урезав» ей язык и подвергнув ее порке кнутом. В дальнейшем такие эксцессы стали редкостью, хотя и продолжались в течение всего XVIII века. Смертная казнь тоже применялась лишь в исключительных случаях (Мирович, Пугачев, декабристы, народовольцы) — вплоть до кровавого финала революции 1905–1907 годов.

Две трагедии омрачили царствование Елизаветы. Одна — связанная с престолонаследием, завершившаяся убийством претендента на трон (мы уже упоминали об этом). Другая — связанная с Семилетней войной 1756–1763 годов (трагичной для России тоже в связи с проблемой престолонаследия, но с другим ее аспектом). Через какое-то время после вступления на престол Елизавета поняла, что останется бездетной, и поэтому начала подыскивать себе преемника. Выбор пал на Петра Ульриха (1728–1762), сына герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха и дочери Петра I Анны, сестры Елизаветы. Любопытно, что по отцу Петр Ульрих мог быть (и действительно какое-

то время был) наследником шведского престола. Но российская корона, на беду принца, в глазах родителей перевесила. Сын оказался пьяницей и очень глупым человеком — не первый и не последний случай в доме Романовых. Он был совершенно необразован, враждебно относился к России и ко всему русскому, интересовался только военной муштрой и благоговел перед королем Пруссии Фридрихом II. Окружив себя выходцами из Голштинии, он как бы самоизолировал себя в петербургском политическом пространстве и тем самым, можно сказать, обрек себя на гибель.

В 1745 году его женили на принцессе Софье Фредерике Августе Анхальт-Цербстской (1729–1796), переключенной в православии в Екатерину Алексеевну. Супруги изначально не сошлись друг с другом и духовно, и физически. Меж тем Елизавета требовала наследника. Екатерине пришлось сойтись с гвардейским офицером, результатом чего стало появление Павла Петровича (будущего императора Павла I, 1754–1801). Екатерина оказалась полной противоположностью своему супругу. Умная, волевая, целеустремленная, она получила хорошее самообразование (позволившее ей впоследствии вести переписку с лучшими умами Европы, включая Вольтера) и окружила себя толковыми и энергичными гвардейцами, среди которых выделились четыре брата Орловых — ее будущие сподвижники. Один из них стал ее любовником. Все это имело мало значения, пока на престоле сидела Елизавета. Но со второй половины 1750-х годов императрица стала все чаще хворать. Придворные видели, что протянет она недолго (они ошиблись: она «протянула» несколько лет) и что им со дня на день придется иметь дело с новым монархом — слепым поклонником прусского короля.

Между тем в 1756 году разразилась так называемая Семилетняя война. Ее корни уходили к 1740 году,

когда на австрийский престол взошла Мария Терезия, поначалу не признанная некоторыми западноевропейскими монархами, которые претендовали на «австрийское наследство». Под шумок прусский король Фридрих II захватил австрийскую Силезию. К середине 1750-х годов Мария Терезия сколотила коалицию в составе Австрии, Франции, Швеции, России и Саксонии, чтобы на сей раз поделить «прусское наследство». Но и Фридрих не терял времени. Он собрал сильную армию и в 1756 году разбил поодиночке австрийцев и французов, после чего занял Саксонию. В центре Европы, таким образом, возникла не просто еще одна великая держава, но еще и претендующая на господство во всей Германии, да и во всей континентальной Европе.

Канцлер Бестужев убедил окружение Елизаветы в серьезности этой угрозы. Елизавета легко пошла на войну, потому что начала свое царствование с успешного завершения очередной русско-шведской войны, начатой еще при Анне Леопольдовне (1741–1743), и была уверена в быстрой победе.

В 1757 году 55-тысячная русская армия фельдмаршала Апраксина вступила в Пруссию и у деревни Гросс-Егерсдорф дала сражение 24-тысячной армии Фридриха. Атака пруссаков была отбита, но в этот момент Апраксин получил донесение о серьезной болезни Елизаветы. Понимая, что при новом императоре его победа над Фридрихом будет равнозначна смертной казни, он отступил. Однако Елизавета выздоровела. Апраксина отдали под суд, а командующим армией назначили генерала Фермора.

Фермор зимою 1757/58 года занял Кенигсберг и всю Восточную Пруссию, а в летнюю кампанию 1758 года дал Фридриху сражение при Цорндорфе. Сражение было кровопролитным, но осталось безрезультатным, потому что Фермор, как и Апраксин, получил тревожное сообщение из Петербурга о здоровье императ-

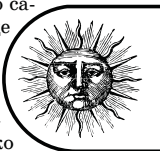
рицы и, понятно, остался в бездействии. Он был заменен генералом Салтыковым, который летом 1759 года наголову разгромил Фридриха в сражении при Кунерсдорфе. Из 48-тысячной армии пруссаков спаслись бегством, вместе с королем, лишь три тысячи. Но снова пришли тревожные депеши из Петербурга, и снова третий уже по счету генерал поспешил отвести русскую армию на зимние квартиры. Позднее, сославшись на болезнь, Салтыков вновь передал армию Фермору.

В 1760 году Фридрих, переформировав армию, еще раз нанес поражение французам и австрийцам. Русские продолжали оставаться в бездействии. Только один из их отрядов на время занял Берлин. Несмотря на отдельные успехи, положение Фридриха к 1761 году сделалось настолько отчаянным, что он подумывал о самоубийстве. Но ему несказанно повезло. В конце декабря 1761-го умерла-таки Елизавета, а уже в мае 1762 года новый русский император заключил с Фридрихом союзный договор. Продолжение войны стало бессмысленным, военные действия на западе вяло тянулись еще несколько месяцев, а затем был заключен мир — практически на условиях статус-кво в Европе.

Таким образом, с одной стороны, Россия безрезультатно понесла огромные людские и материальные потери (сотни тысяч солдатских жизней и миллионы рублей). С другой стороны, прусская гегемония в Европе была отодвинута более чем на столетие, а для мировой истории это — очень важное событие.

6

Окружение Петра III (1761–1762) оказалось более дальновидным, чем новый император. Уже в первые месяцы 1762 года оно подготовило два указа, которые не могли не прибавить популярности царю. Один указ упразднил Тайную канцелярию с ее политическим

сыском. Другой назывался «О вольности дворянской». Он отменил обязательную прежде для дворянства военную или гражданскую государственную службу. Этот указ был в 1785 году подкреплен Жалованной грамотой Екатерины II, в силу чего дворянство окончательно стало паразитическим классом. Конечно, до самого 1917 года у дворянства оставалась монополия на высшие военные и гражданские должности. Но все большее число дворян жило и умирало паразитами, так что ряды офицеров и чиновников приходилось пополнять выходцами из других сословий.

Эти паразиты — как и сегодняшние паразиты-олигархи — были в подавляющем большинстве своим отнюдь не русскими. До 40% дворян имели германское и столько же — тюркское происхождение. И они-то и владели главным тогда достоинством государства — землей. Даже к 1917 году 130 тысяч помещиков имели столько же земли, сколько 13 миллионов крестьянских хозяйств. До 1861 года дворяне были рабовладельцами, поскольку русский крепостной ничем не отличался от раба. До 1906 года они держали своих бывших крепостных на положении «временно-обязанных», то есть фактически продолжали брать с них ежегодную дань — оброк (сверх обычных налогов).

И вот сегодня разные проходимцы воссоздают «дворянские», «купеческие» и прочие «собрания». Что остается делать мне, потомственному крестьянину? Брать вилы и идти поджигать по второму разу уже сожженные помещичьи усадьбы?

История моей богоданной России должна ярче выявить многие сегодняшние благоглупости, не только в отношении дворянства, будь оно неладно!

7

Насколько политически дальновидным было окружение Петра III (далекие от России голштинцы), настолько политически близоруким оказался пьяни-

ца на троне. Буквально за несколько месяцев он успел оттолкнуть от себя наиболее влиятельных русских сановников, вошел в конфликт с церковью и, наконец, надумал отправить гвардию в свою родную Голштинию, чтобы отвоевать у Дании Шлезвиг. Это переполнило чашу терпения всемогущих со времен Елизаветы петербургских преторианцев. Был составлен заговор во главе с любовником Екатерины Орловым и его братьями. Отряд гвардейцев во главе с Екатериной двинулся в загородный дворец, где пьянствовал Петр. Император был арестован и затем убит в пьяной драке. Екатерина была провозглашена императрицей под именем Екатерины II (годы правления: 1762–1796).

О государственном уме новой императрицы мы уже говорили. Но она сумела сделать большее — собрала команду управленцев, не уступавшую, а может быть, даже превосходившую елизаветинскую. И эта команда подняла Россию на новую ступень могущества. В результате Екатерина стала вторым (вслед за Петром) и последним правителем в истории России, кто получил почетное прозвание Великий.

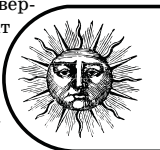
В составе команды мы находим фамилии выдающихся государственных деятелей, полководцев и флотоводцев: братья Г. Г. и А. Г. Орловы, Г. А. Потемкин, А. Р. Воронцов, А. А. Безбородко, П. А. Румянцев, А. В. Суворов, Ф. Ф. Ушаков и другие. Ни до, ни после управленцев такого класса в России не было. В области внутренней политики Екатерина упорядочила губернское и городское управление, вообще подняла состояние государства на более высокий уровень. Планировала введение местного самоуправления, но не решилась на него: оно пришло лишь столетие спустя в виде земства.

В области внешней политики Екатерина II провела две войны с Турцией (1768–1775 и 1787–1791 годов)

и три раздела заживо разложившейся Польши, по которым к России отошли Литва, Белоруссия и правобережная Украина (кроме Галиции). Кроме того, Россия приняла под свой протекторат Грузию (1783). Добавим, что третий раздел Польши вызвал восстание поляков под руководством Костюшко, подавленное Суворовым.

В первой Русско-турецкой войне в сражении на реке Кагул 27-тысячная армия Румянцева разгромила 150-тысячную турецкую армию, а в Чесменской бухте флот А. Орлова уничтожил турецкий флот (1770). На следующий год русские заняли Крым. Начались долгие, безрезультатные переговоры о мире. В 1774 году Салтыков разбил одну из турецких армий у Туртукая, а Суворов другую — у Козлуджи. Турки запросили мира, по которому Россия получила Северное Причерноморье и фактический протекторат над Молдавией и Валахией. Крымское ханство было объявлено независимым от Турции, что предопределило в 1783 году его переход к России. Вскоре развернулось строительство русско-го черноморского флота с базой в Севастополе.

Во второй Русско-турецкой войне русский флот еще раз разгромил турецкий у острова Фидониси, а русская армия овладела крепостями Хотин и Очаков (1788). В 1789 году 25-тысячная армия Суворова разгромила 130-тысячную турецкую армию под Рымником. В 1790 году Суворов штурмом взял крепость Измаил, а в 1791 году Ушаков разгромил турецкий флот при мысе Калиакрия. Турки снова запросили мира, по которому Турция отказалась от Грузии и Крыма, а русская граница продвинулась к Днестру.

Некоторые историки рисуют Екатерину как легкомысленную, развратную женщину. Это — не объективная оценка. В действительности жизнь императрицы складывалась драматически. Сначала муж — полное

ничтожество, фактически мужем и не бывшее. Затем — фактически принудительное спаривание для производства наследника. Далее — любимый человек (Г. Г. Орлов), фактически муж, но погрязший в своей «хандре» и сам сошедший со сцены. Далее — еще один любимый человек, променявший эту женщину на польскую корону. Наконец, Г. А. Потемкин — фактически морганатический супруг царицы, как Разумовский у Елизаветы. И каждое такое «замужество» с любимым человеком длилось годами. Была полная иллюзия семьи, даже рождались дети (не имевшие, разумеется, права на престол).

Да, после смерти Потемкина в 1791 году (когда Екатерине шел седьмой десяток) она увлеклась молоденькими фаворитами, которых меняла, как перчатки. Да и до того, наверное, были развлечения подобного рода. Но ведь это — чистейшее развлечение (по-нынешнему — «секс»), не более того. И если сравнить Екатерину на этом поприще с русскими монархами мужского пола, то она — просто скромница.

Другое дело, что Екатерина — вполне в нравах того времени — раздавала фаворитам тысячи, десятки тысяч «крепостных душ». В годы ее царствования крепостничество достигло кульминации, после чего началась медленная его агония. Естественно, крестьянство отвечало на усиление закрепощения ростом количества бунтов, переросших в 1773–1775 годах в «пугачевщину» — третью крестьянскую войну. Беспощадный народный бунт Екатерина подавила не менее беспощадно. Крестьянская война сильно повлияла на политические воззрения императрицы. Либеральные в начале правления, они сменились сугубо реакционными, и Великая французская революция 1789–1795 годов в этом смысле лишь подлила масла в огонь.

Подъем страны как великой державы на новую ступень развития вызвал соответствующий подъем

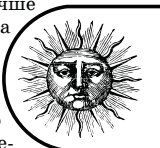
культуры. Появились первые поэты и драматурги европейского класса: А. П. Сумароков (получивший, правда, известность еще при Елизавете), В. К. Тредиаковский, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин и другие. Появились первые просветители и революционеры: Н. И. Новиков, А. Н. Радищев и другие, тут же репрессированные Екатериной.

Они придали такой же блеск ее царствованию, как Пушкин, Лермонтов, Белинский — царствованию Николая I.

И все же не хотелось бы, чтобы блеск русского оружия и укрепление позиций страны как великой державы затмили те ужасы и зверства, которые пережила в то время Россия.

Положение крепостного в России было не лучше положения раба в восточных деспотиях. Иногда случались злодеяния, ледящие душу. Например, помещица Салтыкова (имя «салтычиха» стало нарицательным) зверски замучила до смерти более сотни своих дворовых и только после этого была заключена в тюрьму. Спустя несколько десятилетий такая же психопатка-садистка и наложница фаворита Александра I — всеильного Аракчеева — учинила такие же зверства в его имении. Она была убита доведенными до отчаяния дворовыми, после чего Аракчеев лично учинил дикую расправу над «повинившимися».

Но это из ряда вон выходящие случаи. А зверства «обычные» — запороть до полусмерти, привязать к позорному столбу на съедение комарам и мухам, заморить голодом в домашней тюрьме — происходили чуть ли не ежедневно, как сегодня заказные убийства. И это не говоря уже о том, что на барщину вместо «положенных» трех дней в неделю выгоняли и по пять, и по шесть, оставляя крестьянину для работы «на себя» лишь воскресенье.

Читаем пушкинскую «Деревню» (1819):
*...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
 Среди цветущих нив и гор
 Друг человечества печально замечает
 Везде Невежества губительный Позор.
 Не видя слез, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное Судьбой,
 Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
 Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время земледельца.
 Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
 Здесь Рабство тоще влачится по браздам
 Неумолимого владельца.
 Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
 Надежд и склонностей в душе питать не смея,
 Здесь девы юные цветут
 Для прихоти развратного злодея.
 Опора милая стареющих отцов,
 Младые сыновья, товарищи трудов,
 Из хижины родной идут собой умножить
 Дворовые толпы измученных рабов.
 О, если б голос мой умел сердца тревожить!..*

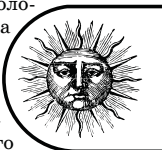
Тот, кто равнодушен к поэзии, может обратиться к прозе и почитать о степени ожесточения крестьян в пушкинской «Капитанской дочке», а о степени озверения помещиков — в «Господах Головлевых» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Проклятием всей многострадальной крепостной России звучит фраза из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня, душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Моя — тоже.

Двести лет назад тысячелетнее злосчастье родной страны казалось неизбывным. Следующие двести лет оказались еще страшнее. Поэтому появилась сия книга.

В полной драматизма личной жизни Екатерины II была и поистине трагическая страница на уровне шекспировского «Гамлета». Ее сын Павел (1754–1801) — плод принудительного спаривания на предмет получения наследника, необходимого Елизавете, — был столь же насильственно оторван от матери и первые семь лет жизни провел под опекой Елизаветы. В 1762 году отношения матери и сына осложнились убийством формального отца и происшедшим переворотом. По мнению многих придворных и следуя уже установившейся традиции, Екатерина обязана была передать престол сыну, а сама до его совершеннолетия оставаться регентшей-правительницей.

Но сын был для матери чужим. Ее возвели на престол люди, не желавшие рисковать своим положением. Поэтому Павла изолировали от двора и государственных дел. Даже если бы он сам не додумался, неизбежно нашлись бы те, кто «объяснил» ему, что мать узурпировала его права и вполне может лишить его жизни, чтобы остаться на престоле. А когда у него самого появился сын и до него стали доходить слухи, что бабушка намеревается передать престол внуку, мнуня сына, жизнь цесаревича вообще превратилась в кошмар. Ждать годами, когда за тобой придут убийцы, — это способно разрушить психику даже вполне нормального человека. Меж тем характер и психика наследника изначально оставляли желать лучшего. Как и у формального отца, дальше военной муштры его интересы не распространялись. Его отличали постоянные раздражительность и вспыльчивость, дополненные злобностью и подозрительностью. В обычных условиях из такого человека вырастает обычный хам. Если хам облечен властью — получается самодур. Если самодур облечен самодержавной монаршей властью — получается чудовище типа «салтычихи»,

ненавидимое даже приближенными. Что и произошло впоследствии. Добавим, что постоянный страх за свою жизнь постепенно превратил злобность и подозрительность в психопатию, осложненную всепоглощающей ненавистью к родной матери. Так что при определенных условиях (которые так и не сложились) сын тоже не остановился бы перед физическим устранением матери.

В свою очередь, Екатерина до самой своей смерти искала выход из положения. В 1773 году она женила Павла на немецкой принцессе. Та умерла от родов. В 1776 году появилась вторая немецкая принцесса, принеся Павлу многочисленное потомство. В том числе Александра и Николая, правивших Россией всю первую половину XIX века. Старший сын Александр родился в 1777 году, и Екатерина стала все более настойчиво продвигать в жизнь свой план сделать наследником именно его, а Павла оставить в подаренном ему Гатчинском имении, где он мог бы заниматься любимым делом — муштроваться по прусскому образцу выделенные ему несколько батальонов. Так оно, наверное, и случилось бы, но помешала скоропостижная смерть императрицы в ноябре 1796 года.

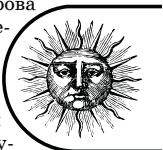
На престол вступил Павел I (годы правления: 1796–1801). На первых порах, чтобы придать себе популярности, он издал несколько либеральных указов. Например, рекомендовал ограничить барщину трехдневным сроком. Но затем психопатия взяла верх. Она приняла два направления: радикальная ломка порядков, установленных матерью (в том числе конструктивных); выдворение с государственной службы не только ставленников матери, но вообще всех «подозрительных», количество которых год от году умножалось, так что даже приближенные к императору лица перестали чувствовать себя в безопасности. Уже одно это создавало благоприятную почву для заговора.

К этому добавились еще два фактора: армия и внешняя политика. Армия была переkreена на прусский манер, и офицеры, особенно гвардейские, встретили такую переkreойку враждебно. С этой стороны новый император напрочь лишился поддержки.

В области внешней политики психопат совершенно запутался и произвел три совершенно сумасшедших демарша.

Во-первых, он поддался на уговоры Австрии составить коалицию с Англией против послереволюционной Франции (Австрия надеялась русскими штыками отвоевать у французов Северную Италию). Павел послал в 1798 году в Средиземное море эскадру Ушакова, а в Италию — армию Суворова. Ушаков одержал несколько побед над французами, но единственным результатом его экспедиции был переход острова Мальта от французов к англичанам, что привело Павла в ярость. Суворов тоже одержал несколько блестящих побед и очистил Северную Италию от французов. После этого он стал там для Австрии лишним, и из Вены его направили через Альпы в Швейцарию на соединение с другим русским корпусом. Пока Суворов переправлялся через Альпы, этот корпус был разбит превосходящими французскими силами. Армия Суворова оказалась в окружении, причем боеприпасы и продовольствие подходили к концу, ее капитуляция казалась неизбежной. Но Суворов предпринял еще один поразительный по смелости марш-бросок — и русские вышли из окружения. В тактическом отношении Итальянский и Швейцарский походы Суворова представляют блестящие образцы военного искусства, но в политическом отношении их результат был равен нулю. Австро-русские отношения испортились, что привело к развалу коалиции.

Во-вторых, Павел поддался на лесть правителей Мальты, захваченной англичанами, и принял титул

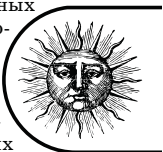
великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского (католического!), что означало русский протекторат над Мальтой (разумеется, символический). Это вызвало конфликт с Британией и полную переориентацию внешней политики Павла: он решился на войну с оккупантами «его» Мальты.

Наконец, в-третьих, в начале 1801 года он направил в Индию через Персию 22 507 донских казаков под командованием генерала Платова, выпущенного для этого из Петропавловской крепости, куда тот был заключен за какую-то оплошность (такое обращение с генералами самым смешным образом роднит двух психопатов — Сталина и Павла — хотя смешного тут, конечно, мало). Это поистине безумное предприятие, обреченное на катастрофу с неизбежной гибелью десятков тысяч человек, было прервано в связи со смертью Павла.

К началу 1801 года Павел, по сути, был обречен. Против него решились выступить даже самые доверенные лица из его ближайшего окружения. Оставалось получить только согласие старшего сына. Но Александр, как и на переговорах с Екатериной, ответил трусливым отказом («властитель слабый и лукавый» — так характеризовал его Пушкин). Это не помешало Павлу, очевидно, знавшему или догадывавшемуся о таких переговорах, принять свои меры «на всякий случай». В феврале 1801 года он выписал в Петербург немецкого принца — тринадцатилетнего племянника своей жены. Теперь лично для Александра возникла угроза лишиться престола. И он дал согласие на устранение отца. В ночь на 12 марта 1801 года группа заговорщиков из числа лиц, которым Павел вполне доверял, ворвалась в Михайловский дворец и убила императора. На русский престол взшел Александр I (годы правления: 1801–1825).

Воспитанием Александра занималась лично его бабушка Екатерина II. Она же подобрала внуку ряд талантливых педагогов. Кроме того, для его общения подобрали круг молодых людей с либеральными взглядами. В результате на престол взшел мягкосердый человек, готовый к либеральным реформам. Но столкнувшись с русской действительностью тех лет, молодой монарх ограничился реставрацией екатерининских порядков (включая Жалованную грамоту дворянству и Городовое положение) и созданием первого в истории России правительства в составе семи министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. Попытка начать освобождение крестьян («Закон о вольных хлебопашцах» 1803 года) натолкнулась на сопротивление помещиков, опасавшихся новой «пугачевщины». Дело ограничилось позднее освобождением крестьян в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. К 1804 году царь полностью охладел к реформам, так как убедился в их нереальности (с позиций придворных кругов). Кроме того, в 1804 году Наполеон принял титул императора и резко активизировал свою экспансию в Европе (в частности, демонстративно расстрелял члена французского королевского дома герцога Энгиенского). Стало ясно, что новой войны с Францией не избежать. Внимание Александра целиком переключилось на внешнюю политику.

В начале 1805 года против Франции составилась новая коалиция, в которую вошли Австрия, Россия, Британия и Швеция. Из России на соединение с австрийской армией была отправлена 35-тысячная армия под командованием М. И. Кутузова. Но когда она вошла в Австрию, стало известно об окружении и капитуляции 80-тысячной австрийской армии. Ведя

тяжелые арьергардные бои с авангардом 220-тысячной французской армии, Кутузов отступил в Чехию на соединение с подошедшими из России резервами и оставшимися австрийскими войсками.

Об этих драматичных днях (так же, как и о последующей Отечественной войне 1812 года) лучше всего прочитать в романе «Война и мир» Л. Толстого. Хотя писатель субъективен, роман все же правдивее, чем тенденциозные труды историков, особенно советских (постсоветские труды не в счет — из-за резкого сокращения возможностей работы с архивными источниками и трудностей публикации такого рода исследований).

В декабре 1805 года у городка Аустерлиц в Моравии произошло сражение между 84-тысячной австро-русской и 70-тысячной французской армиями. Номинально союзной армией командовали оба императора, фактически — Кутузов. Французской армией командовал Наполеон.

Союзники атаковали правый фланг французов, но были скованы обороняющимися, тогда как главные французские силы зашли атакующим в тыл, а французская артиллерия, расставленная на господствующих высотах, принялась громить атакующие колонны. Это вызвало замешательство, панику и бегство союзников. Разгром был полный. Они потеряли 27 из 84 тысяч человек, почти всю артиллерию и весь обоз. Потери французов составили всего восемьсот человек убитыми и шесть тысяч ранеными. Вскоре Австрия вынуждена была заключить сепаратный мир с Наполеоном, а русские войска отступили в Россию.

Это сражение вызвало резкое охлаждение Александра к Кутузову, который был отправлен в отставку (до лета 1812 года).

Покончив с Австрией (фактически подчинив ее своей политике), Наполеон в 1806 году обрушился на Пруссию. В сражениях при Иене и Ауэрштедте он раз-

громил прусские войска, и Пруссии пришлось бы капитулировать, как и Австрии, если бы на помощь ей не подоспели русские войска. Они дали французам целых шесть сражений, и хотя после каждого из них вынуждены были отступать, — тем не менее потери французов были столь значительны, что Наполеон согласился на мир. Пруссия сохранилась как королевство.

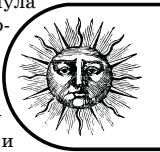
В 1808 году состоялось свидание Наполеона с Александром, очень похожее на свидание в 1939 году Молотова с Риббентропом. Александр признал все французские завоевания в Европе. Наполеон признал независимость Австрии и Пруссии, а кроме того, согласился на присоединение к России Финляндии, что и произошло в ходе Русско-шведской войны 1808–1809 годов.

Наступившая затем передышка в войнах вернула Александра к реформам. Первым делом он упорядочил пришедшие в расстройство финансы. В этом ему оказал большую помощь М. М. Сперанский, который составил план либеральных преобразований, начиная с создания в 1810 году Госсовета — прообраза будущего парламента и кончая проектом закона, фактически превращавшего Россию в конституционную монархию. Резко враждебная позиция придворных заставила царя отправить своего ближайшего советника в ссылку. Реформы вновь были свернуты, так и не развернувшись. Тем более что произошло новое обострение отношений с Францией.

Что касается Сперанского, то в 1819–1821 годах он стал генерал-губернатором Сибири, а в 1826–1832 годах руководил кодификацией Свода законов России.

10

К 1810 году Наполеон стал фактическим хозяином почти всей Европы (кроме Британии, России, Швеции и Турции). Он понимал специфику России,

не собирался ее завоевывать, отменять в ней крепостное право и так далее. Но он хотел подчинить Россию своей политике, как сделал это по отношению к Австрии и Пруссии, и тем самым полностью изолировать Британию, с которой Россия все еще поддерживала торговые и дипломатические отношения. Принудить Россию к капитуляции ему казалось просто: в его руках к тому времени сосредоточилась 600-тысячная Великая армия (включавшая войска союзников Франции), которую уже нечем было занять и которая по численности втрое превосходила русскую армию, что изначально предопределяло исход войны.

В этом отношении он очень походил на Гитлера, которому разведка донесла, что выдвинутую к западной границе Красную армию можно уничтожить за две-три недели. Что и было сделано. Но потом стали обнаруживаться непредвиденные осложнения...

Русская армия тех лет была численно не только втрое слабее французской, но вдобавок была разделена на три отдельные армии, которые нетрудно было разгромить поодиночке. Одна армия завершила победоносную войну с Турцией (результатом стало присоединение к России Бессарабии). А две другие, согласно плану немецких доктринеров в русском генштабе, должны были взять противника «в клещи»: одна, обороняясь против него в укрепленном лагере, а другая — нападая на него с тыла (?).

По иронии судьбы, эта вопиюще глупая, провальная стратегия помогла России выиграть войну.

План немецких генштабистов, возможно, был бы хорош столетием раньше, когда господствовала линейная тактика. Но Суворов и Наполеон разработали совершенно новую тактику — колонного строя. Это новшество резко повысило маневренность войск и позволяло легко громить разрозненные силы противника.

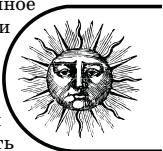
Русская армия попала в очень сложное положение. Сосредоточить ее на границе — значит, подста-

вить под удар втрое превосходящего противника. Вы только представьте себе катастрофичное для русских генеральное сражение в июне 1812 года где-нибудь на Немане! Рассредоточить армии — значит дать противнику возможность разгромить их поодиночке. Стратегия диктовала единственно правильный выход: отступать вглубь страны, сдавая любые города (включая Москву), но лишая противника продовольствия и фуража, то есть заставляя его растягивать коммуникации, охранять их и тем самым в конце концов уравнять силы к моменту решительного сражения, пусть даже в глубине страны.

Однако в то время еще существовало почти напрочь забытое ныне понятие «честь». Оно заставляло выходить на дуэль с противником, более искусным в фехтовании или стрельбе. Поэтому общественное мнение (олицетворенное тогда придворными кругами) не могло позволить армии отступить без боя.

Такова была ситуация в июне 1812 года, когда Наполеон вторгся в Россию с 400-тысячной армией (200 тысяч он вынужден был оставить на флангах и в тылу) в полной уверенности в скорой капитуляции противника. Ему противостояли разрозненные армии М. Б. Барклая-де-Толли (127 тысяч человек) и П. И. Багратиона (48 тысяч человек). Естественно, обе армии принуждены были отступать с жестокими арьергардными боями, чтобы соединиться и не быть разбитыми поодиночке. Но когда они соединились, сражение — изначально провальное стратегически — стало необходимым по моральным соображениям.

Армия и придворные круги возроптали против Барклая, который стал главнокомандующим и, по уже упомянутым стратегическим соображениям, совершенно правильно продолжал отступление. В этот критический момент царь вынужден был преодолеть

свою нелюбовь к Кутузову (после Аустерлица) — наибольшему военному авторитету в России того времени — и назначил главнокомандующим его. Кутузов продолжал отступление, пока позволяла обстановка, но вынужден был занять оборонительные позиции при Бородине: позади была Москва.

26 августа 1812 года произошло знаменитое Бородинское сражение. Соотношение сил к этому времени было сведено с 2:1 к 1,3:1 (135 тысяч французов против 103 тысяч регулярного русского войска плюс 7 тысяч казаков для разведки и 21 тысяча ратников для рытья окопов).

У Наполеона была возможность обойти левый фланг русских и принудить их к отступлению. Но его целью было истребить как можно больше русских солдат, чтобы сделать дальнейшее сопротивление России невозможным. Поэтому он предпочел лобовые атаки на укрепленные батареи русских и нес огромные потери от русской картечи. Но и русские войска, собранные в каре за батареями для контратак, несли такие же потери от «бомб» (разрывных ядер) французской артиллерии. Как это происходило, ярко описано в «Войне и мире».

К вечеру 26 августа та и другая армия потеряли убитыми и ранеными примерно треть своего состава. Но французы сохраняли численное превосходство, у них осталась в резерве для решающего удара гвардия, к ним подошли подкрепления. Возобновление сражения могло означать конец русской армии. А с нею — и России. Поэтому Кутузов принял решение отступать, а потом, после военного совета в Филях, и вовсе оставить Москву, заняв угрожающую позицию к югу от нее, на пути возможного отступления французов при наступлении зимних холодов.

Заняв Москву, Наполеон стал ожидать капитуляции русских. Даже послал парламентаря для переговоров. Потерял целый месяц, но дождался только

пожара Москвы (которую подожгли разом и французские мародеры, и русские патриоты). Наступила осень, надо было принимать решение. Первым помыслом Наполеона было двинуться, подобно Карлу XII, на хлебный юг. Но первые же бои с русскими показали высокий риск поражения: теперь силы были по меньшей мере равны. Пришлось поворачивать на опустошенную смоленскую дорогу. Наступили ранние холода, а до границы — три недели пешего хода без пищи и корма лошадям. С флангов ударили русские партизаны, с неба — русские морозы. И через несколько недель Великая армия Наполеона перестала существовать.

В эти дни Наполеон получил депешу о заговоре против него в Париже. Он бросил армию и поспешил туда — собирать новые силы для новых сражений. Вскоре умер Кутузов.

Отечественная война 1812 года закончилась почти полным истреблением противника на дорогах России.

11

Ореол непобедимости Наполеона в Европе тех лет был настолько велик, что в придворных кругах Петербурга началась борьба: продолжать ли поход русской армии, спасая Австрию и Пруссию, или заключить мир. Возобладала партия сторонников продолжения войны во главе с самим царем. И русская армия в союзе с австрийской, прусской и шведской отправилась добивать врага.

Наполеону удалось собрать новую армию, и он двинул ее навстречу наступавшим союзным войскам. В ходе боев он успел нанести союзникам несколько поражений, хотя и сам терпел неудачи. Но в генеральном сражении под Лейпцигом в октябре 1813 года союзники задавили Наполеона своим двойным численным превосходством (300 тысяч против 150 тысяч

человек). Это был конец наполеоновской империи. 18 марта 1814 года союзные войска вступили в Париж. Наполеон отрекся от престола и был сослан на остров Эльба. Во Францию возвратились Бурбоны с королем Людовиком XVIII. А в мае в Вене открылся конгресс монархов-победителей для урегулирования положения в послевоенной Европе.

Пока конгресс заседал, Бурбоны вызвали сильное недовольство французов. Воспользовавшись этим, Наполеон высадился на материк, французские войска перешли на его сторону, он триумфальным маршем вошел в Париж и двинулся в Бельгию, навстречу англо-прусской армии, но был разбит в сражении при Ватерлоо (июнь 1815 года) и сослан на остров Св. Елены.

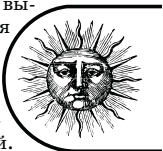
Венский конгресс продолжил свои заседания. В основном он стремился восстановить порядок, существовавший в Европе до Великой французской революции. Россия закрепила за собой большую часть Польши, образовав там царство Польское со столицей в Варшаве. Австрия удержала Южную Польшу и Галицию. Пруссия — северные области Польши.

После Венского конгресса Александр целиком сосредоточился на международных делах, провел еще несколько конгрессов, сделался как бы главным арбитром Европы. К России он потерял всякий интерес, отдал внутреннюю политику целиком на усмотрение крайнего реакционера — выходца из гатчинских павловских приближенных — А. А. Аракчеева, который установил в стране казарменно-полицейский режим («аракчеевщина»). Аракчеев попытался навести экономию в военных расходах, переведал часть армии на положение «военных поселений», то есть соединив многочасовую муштру с тяжелым крестьянским трудом. Ответом, понятно, было восстание, с трудом подавленное. Но «военные поселения» позже все же пришлось упразднить.

Сам Александр к концу своего царствования оказался настолько охваченным религиозно-мистическими настроениями, что после его смерти в ноябре 1825 года возникла легенда, будто похоронили другого человека, а царь тайно сменил имя, стал отшельником и умер много лет спустя. Это, конечно, всего лишь легенда, потому что каждого вельможу того времени — тем более царя — окружала толпа слуг и приближенных, так что каждое изменение в его жизни тут же становилось предметом гласности. Но легенда показывает, насколько далек был Александр в последние годы своей жизни от придворных кругов, вообще от общественной жизни в стране.

Между тем именно в общественной жизни России 1815–1825 годов произошли существенные изменения. Победа в Отечественной войне 1812 года вызвала подъем национального духа. Вернувшиеся из Европы офицеры принесли с собой либеральные настроения. Стали возникать тайные общества, на которых обсуждалась возможность ликвидации в России крепостного права и замены самодержавия конституционной монархией. Были разработаны два проекта конституции — «Русская Правда» П. И. Пестеля и конституция Н. М. Муравьева.

Эти тайные общества были изначально обречены на поражение. На каждого Пестеля или Муравьева (общее число заговорщиков составляло всего несколько сот человек) приходилась тысяча крепостников-аракчеевых, которые — даже если бы целиком была истреблена императорская фамилия — под знаменем одного из множества немецких принцев, родственников дома Романовых, просто раздавили бы восставших. Что и произошло в действительности, потому что основная масса народа осталась в стороне: и революционеры, и реакционеры одинаково боялись второй «пугачевщины». Однако легкость несколь-

ких дворцовых переворотов минувших лет давала надежду на успех военного путча. Нужен был только предлог, без которого трудно было поднять солдат на выступление. И такой предлог вскоре появился благодаря неопишуемой глупости членов императорской фамилии.

Скоростижно скончавшемуся в Таганроге Александру I должен был наследовать второй по старшинству брат Константин, проживавший в Варшаве. Но Константин письменно передал свои права на престол младшему брату Николаю, находившемуся в Петербурге. Пока между братьями шла переписка, лидеры Северного тайного общества заговорщиков решили действовать. В декабре 1825 года они вывели несколько батальонов солдат на Сенатскую площадь Петербурга, чтобы арестовать Николая и вынудить его к конституционным уступкам. А Южное тайное общество на Украине подняло на восстание несколько рот Черниговского полка.

В Петербурге восставшие несколько часов простояли на морозе в ожидании избранного диктатором восстания полковника князя С. П. Трубецкого. Но тот не явился на площадь. Объективно это выглядело как трусость и предательство. Бездействие мятежников дало Николаю время собрать верные ему войска и рассеять восставших картечью. Через несколько дней картечью же были расстреляны солдаты Черниговского полка. Восстания были подавлены. Началась расправа над восставшими.

Пять лидеров тайных обществ, признанных особо тяжкими преступниками, — П. И. Пестель, К. Ф. Рылев, М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол и П. Г. Каховский — были повешены. Несколько сот офицеров и гражданских лиц — приговорены к каторжным работам, ссылке, разжалованию в солдаты. Много солдат, вина которых состояла лишь в том, что они поверили своим офицерам, «прогнали

сквозь строй» (то есть запероли). На престол взошел Николай I (годы правления: 1825–1855), возведший «аракчеевщину» в ранг государственной политики.

12

Надо признать, что Николай I понимал губительность для России крепостного права. Шесть раз собирал он секретную комиссию по изменению положения крепостных. Но в конце концов вынужден был признать, что если крепостное право — зло, то попытка его отмены может обернуться для дворянства (опоры режима!) и лично для царя еще большим злом. И в этом он как в воду смотрел.

Если на протяжении всего своего царствования русский император мог один, без охраны, спокойно гулять по столице, выходил усмирять бушующую толпу, навещал по вечерам женщин и так далее — то со следующего царствования на монархов и высших сановников государства началась самая настоящая охота. Страх перед новой «пугачевщиной» подкреплялся недвусмысленной позицией крепостников. И Николаю приходилось вспоминать участь отца.

В конечном итоге крепостное право, с незначительными изменениями, осталось незбылемым. А уголовную полицию дополнили политической: учредили корпус жандармов, который следил за каждой «красной».

Революция 1830 года в Европе, отозвавшаяся в России вторым польским восстанием 1830–1831 годов, лишь усилила реакцию. А европейская революция 1848 года вызвала самую настоящую истерию: участие даже в сравнительно безобидном кружке каралось каторгой (именно за такую провинность сослали на каторгу Ф. М. Достоевского).

Такая политика губительно отзывалась на экономику страны. Если русская промышленность времен

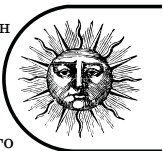
Елизаветы и Екатерины была на уровне по меньшей мере Австрии и Пруссии, то к середине XIX века Россия стала (и во многом осталась до сих пор) сырьевым придатком Европы.

Все это губительно сказалось на состоянии вооруженных сил страны. Николай I начал свое царствование победоносными войнами с Персией (1826–1828) и Турцией (1828–1829). В первой войне Россия завоевала Эриванскую и Нахичеванскую области. Во второй — побережье на Северном Кавказе и часть Ахалцхского ханства (крепости Ахалцых и Ахалкалаки), а также добилась признания Турцией независимости Греции, автономии Сербии, Валахии и Молдавии. Позднее русские войска дошли до устья Амура, проникли в Среднюю Азию, продолжали затяжную войну с кавказскими горцами.

Военные успехи вскружили царю голову. Он был уверен, что русская армия — самая многочисленная в Европе — непобедима. Поэтому стал «жандармом Европы», бесцеремонно вмешиваясь в конфликты европейских государств. Постепенно Николай I дошел до идеи совместного с Британией раздела заживо разлагающейся Османской империи (он претендовал на Константинополь и Балканы). Остальные государства он не принимал в расчет. Францию Николай считал смертельным врагом Англии. А Австрию и Пруссию — своими союзниками, обязанными России своим существованием.

Ему даже в голову не приходило, что такая гегемония рано или поздно натолкнется на антирусскую коалицию, что против него объединятся давние враги — Англия и Франция, что его предадут и Австрия, и Пруссия.

В 1853 году он предъявил турецкому правительству ультиматум, касавшийся усиления позиций православной церкви в Палестине. Когда ультиматум был отвергнут (понятно, при содействии Лондона и

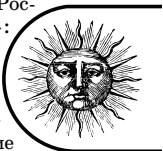
Парижа), русские войска заняли Молдавию и Валахию. А когда Турция (при той же поддержке) объявила России войну, русские армии форсировали Дунай, разгромили турецкие войска в Закавказье (была взята крепость Карс), а русский флот разгромил турецкую эскадру в Синопской гавани. Николай I совершенно не предвидел реакции европейских держав на эти успехи: англо-французские эскадры напали на Кронштадт, Соловки и Петропавловск-Камчатский; паровой англо-французский флот вошел в Черное море (вынудив русских затопить свои парусные корабли перед Севастопольской бухтой, чтобы не допустить в город врага) и высадил десант под Евпаторией; англо-французские войска нанесли поражение русской армии на реке Альма в Крыму (более дальнбойные нарезные винтовки позволили союзникам расстреливать русских, вооруженных устаревшими гладкоствольными ружьями) и осадили Севастополь с юга.

Началась героическая 349-дневная оборона Севастополя под руководством адмиралов В. А. Корнилова и П. С. Нахимова. Она изначально была для русских бесперспективной, потому что союзники непрестанно наращивали огневую мощь, а угрожающая позиция Австрии и Пруссии мешала переброске русских войск в Крым. Все попытки снять осаду Севастополя ударами в тыл осаждающих терпели крушение из-за более совершенного оружия противника. Но упорная оборона заставила союзников умерить свои притязания. Последняя неудача русских — провал штурм Евпатории в феврале 1855 года — вконец подкосила физически очень крепкого Николая I. Нараставший тяжелый и длительный стресс привел к болезни и смерти. Крымскую войну 1853–1856 годов пришлось завершать его сыну — Александру II. По Парижскому миру Россия лишилась устья Дуная, потеряла право иметь на Черном море военный флот, должна была возвратить Турции Карскую область.

Знаменательно, что духовный подъем России после Отечественной войны 1812 года давал свои плоды на протяжении нескольких десятилетий XIX века. Несмотря на свирепую цензуру, наступил непревзойденный доселе золотой век русской культуры, отмеченный именами А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого — в литературе; М. И. Глинки и П. И. Чайковского — в музыке; К. П. Брюллова, В. И. Сурикова, В. Г. Перова, целой плеяды художников-«передвижников», В. В. Верещагина, И. Е. Репина — в живописи; М. М. Антокольского, Е. А. Лансере — в скульптуре.

Были созданы непревзойденные доселе образцы произведений культуры. Мало того, в будущем Россия двигалась лишь по «лестнице, идущей вниз»: Серебряный век, «бронзовый век», «железный век»...

Художники, особенно очень талантливые, более чутко, чем кто-либо другой, чувствуют траекторию жизни своего общества. Одушевление общества после Отечественной войны 1812 года сказывалось на протяжении нескольких десятилетий.

13

Александр II (годы правления: 1855–1881) получил хорошее по тем временам образование (одним из его преподавателей был знаменитый поэт В. А. Жуковский). Это был второй на российском престоле (после Екатерины II) интеллигентный человек, и последний. Он, как и Екатерина, обладал государственным умом и стал выдающимся государственным деятелем, самостоятельно принимавшим важнейшие решения (в том числе и против придворного большинства).

Первым делом он покончил с войной. Лишение России права иметь черноморский флот было унижитель-

ным, но для государства не смертельным. Тем более что старый парусный флот, потопленный самими русскими, не мог тягаться с паровым флотом противника. А современному предстояло построить, что и было сделано при первой возможности. Модернизация армии была осуществлена к концу 1870-х, так что очередная Русско-турецкая война 1877–1878 годов закончилась более успешно, чем две предыдущие.

Затем перед царем встала главная задача его жизни: отмена крепостного права и вхождение России в круг цивилизованных стран (отметим, что в США с рабовладением было покончено на несколько лет позже). Россия бурлила. По иронии истории каждая победоносная война укрепляла реакцию и надолго продлевала злосчастия, а каждая проигранная — заставляла производить хоть какие-то изменения к лучшему. Примеры: Отечественная война 1812 года и Крымская война 1853–1856 годов.

Итоги войны и внутреннее положение в стране вызвали жестокую критику в адрес правительства. А. И. Герцен из-за границы бил в набат со страниц журнала «Колокол». Быстро росло количество крестьянских бунтов. По сути, в стране складывалась революционная ситуация, и надо было либо отвечать на нее террором, как это делал Николай I, либо решаться на реформы.

Подавляющее большинство придворных (всех остальных в условиях того времени можно было не принимать в расчет) было решительно против реформ. Мотивы — старые: реформы чреватые новой «пугачевщиной». За реформы выступали только сам Александр II и его ближайшее окружение. Поэтому несколько лет шла напряженная борьба: проводить реформы или нет и если проводить, то насколько радикальные.

Реальных вариантов реформ было два. Первый — освободить крестьян «с землей», то есть с наделом,

делавшим их независимыми от помещиков. Это обещало быстрое развитие сельского хозяйства, вообще экономики страны, но сильно ущемляло интересы помещиков, фактически подрывало диктатуру дворянства. Второй — освободить крестьян «без земли», то есть сделать их арендаторами помещичьей земли, фактически сохраняя барщину. После долгой борьбы был выбран компромиссный, промежуточный вариант: крестьян освобождали с минимальным наделом, что сохраняло необходимость аренды у помещиков. Кроме того, их заставили «выкупать» свой надел, поставив в положение «временно-обязанных», то есть, по сути, перевели на оброк (это положение сохранилось до самого 1905 года!).

Манифест об освобождении 22 миллионов крепостных крестьян был подписан 19 февраля 1861 года.

Он вызвал взрыв недовольства на селе, где ждали хотя бы сохранения прежних наделов. В города потянулись тысячи людей, «прикрепленных» прежде к земле. Они стали деклассированными ломпенами, благоприятной средой для возникновения тайных обществ, заговоров, террористических актов. И на царя-освободителя началась самая настоящая охота: одно покушение следовало за другим.

В 1864 году было обнародовано Положение о губернских и уездных земских учреждениях, которое дало начало местному самоуправлению. Оно было подкреплено в 1870 году Городовым положением, распространившим самоуправление на города. В те же годы были проведены судебная и военная реформы, а также реформа в области народного образования. Срок военной службы был сокращен с 25 до 15 лет, а впоследствии и до 7 лет, рекрутчина заменена «всеобщей воинской повинностью». В судебное дело введены прокуратура и адвокатура, благодаря чему судопроизводство приобрело цивилизованный вид.

Законы об университетах и гимназиях определили облик последних до самого 1917 года.

Одновременно происходили столь же значительные события на окраинах России. В 1859 году «замирен» Восточный Кавказ (пал имамат Шамиля). В 1863 году подавлено третье, и последнее, польское восстание. В 1864 году «замирен» Западный Кавказ. В 1870-е годы завоеван Туркестан: Кокандское, Бухарское, Хивинское ханства приняли протекторат России. В 1880–1881 годах завоевана Туркмения. На Дальнем Востоке установлены современные границы с Китаем, а остров Сахалин обменян у Японии на Курильские острова.

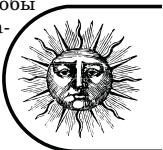
В 1870 году, после поражения Франции во Франко-прусской войне, Россия восстановила свои права на Черном море. А в 1877 году, после того как турки зверски подавили восстание в Болгарии и напали на Сербию, Россия объявила Турции войну. Русские войска с жестокими боями прошли Балканы и начали наступление в Закавказье.

По Сан-Стефанскому миру 1878 года (правда, значительно урезанному последующим Берлинским конгрессом великих держав) Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию. Сербия, Черногория и Румыния — независимость. Вот почему в Софии поставлен памятник Александру II как царю-освободителю. В Закавказье к России отошли Карс, Ардаган и Батум.

Александр II планировал ввести в России конституцию типа той, которую царизм вынужден был ввести в 1905 году. Но этим планам не суждено было сбыться. 1 марта 1881 года на него было совершено очередное покушение. Показательно, что первой самодельной бомбой был убит конвойный казак. Царь вышел из коляски, чтобы узнать, что произошло с охраной (малопонятная нам сегодня «честь» запрещала дворянину спастись бегством, если погиб охранник). И был убит разрывом второй бомбы.

Заслуживает упоминания еще одно мудрое государственное решение Александра II. В 1867 году, вскоре после окончания гражданской войны в США, когда стало ясно, что в Северной Америке складывается еще одна великая держава, он продал американскому правительству Аляску, до которой из Европы все равно трудно было дотянуться. Страшно даже подумать, что произошло бы, если бы в XX веке между Россией и США возникли еще и территориальные споры — да еще в таких, крайне невыгодных для России, условиях.

Еще одно качество отличало Александра II от всех предыдущих и последующих русских царей. Будучи уже в зрелых годах, он полюбил — нет, не влюбился, а полюбил — юную девушку (правда, не простую, титулованную). И вместо того, чтобы сделать ее, как бывало обычно, еще одной наложницей, сочетался с ней морганатическим браком и до самой смерти заботился как отец об их детях.

14

Вступивший на престол сын Александра II — Александр III (годы правления: 1881–1894) был ограничен в своих действиях четырьмя факторами.

Во-первых, его интеллект далеко уступал отцовскому. В этом аспекте Александр III был близок к Александру I и Николаю I. Только времена настали другие, и править Россией, как правили сыновья Павла I, было уже недопустимо.

Во-вторых, император постоянно испытывал физический страх перед покушением — тем более что полиция раскрывала все новые и новые заговоры террористов. Это заставило царя запереться в Гатчинском дворце, откуда он выезжал разве что на южный берег Крыма. Разумеется, такое «затворничество» предопределило его политическую пассивность.

В-третьих, у него появился страх перед реформами, и на всем протяжении своего царствования он проводил контрреформы: ограничивал самоуправление, вводил чисто бюрократические должности разных «начальников», усиливал бюрократическое начало в жизни университетов, гимназий и так далее.

Наконец, в-четвертых, его — стопроцентного немца — одолела популярная русская болезнь — алкоголизм. Соответственно сузился круг его интересов. Как известно, алкоголики редко переваливают на шестой десяток (если им, конечно, не помогает вся мировая медицина). Поэтому цар скончался от последствий алкоголизма ровно в 49 лет.

Таким образом, личное начало в этом царствовании (как, впрочем, и в последующем, уже последнем) было сведено до минимума.

Страна продолжала развиваться по импульсу, данному ей Александром II, только с включенными тормозами контрреформ. Движущей силой развития экономики стало быстрое расширение сети железных дорог. Если раньше заводы и фабрики располагались преимущественно по берегам рек (поскольку гужевым транспортом далеко и много не перевезешь), то теперь железные дороги значительно расширили коммуникации страны. И промышленные предприятия стали расти, как на дрожжах. Хотя доля крестьянства, включая рабочих, пользовавшихся своим приусадебным участком, продолжала превышать 90%.

Два события этого царствования особенно запечатлелись в истории.

В Средней Азии граница России продвинулась на тысячу верст к югу и прошла по современной границе с Ираном и Афганистаном.

Появление германской империи, сделавшей более слабую Австро-Венгрию своим сателлитом, заставило Европу искать «противовес». Началось русско-французское сближение — прообраз будущей Антанты.

Итак, мы подошли к последнему российскому императору — Николаю II (годы правления: 1894–1917). Человек самый посредственный, недалекого ума и слабого характера — что не мешало ему быть упрямым в самых неподходящих случаях — оказался на троне в критический для страны момент ее истории. И не выдержал испытания. Его царствование началось трагедией, продолжилось чередой трагедий и трагедией завершилось. Причем почти все трагедии были прямо-таки шекспировского масштаба.

Первая трагедия разыгралась в мае 1896 года во время коронации царя. Коронации традиционно проходили в Москве. Придворные любители «показухи» — древнейшего любимого занятия отечественного начальства по сей день — решили отметить праздник раздачей нескольких тысяч подарков: кружка с гербом, платочек, бублик. Раздачу решили провести на пустыре — копаном-перекопанном канавами Ходынском поле. Но организаторы не учли, что русские — не немцы, способные терпеливо дожидаться своей очереди. Терпения у наших людей еще меньше, когда впереди маячит любимая дармовщина, наименованная позже «халевой». Толпы стали стекаться еще с вечера. А ранним утром рванули лавиной. Итог: 1389 человек, затоптанных насмерть в канавах, более 1300 изувеченных.

Это было жуткое предзнаменование.

Вторая трагедия разыгралась несколькими годами позднее на Дальнем Востоке. Прорезав Маньчжурio Китайско-Восточной железной дорогой, чтобы спрямить путь к Владивостоку, Россия вышла на побережье Желтого моря, основала там крепость Порт-Артур и вступила в конфликт с Японией из-за того, кому владеть Кореей. Японию в России продолжали считать чем-то вроде разновидности Китая, страной, неспособной к серьезному противостоянию. Россий-

кое руководство не беспокоилось тем, что в Японии еще в 1867–1868 годах произошел государственный переворот, приведший к модернизации страны. Модернизированные армия и флот Японии поднялись на европейский уровень. Внезапное нападение в 1904 году японских кораблей ослабило русскую эскадру в Порт-Артуре, который был осажден и капитулировал. Брошенная на вырчку русская армия потерпела в Маньчжурии три поражения подряд. Затем последовали разгром русского флота при Цусиме и еще одно поражение армии в Маньчжурии. Полную катастрофу с трудом предотвратили Портсмутским миром (1905), по которому Россия потеряла Порт-Артур и южную половину Сахалина, а также признала Корею «сферой влияния Японии».

Поражение в войне вызвало рост антиправительственных настроений практичной к модернизации страны. Как и после Крымской войны, стала вновь создаваться революционная ситуация.

Русско-японская война была в разгаре, когда произошла третья трагедия. Стремясь погасить накал стачечного движения рабочих, власти (министерство внутренних дел) стали создавать организации, которые перевели бы стачечное движение в русло петиций правительству. Особенно постарались в Петербурге. В начале января 1905 года там началась новая волна стачек, и власти пошли на чудовищную провокацию: решили «напугать» рабочих кровавой расправой. Утром 9 января многотысячная рабочая манифестация с петицией царю двинулась к Зимнему дворцу. Она была встречена цепью солдат, которые открыли залповый огонь по толпе. Было убито более тысячи человек, более двух тысяч ранено.

«Девятое января» послужило как бы капсюлем для взрыва революции 1905–1907 годов. Началась нарастающая волна забастовок, демонстраций, баррикадных боев и погромов помещичьих усадеб. Осо-

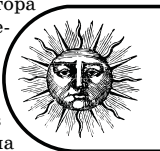
бенно масштабные баррикадные бои шли в Москве, где для подавления восставших пришлось применять артиллерию.

Летом 1905 года произошло восстание на броненосце «Потемкин», отозвавшееся многими волнениями и восстаниями в армии и на флоте. В сентябре началась всероссийская политическая забастовка. Проблемная ситуация явно переходила в критическую и грозила царизму катастрофой.

Поэтому в октябре 1905 года правительство пошло на попятную. 17 октября 1905 года царь подписал манифест, который предусматривал созыв парламента (Государственной думы), разрешил создание легальных политических партий и обещал либеральные реформы. После этого начался спад революционного движения. Оно продолжалось еще более полутора лет. Сочетая карательные экспедиции с либеральными посулами, царизм постепенно подавлял антиправительственные выступления.

Первая Государственная дума просуществовала вместо четырех лет менее трех месяцев (апрель – июль 1906 года). Она была сочтена правительством чересчур радикальной и бесцеремонно разогнана. Та же судьба и по той же причине — у второй Думы (февраль – июнь 1907 года). И только третья Дума, где превосходство проправительственных партий стало подавляющим, функционировала весь свой срок (1907–1912). Полномочия четвертой Думы, созданной в 1912 году, были продлены в связи с мировой войной. Именно эта Дума сформировала в 1917 году Временное правительство.

В связи с образованием после манифеста 17 октября политических партий произошла еще одна трагедия. Правда, скрытая, вроде мины замедленного действия. Дело в том, что в России формально образовался весь спектр европейских политических течений. Были легальные крайне правые (черносотенцы), умеренно

правые (националисты), а также центристы. Все они поддерживали правительство, а крайне правые требовали даже восстановить статус-кво-анте — порядки, существовавшие до октября 1905 года. Формально им противостояли умеренно-левые (октябристы, прогрессисты и кадеты — конституционные демократы), а также легальные крайне левые: трудовики и социал-демократы. За этими рамками располагались нелегальные эсеры (социалисты-революционеры) и анархисты. Об их легализации не могло быть и речи, потому что обе организации были явно террористическими.

Однако и правительство, и общественность упустили из виду тот важный факт, что в России никаких абстрактных социал-демократов к 1905 году уже не существовало. На очередном своем съезде — по числу полученных голосов — они раскололись на две враждебные группировки: меньшевиков (собственно социал-демократов) и большевиков. Большевики объединяли подпольные организации фанатиков типа современных талибов, ничего общего с социал-демократией не имевшие — кроме разве чисто формального названия: Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).

Правительство свирепо преследовало открытых террористов — эсеров и анархистов. А большевиков игнорировало как некую межееумочную организацию, как просто более радикальных социал-демократов. Поэтому арестованные большевики отделялись, как правило, несколькими годами легкой ссылки. За рубежом большевики сумели создать сильный координационный центр, а внутри страны — сеть агентов, слепо выполнявших любые указания «центра».

И доигнорировалось.

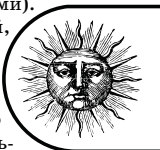
После революции 1905–1907 годов царю в первый и последний раз в жизни повезло. Правительство возглавил П. А. Столыпин — пожалуй, наиболее выда-

ющийся из всех российских государственных деятелей. Он взял курс на форсированное развитие в стране капитализма, на создание таких условий, которые сделали бы любые революционные выступления бессмысленными и невозможными — как это было уже сделано в Западной Европе. По сути, он стремился максимально повысить удельный вес среднего класса — гаранта стабильности государства. Для этого он разрушил вековую сельскую общину с ее уравнителейкой «по едокам» и разрешил зажиточным крестьянам вести свое хозяйство по-фермерски.

Результат его четырехлетних усилий поразителен. Когда в 1918 году большевики по первому разу стали громить зажиточных крестьян (кулаков), то в разоренной войной стране таковых набралась почти треть всего крестьянства (считая с казаками).

В сегодняшней России, как и в достояпинской, средний класс составляет лишь узкую прослойку между горсткой богатых и основной массой бедных. Поэтому трудно поверить, что Россия тех лет снабжала зерном и маслом Западную Европу, вообще являлась в Европе главным сельскохозяйственным экспортером. На этой базе наблюдался подъем промышленности, и Россия имела все шансы лет через десять выбраться на уровень «среднеевропейской страны», преодолев свою вековую отсталость.

Столыпин беспощадно вешал террористов (повторяем, большевиков он ошибочно к террористам не относил, точнее не понимал, что они намного опаснее всяких террористов). И террористы устроили на него, как на Александра II, самую настоящую охоту. Взорвали его резиденцию, покалечив некоторых членов его семьи. В конце концов в 1911 году его убил агент-провокактор. Показательно, что слабохарактерный царь тяготился своим волевым председателем совета министров и, наверное, с облегчением вздохнул, не

подозревая, что сделан шаг навстречу его собственной смерти. Убийство Столыпина вполне можно назвать пятой трагедией России того времени.

В эти годы сработала еще одна «мина замедленного действия», заложенная Павлом I в его законе о престолонаследии. Ненавидевший мать, Павел установил, что престол передается по мужской линии — от отца к сыну, а в случае отсутствия сына — следующему по старшинству брату. У Николая II родились подряд четыре дочери, и вырисовывалась перспектива объявления наследником младшего брата Михаила (по иронии судьбы, того самого, в чью пользу Николаю пришлось отречься от престола в 1917 году), с которым у императора были не самые сердечные отношения. Наконец, в 1904 году родился сын Алексей, тут же объявленный наследником-цесаревичем.

Вскоре царскую семью постигло несчастье, ставшее шестой трагедией России. По линии императрицы Александры Федоровны из рода в род мужчинам передавалось опасное генетическое заболевание — гемофилия (это означало, что при мало-мальски серьезной ране больной неизбежно погибал от недостаточной свертываемости крови). Забота о наследнике, цесаревиче Алексее, оказалась в центре внимания царской четы. Были приглашены все доступные медицинские светила, а когда выяснилось, что медицина бессильна, — обратились к знахарям. Среди них выделился неграмотный сибирский крестьянин Григорий Распутин. Этот человек, безусловно обладавший экстрасенсорными способностями, сумел втереться в доверие к царской чете, которая уверовала, что пока тот будет находиться с Алексеем, мальчику ничего не угрожает, и династия будет спасена.

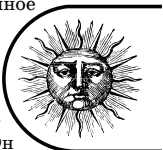
Со временем Распутин стал всесильным фаворитом. Он «смещал» и «назначал» министров, губительно вмешивался в политику, ходатайствовал перед царем (не бескорыстно, конечно) по разным сомни-

тельными делам. При этом отличался развратностью: устраивал оргии, свальный грех, принуждал женщин к сожительству и так далее. Естественнo, его возненавидели многие, включая придворные круги. После нескольких попыток физического устранения его наконец убили в 1916 году, в самый разгар войны. Но к этому времени престиж царя (в том числе и в связи с Распутиным) упал настолько низко, что в придворных кругах и в правых думских партиях вызревал вопрос о возможности его отречения в пользу младшего брата Михаила. Эта ситуация стала прологом к еще одной, уже восьмой по счету, трагедии, связанной с отречением царя и гибелью царской семьи. Седьмой трагедией было самоубийственное вовлечение России в Первую мировую войну в роли спасительницы Франции. Цена этого вступления в войну — полное уничтожение одной из русских армий.

16

Как мы уже говорили, в сущности каждый настоящий художник — своего рода экстрасенс, человек поразительно тонкой души. Он первым откликается на подъем своей родины. И первым чувствует ее грядущее падение.

Напомним, что золотой век русской культуры, пришедшийся на 10–70-е годы XIX века (некоторые его славные представители дожили до XX века!), был откликом на национальный подъем после Отечественной войны 1812 года. А декаданс (упадок) западной культуры начался в 1850-е годы — задолго до начала «Заката Европы» и за полтора десятка лет до наблюдаемого ныне общего «Заката Запада». Конкретно это проявилось в виде проникновения в собственно культуру, базирующуюся на культах Милосердия, Любви, Семьи, Разума, элементов антикультуры (культов Насилия, Похоти, Стаи, Наркодурана). В свое время это метко называли «заигрыванием с пороками» и «эстетизацией

зла». Л. Толстой назвал это явление более ярко: «Искусство теряет ощущение стыда».

До России декаданс дошел лишь в 1890-е годы — за четверть века до национальной катастрофы — и аукнулся Серебряным веком русской культуры. «Серебряный» — так его творцы дистанцировались от недостижимых вершин золотого века. Но точно так же недостижимы для нас сегодня имена поэтов Бальмонта и Блока, Цветаевой и Ахматовой, Северянина и Есенина, писателей Чехова, Куприна, Бунина, композиторов Рахманинова и Скрябина, художников Серова и Врубеля.

В последующем нам придется познакомиться не с возвращением к золотому и Серебряному векам, а, если можно так сказать, с «бронзовым» и нынешним «железным» веком. Впрочем, об этом — в свое время.

17

В начале XX века резко обострилось положение на Балканах. Османская империя, заживо разлагавшаяся еще с XVIII века, к этому времени сгнила окончательно, и только вражда между великими державами мешала ее окончательному распаду. В 1908 году националистические силы в Турции произвели так называемую младотурецкую революцию, но она лишь ускорила развал империи. В том же году Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, оккупированные ею еще в 1878 году. В 1912–1913 годах прошли две Балканские войны — кровавое размежевание оставленных турками земель между Болгарией, Сербией, Румынией и Грецией. Одновременно в Боснии и Герцеговине развернулось национально-освободительное движение против австрийских оккупантов.

15(28) июня 1914 года в боснийском городе Сараево был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд — наследник австро-венгерского престола. Из Вены в Белград последовал ультиматум, фактически требовавший

установления над Сербией протектората Австро-Венгрии. Ультиматум был принят с незначительными оговорками. Но тут вмешался Берлин, где сочли момент подходящим для вторичного (после 1870–1871 годов) и окончательного разгрома Франции. Ультиматум ужесточили, сделав его неприемлемым для Сербии, поскольку принятие его означало фактически австрийскую оккупацию страны. Одновременно началась мобилизация австро-венгерской и союзной ей германской армии.

По расчетам германского генштаба, более сильной германской армии, как и в 1870 году, требовалось менее месяца, чтобы успеть разгромить французскую. За это время русская армия никак не успевала сосредоточиться на западной границе, и ее можно было разбить вторым ударом, перебросив войска из Франции. После чего оставалось продиктовать условия победоносного мира. Этот замысел был сорван двумя непредвиденными обстоятельствами: фантастической самоотверженностью русских и новым типом стрелкового оружия под названием «машинное ружье» (пулемет).

Германия попыталась затормозить русскую мобилизацию угрозой объявления войны. Однако когда война была объявлена, одна из русских армий, не дожидаясь подхода резервов, вторглась в Восточную Пруссию. Германии пришлось срочно перебрасывать дивизии с запада на восток. Русская армия была окружена и уничтожена. Но Франция была спасена.

Спустя совсем немного времени наступающие германские стрелковые цепи и на западе, и на востоке были остановлены новым оружием — пулеметом. Новинка была изобретена еще в 1884 году — за тридцать лет до Первой мировой войны! — опробована в Англо-бурской (1899–1902) и Русско-японской (1904–1905) войнах, но сочтена слишком дорогостоящей безделуш-

кой. Теперь она совершила переворот в военном деле. Все могла преодолеть атакующая стрелковая цепь: и артиллерийский огонь, и ружейные залпы обороняющихся. Но когда пулемет открывал огонь, атакующие несли огромные потери и такая огневая преграда оказывалась неодолимой. Как конкретно это происходило, можно увидеть в знаменитом фильме «Чапаев».

Буквально за несколько недель обе воюющие стороны и на западе (где к французским войскам присоединились английские), и на востоке, где русские войска активно теснили австро-венгерские дивизии, — вынуждены были зарыться в окопы и оградить себя несколькими рядами колючей проволоки. Началась невиданная ранее позиционная война. Чего только не делали для прорыва линии окопов! Применяли и массированный артобстрел, и удушливые газы, и бомбежку с воздуха, и (уже к концу войны) танки — продвигаться удавалось в лучшем случае только до следующей линии окопов. Так и просидели противники в окопах целых четыре года, пока истощенную Германию не взяли на измор.

Но в окопах не просто «сидели». В них по обе стороны фронта были нагромождены миллионы трупов. И еще большее количество военных раненых. И все это на совершенно непонятной широком массам войне! Экономика всех воюющих стран была подорвана, в особенности — экономика России. Из сельского хозяйства страны «изъяли» миллионы рабочих рук. Понятно, начались перебои с хлебом. К февралю 1917 года в крупных городах России за фунтом хлеба выстраивались километровые очереди. Естественно, начались беспорядки. Особенно масштабные в столице — Петрограде. На их подавление бросили гарнизонные войска, но те стали браться с «голодными демонстрациями». Сняли войска с фронта — те отказались «стрелять в своих». Практически наступило безвластие.

И тогда в царской ставке на фронте было принято решение — самое глупое из всех возможных — Николай II подписал отречение: сначала в пользу наследника Алексея, затем в пользу брата Михаила. Тот отказался. Тогда Дума срочно сформировала Временное правительство под председательством кадета князя Г. Е. Львова. Оно не придумало ничего лучшего, как начать подготовку нового наступления на фронте и объявить об отсрочке решения «земельного вопроса» (передача помещичьей земли крестьянам) до завершения войны. Напомним еще раз: этот «вопрос» был тогда главным для крестьянской России. Уход от его решения открыл простор для безудержной демагогии анархистов, эсеров, большевиков. В стране воцарился хаос, но фронт еще держался.

В этой обстановке в германском генштабе заинтересовались русской эмиграцией в Швейцарии и прежде всего лидером радикального крыла русских социал-демократов В. И. Ульяновым (Лениным). На секретных переговорах ему предложили значительную сумму денег и свободный проезд через Германию, Швецию и Финляндию в Петроград специально для разложения русской армии и развала фронта. Следует уточнить, что Ленин согласился на это предложение, конечно, не ради денег. Он был фанатиком (вроде современных талибов) мировой революции и искренне верил, что сумеет превратить «империалистическую» войну в «гражданскую» и в России, и в Германии, и во Франции, и вообще повсюду, с тем чтобы везде восторжествовал «социализм» (в его понимании). Но факт остается фактом: он действительно разложил русскую армию, развалил Восточный фронт и подписал мир — фактически капитуляцию — с Германией, позволившей ей затянуть войну еще на несколько месяцев. На этом основании он заслуживает осуждения как самый большой государственный преступник.

Хаос в России продолжался весь март, апрель, май и июнь 1917 года. Иницированное Временным правительством наступление на фронте в июне кончилось провалом. Это вызвало резкий взрыв антиправительственных выступлений. Князь Львов на посту председателя правительства был заменен трудовиком А. Ф. Керенским, объявившим себя эсером. Но и под его руководством правительство не могло предложить ничего конструктивного. На этом фоне серьезную угрозу для государства стали представлять большевики. Их демагогические лозунги «мир — народам», «земля — крестьянам», «заводы — рабочим» (бессмысленные и лживые, как оказалось впоследствии) встречали широкий отклик в народе. Большевики — единственная в России политическая группировка — были хорошо организованы и целеустремленно готовили захват власти.

В июле 1917 года Верховным главнокомандующим был назначен популярный в войсках генерал Л. Г. Корнилов. Показательно, что во время его приезда в Москву он был встречен делегацией общественных деятелей (в нее входил и лидер русской социал-демократии Г. В. Плеханов), которая просила его срочно арестовать руководителей большевиков, представляющих смертельную угрозу для государства. В августе Корнилов попытался установить в стране военную диктатуру (это был бы оптимальный выход из кризиса), но потерпел неудачу из-за разногласий с Временным правительством. В следующем году он погиб в числе первых, кто вступил в вооруженную борьбу с диктатурой большевиков.

В сентябре – октябре 1917 года хаос в стране вновь достиг такой степени, что практически возникло двоевластие — точнее троевластие: формально власть оставалась у Временного правительства, на деле многие вопросы решались советами рабочих, крестьянских

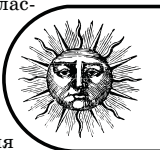
и солдатских депутатов, возникшими на протяжении минувших месяцев, а по сути шаг за шагом устанавливалась власть подпольной организации большевиков.

При таком тревожном положении в стране разум подсказывал необходимость усилить охрану Зимнего дворца в Петрограде, где заседало Временное правительство. Или вывести его из столицы под охрану надежных войск. Но у глупости нет предела — охрана Зимнего была сведена до чисто символической. Ленин воспользовался этим и направил в Зимний преданные большевикам отряды солдат и матросов (никакого «штурма Зимнего» не требовалось — это была одна из многих легенд новой власти). В ночь на 25 октября (7 ноября) 1917 года Временное правительство было арестовано и провозглашена весьма туманная «Власть Советов» — прикрытые для реальной власти горстки заговорщиков.

В этот момент кончилась история Российской империи.

Началась история первого в мире тоталитарного государства.

Для справки: тоталитаризм — это крайняя форма авторитарной (диктаторской) государственности, характерной для всех 1250 лет русской истории. При тоталитаризме вся жизнь общества, как в казарме, жестко подчинена правящей клике. Примерами тоталитарных государств могут служить СССР, фашистские Германия, Италия, Испания и другие. В настоящее время — как рудименты — Куба и КНДР.

Глава 6. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1917–1991)

*«Диктатура пролетариата»
(чиновничье-номенклатурного)*

1

В официальной советской (да и постсоветской) историографии — за редкими исключениями тотально лживой и тенденциозной — первые четыре месяца после Октябрьского путча большевиков 1917 года изображаются как «триумфальное шествие советской власти». Это конечно же такая же легенда, как «штурм Зимнего» (в действительности — бандитский захват плохо охраняемого объекта), «коллективизация сельского хозяйства» (в реальности — зверская ликвидация крестьянства как класса), борьба с «предателями-вредителями в 1930-е годы» (на практике — истребление фанатиков-коммунистов первого поколения, очень похожее на «ночь длинных ножей» в Германии), «гонка вооружений» (по существу — Третья мировая война, развязанная Сталиным против Англии и США в конце 1945 года).

Венцом всего этого вранья, которое потчевали население России с 1917 по 1991 год (и во многом потчуют по сие время), стал «Танец маленьких лебедей» на телеэкранах всей страны во время судорожной и предельно-идиотской попытки сохранить власть правящей партийной номенклатуры в 1991 году. А все обществоведение в период 1917–1991 годов напоминает гоголевские «Записки сумасшедшего», которые ничем не хуже графоманского бреда по истории России академика от математики Фоменко.

В действительности первые месяцы после Октябрьского путча шла разнузданная вакханалия пьяной солдатни (и матросни), грабившей, насилующей,

терроризировавшей мирное население. Ленин полностью отработал полученные им от германского генштаба деньги. «Окаянные дни» — назвал это время выдающийся русский писатель И. А. Бунин. Фронт был развален, и Германия почти без сопротивления захватила Украину, Белоруссию, Прибалтику, навязала России полную капитуляцию — позорный Брестский мир (март 1918 года), который не только закрепил за Германией захваченные ею территории, но и обложил истощенную войной, голодающую Россию чудовищной контрибуцией. В Германию потянулись эшелоны с зерном (из голодающей России!), углем и другими грузами. Это позволило Германии продержаться на Западном фронте еще почти девять месяцев, хотя вступление в войну США на стороне Антанты (в 1917 году) сделало поражение Германии вопросом времени. Первая мировая война закончилась капитуляцией Германии, развалом Австро-Венгрии и Османской империи лишь в ноябре 1918 года.

Однако верно и то, что демагогия большевиков сделала свое дело. Народ, дружно возненавидевший царизм и столь же дружно ответивший презрением на беспомощную болтовню Временного правительства, поначалу принял лозунг «Вся власть Советам!» Ведь он пошел не за какими-то там малоизвестными большевиками, а за «Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», которые обещали мир — народам, землю — крестьянам и заводы — рабочим, а также создание нового государства — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) вместо полностью прогнившей империи. Эти лозунги поддержало подавляющее большинство крестьян, рабочих, солдат и даже служащих. Достаточно сказать, что больше половины из 250-тысячного офицерского корпуса России примкнули к Красной армии в уверенности, что идут на службу обновлен-

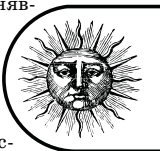

ному русскому государству (их судьба, за единичными исключениями, была трагичной: к 1939 году они были истреблены Сталиным почти полностью).

В этой обстановке советская власть (читай: большевики) быстро восторжествовала почти во всей России, а после революции в Германии (ноябрь 1918 года) на короткое время распространилась на Украину, Белоруссию и Прибалтику. Отдельные антисоветские выступления небольших отрядов (мятеж юнкеров в Москве, мятеж Добровольческой армии генералов Корнилова и Каледина на Дону и на Кубани, мятеж атамана Дутова на Южном Урале и другие) были сравнительно легко подавлены правительственными войсками, численно превосходившими мятежников во много раз. Так же легко большевики расправились с эсерами и анархистами, слишком поздно понявшими, что их обманули.

В марте 1818 года, опасаясь захвата Петрограда немцами, советское правительство во главе с В. И. Лениным переехало из Петрограда в Москву. К этому времени «советская власть» распространилась почти на всю Россию (за исключением территорий, оккупированных немцами). А всего через четыре месяца, к осени 1918 года, большевики оказались в сравнительно небольшом «огненном квадрате» — между Петроградом, Пермью, Царицыном и Курском — на них со всех сторон наступали антибольшевистские (белые) армии. Причина такого поворота событий заключалась в том, что, закрепившись в Кремле, большевики от демагогии перешли к реализации своей политической доктрины, неприемлемой практически для всего населения страны.

Большевистская (коммунистическая) доктрина, как уже говорилось, не имела ничего общего с социал-демократической доктриной марксизма. Поэтому впоследствии она получила название «ленинизм». Но для сохранения видимости преемственности все чаще

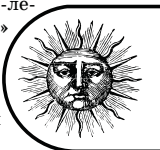
употреблялось немислимое по своей противоречивости словосочетание «марксизм-ленинизм».

Нам уже приходилось говорить, что марксизм в середине XIX века представлял собой одно из сотен социальных учений утопического характера. К концу этого столетия он заостренел в квазирелигиозных догмах и обзавелся собственными «пророками», высказывания которых принимались на веру безоговорочно. Но это не имело значения, потому что на практике под этим знаменем сформировалась идеология международной социал-демократии (выше налоги, особенно с богатых, — больше средств для социального обеспечения нуждающихся). В то же время от социал-демократии во многих странах Европы откололось ультралевое, ультрарадикальное крыло с совсем иной идеологией, несущей смертельную опасность обществу. Во всех странах Европы, кроме России, эти численно незначительные группки были физически уничтожены или заключены в тюрьмы. И только в России ультрарадикалы (большевики, с добавлением в 1918 году в название слова «коммунисты» — для отличия от социал-демократов) к 1917 году выросли в количестве до нескольких хорошо организованных десятков тысяч человек. После удачного Октябрьского путча они получили в свое распоряжение «административный ресурс», позволивший им поставить под ружье многомиллионную Красную армию, и начали претворять свою доктрину в жизнь.

Сама доктрина нигде и никогда не фиксировалась документально — настолько вопиюще она была утопична (в смысле: нежизнеспособна) и вдобавок кошмарна по своей глупости, подлости, бесчеловечности. О ней в целом можно судить только по действиям руководства большевиков — часто противоречивым и катастрофическим, но в общем довольно последовательным в смысле достижения определенных, пусть и утопических целей. В конечном счете получилась

реализованная утопия так называемого казарменного социализма (или коммунизма — тут разницы нет). Того самого, которым Маркс в свое время пугал оппонентов, понимая под ним безграничную диктатуру чиновников во главе с их «комитетом» (будущим Политбюро компартии). При этом «казарменность» делала утопию отталкивающей и нежизнеспособной, а «утопичность» — наоборот, притягивающей и живучей. Вот эту-то «нежизнеспособную живучесть» и представлял собой СССР все 74 года своего существования. Оказывается, при известном стечении обстоятельств на какое-то время и сказку можно сделать былью — с ужасающими последствиями для людей. И обязательно с плачевным концом, потому что всякой сказке раньше или позже приходит конец.

Анализируя действия большевиков весной-летом 1918 года, мы обнаруживаем три «столпа» их доктрины, объясняющие, почему они действовали столь самоубийственно-бесчеловечно и почему против них постепенно восстала чуть ли не вся страна, еще недавно поддерживавшая их демагогические лозунги.

Первый и главный «столп» — переход от классового к бесклассовому обществу. Изначально невозможный, потому что, как мы уже говорили, всякое человеческое сообщество, в подражание собачьей или обезьяньей стае, в любых условиях сразу же делится на высший, выше-средний, средний, ниже-средний и низший класс. На практике в условиях 1918 года, когда была объявлена «диктатура пролетариата», это означало ликвидацию как классов дворянства и буржуазии, а также крестьянства, составлявшего более 80% населения страны.

Физическое уничтожение дворянства и буржуазии началось в том же 1918 году в виде массовых расстрелов заложников в ответ на каждое антиправитель-

ственное выступление («красный террор» Чрезвычайной комиссии — Чека). Кроме того, поскольку тюрьмы были переполнены, Ленин, предвосхищая Гитлера, ввел практику «концентрационных лагерей», куда сгоняли сначала тысячами, затем десятками тысяч и, наконец, сотнями тысяч разных «подозрительных» людей (то есть людей, оппозиционных власти). Это называлось «контрреволюционные элементы», известные в будущем как «каэры», позже переименованные просто в «зеков» (заклоченных). В том же 1918 году была зверски расстреляна вся императорская семья.

Ликвидация крестьянства как класса (по первому разу в 1918 году!) проходила под лозунгами «раскрестьянивания» и «расказачивания» в форме разграбления имущества зажиточных крестьян — до трети всего крестьянства! — а также путем создания тысяч колхозов и совхозов, изначально нежизнеспособных, названных самим Лениным «богадельнями». И дополнялась реквизицией урожая («продразверстка»), крестьянину оставляли лишь скудный прожиточный минимум. Все это делалось трижды: в 1918, 1919 и 1920 годах!

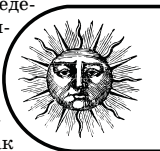
Понятно, что это не могло не натолкнуться на растущее сопротивление крестьянства. В одной только Тамбовской губернии сформировалось шестнадцать повстанческих крестьянских полков. Чтобы подавить это восстание, потребовалась 200-тысячная армия с пулеметчиками-иностранцами (русские отказывались стрелять в безоружных женщин и детей), с артиллерией, которая вела огонь прямой наводкой по избам, и даже с применением отравляющих газов, как на фронте.

Из других слоев общества больше всего пострадала русская интеллигенция — уникальная даже по мировым меркам социальная группа, численно незначительная (не более десятка тысяч семей), но во второй

половине XIX — начале XX века составлявшая поистине ум, честь и совесть русского народа (слова, украденные у нее большевиками). Это были в основном люди так называемых свободных профессий — журналисты, юристы, врачи, ученые и тому подобное. Жившие на гонорары, не зависевшие ни от правительства, ни от любого другого «хозяина», способные поэтому не только критически осмысливать происходящее, но и публично высказывать свое мнение. Внешне их отличало отсутствие на груди каких-либо побрякушек. Внутренне они были «интеллигентны», то есть видели во всех без различия людях Человеческое Достоинство, несовместимое с обычным и привычным в России холоульством и хамством.

Именно интеллигенции война нанесла огромный урон, выкосив тысячи прапорщиков-вольноопределяющихся (добровольцев). Именно интеллигенция сильно пострадала от «испанки» (эпидемия гриппа, унесшая в Европе более двадцати миллионов жизней). Именно представителей интеллигенции, наряду с буржуазией и дворянством, большевики тысячами расстреливали как заложников. Наконец, две сотни интеллигентов, которыми гордилась бы любая другая страна, Ленин в конце войны не расстрелял, а выслал за границу — это был первый и последний в его жизни гуманный поступок. Оставшиеся в России немногие интеллигенты вынуждены были жить, говоря словами М. Е. Салтыкова-Щедрина, «применительно к подлости». Кое-кто из них оподлился настолько, что потомкам пришлось стыдиться их имени и переименовывать названные Сталиным в их честь города.

Вторым «столпом» был разгром рыночного хозяйства страны. Сам по себе рынок восхищения, мягко говоря, не вызывает. Но горький мировой опыт показал, что любое посягательство на «нормальный» рынок немедленно вызывает появление «черного

рынка» с его астрономическими ценами, продуктовые и промтоварные карточки, километровые очереди и чисто казарменное распределение дефицитных товаров по должности или по знакомству с «черного хода». Все это пришлось сплошняком испытать на себе населению России в 1918–1921 годах.

Наконец, третий и последний «столп» — замена «нормальных» денег «дензнаками», которые печатаются по мере надобности и, конечно, не идут ни в какое сравнение со свободно конвертируемой валютой. Этим жульническим ремеслом советское правительство занималось вплоть до 1991 года. Но в 1918–1921 годах оно еще не имело опыта оперировать этой разновидностью прод- и промтоварных карточек. Поэтому «дензнаковые» рубли быстро переросли в тысячи, миллионы, сотни миллионов и, наконец, потеряли всякую ценность, вынуждая население прибегать к простому обмену продуктами. Это был самый настоящий финансовый крах. «Реализованная утопия казарменного социализма» оказалась на краю пропасти.

2

Насколько большевикам не повезло во внутренней политике, настолько же повезло во внешней. Их «административный ресурс», позволивший поставить под ружье многомиллионную армию, казалось бы, должен был насторожить страны Антанты, заставить их сплотить антибольшевистские силы и разгромить тогдашних талибов, как разгромили сегодняшних.

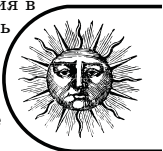
Но в те времена большевиков никто не принимал всерьез, считали, что эта «горстка бандитов» обанкротится и сойдет со сцены если не в считанные дни, то по крайней мере в считанные месяцы. Тем более что начались антиправительственные крестьянские выступления, а в Москве и на Волге подняли мятеж эсеры, сообразившие наконец, что их соблазнили участием в «советах», под вывеской которых дей-

стует организация посильнее всякой мафии. Кроме того, на Транссибирской магистрали поднял мятеж чехословацкий корпус, сформированный из пленных чехов и словаков, сражавшихся в рядах австро-венгерской армии. Однако крестьянские и эсеровские мятежи были подавлены с невиданной жестокостью, а чехословацкий корпус был отнесен большевистскими войсками к Владивостоку, где большая его часть погрузилась на суда и кружным путем вернулась в Европу.

Поэтому страны Антанты и Япония, высадив поначалу свои десанты на окраинах России (англичане в Архангельске, французы в Одессе, японцы во Владивостоке), поспешили ретироваться, чтобы из одной войны не попасть в другую — надо было учитывать настроение солдат и общественного мнения в собственных странах — и предпочли оказывать белым армиям материальную помощь, не позаботившись о координации их действий. В результате эти армии были разбиты поодиночке красными армиями, имевшими подавляющее численное превосходство.

Первой перешла в наступление в феврале 1919 года сформированная в Сибири более чем стотысячная армия А. В. Колчака. Первоначально ей противостояли разрозненные части Красной армии, и белым удалось занять Урал, выйти к Волге. Но затем огромный численный перевес позволил красным перейти в контрнаступление и отбросить Колчака обратно в Сибирь. Его армия начала разлагаться, а сам он в 1920 году был предательски расстрелян в Иркутске.

Только в июле 1919 года, когда на Восточном фронте военные действия переместились на Урал и далее в Сибирь, на Дону была окончательно сформирована 150-тысячная армия А. И. Деникина, начавшая наступление на Москву. В августе-сентябре в районе Орла развернулись решающие сражения между

двумя армиями, причем их исход вновь был решен значительным численным перевесом красных, успешных перегруппировать свои силы. Пехота белых наткнулась на сильный заслон в виде 36-тысячной Латышской дивизии, сформированной из латышей, оторванных от своей родины германской оккупацией (их судьба была ужасна: в Латвии их прокляли, как «красных», а в России Сталин истребил их вместе с номенклатурой первого поколения — см. ниже). А Конармия красных ударом с фланга опрокинула конные полки белоказаков. Остатки армии Деникина были сброшены в Черное море в начале 1920 года.

Когда на южном фронте наступил перелом и началось преследование отступавших белых, из Эстонии в октябре – ноябре 1919 года начала наступление на Петроград армия Н. Н. Юденича. Теперь красным было нетрудно собрать против нее превосходящие силы и отбросить ее обратно в Эстонию.

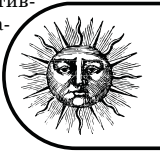
Успехи вскружили красным голову, и они вздумали перенести «мировую революцию» в Европу силой оружия. В этом деле им «помогли» польские националисты, заявившие претензии на Западную Украину. В апреле 1920 года поляки начали наступление на Киев и к лету заняли Западную Украину и большую часть Белоруссии. Но теперь угрозы для красных на востоке, юге, северо-западе больше не существовало. Снова перегруппировка сил — и численно превосходящие красные переходят в контрнаступление, вторгаются в пределы Польши. Однако в ходе этого наступления передовые части красных оторвались от основных сил, попали под фланговый удар противника и были разбиты. Обе стороны были настолько обесилены прошедшими боями, что согласились на перемирие. 18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между Польшей, Россией и Украиной. Он оставлял Западную Украину и Западную Белоруссию за Польшей.

На юге России — в Северном Причерноморье и в Крыму оставалась еще белая армия П. Н. Врангеля. Собрать против нее подавляюще превосходящие силы красным было теперь еще легче. В упорных боях белые были разбиты и отступили в Крым за укрепления на Перекопском перешейке. В ноябре 1920 года, не считаясь с огромными потерями, красные любовными атаками и форсированием мелководного залива Сиваш опрокинули белых и ворвались в Крым. Часть белых эвакуировалась на судах Антанты. Остальные сложили оружие, положившись на честное слово красных, обещавших сохранить им жизнь. Нашли кому верить!

Многие тысячи безоружных «беляков» были зверски утоплены в море.

В 1921–1922 годах красные сломили сопротивление белых на Дальнем Востоке и заняли Владивосток.

Гражданская война 1918–1922 годов в России закончилась победой большевиков.

3

Победа досталась красным дорогой для России ценой. Страна лежала в развалинах. Трижды ограбленное сельское хозяйство было на последнем издыхании. Летом 1921 года случились засуха, неурожай и голод в Поволжье, охвативший территорию с населением в 35 миллионов человек. Количество жертв голода — миллионы человек. Это было первое из трех стихийных бедствий такого характера и такого масштаба, обрушившихся на страну в первой половине XX века (остальные два произошли в 1932/33 и 1946/47 годах). Впрочем, первое вряд ли можно назвать стихийным: это было рукотворное, точнее злодейски-рукотворное, бедствие. Как и в 1990-е годы, остановилось большинство промышленных предприятий, нарушились экономические связи. Транспорт работал с

перебоями. Паровозы топили дровами. Стомиллионные купюры вконец обесценились. Города сидели на карточках. Продавался «черный рынок». Состояние страны официально называлось «военным коммунизмом», а неофициально — «разрухой».

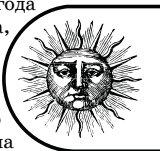
И это еще не все. Против горстки фанатиков, заседавших в Московском Кремле, поднялась практически вся страна. По сути, началась крестьянская война — четвертая по счету (после восстаний Болотникова, Разина и Пугачева). Начались забастовки рабочих. Появился миллион безработных. Наконец, Кронштадтский мятеж (март 1921 года) показал ненадежность 5,5-миллионной Красной армии.

В том же марте 1921 года Ленин настоял на переходе от «военного коммунизма» к «новой экономической политике» (НЭП). Фактически это была первая «перестройка» (сегодня мы переживаем седьмую) — попытка совместить преимущества капитализма с сохранением утопии «казарменного социализма». «Продразверстку» (трехлетние реквизиции крестьянского урожая) заменили «продналогом». Разрешили частное предпринимательство, возник класс новой буржуазии («нэпманы»), открыли нормальные рынки, резко сузившие сферу «черного рынка», наконец, «дензнаки» заменили конвертируемыми червонцами, обеспеченными золотом.

Все это на целых семь лет оживило экономику и культурную жизнь страны, которая поднялась почти на уровень дореволюционной. Но основные рычаги власти остались в руках фанатиков-большевиков, продолжавших жить надеждой на «мировую революцию». Кстати сказать, тысячи из них покончили с собой, видя в НЭПе отказ от своих идеалов. Репрессии продолжались, как прежде. В Соловках на базе разгромленного монастыря создали Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОЛН), через который за три десятилетия прошло более миллиона заключенных, тыся-

чи заключенных погибли в лагере. Сеть таких лагерей постепенно охватила всю страну. А. И. Солженицын метко назвал эту сеть «Архипелагом Гулаг» (Главное управление лагерей НКВД). Пока что она охватывала сотни тысяч заключенных. В следующем десятилетии счет пошел на миллионы. Подчеркнем еще раз, что в принципе большевики сохраняли курс на «мировую революцию». Ленин публично обещал, что «молодое поколение будет жить при коммунизме».

В мае 1922 года Ленин тяжело заболел — у него обнаружилась тяжелейшая болезнь головного мозга. Поэтому встал вопрос о преемнике. Решено было разделить функции вождя. Обязанности председателя правительства вместо Ленина стал исполнять А. И. Рыков — обычный партийный функционер, не способный стать лидером партии. Систему «советов» с 1919 года возглавил М. И. Калинин — бесцветная фигура, приспособлявшаяся к любому лидеру. Наконец, для делопроизводства собственно компартии был создан пост генерального секретаря (генсека), сначала планировавшийся только для координирования текущей оргработы. И на этот казавшийся чисто техническим пост поставили устраивавшего большинство членов ЦК малозаметного и малоавторитетного И. В. Сталина, который в то время, как и Калинин, был всего лишь «тенью Ленина». Никому не приходило в голову, что в руках генсека сосредоточиваются кадровые дела и что он начнет ставить на ключевые посты «своих» людей. В результате уже через несколько месяцев позиции Сталина настолько укрепились, что он стал соперником наиболее вероятного (по авторитету в партии) преемника Ленина, умершего в январе 1924 года, — Л. Д. Троцкого. Под контролем Троцкого была вся Красная армия и несколько крупных партийных организаций ряда крупных городов, включая Петроград, но исключая Москву.

Троцкий как политическая фигура был страшнее Ленина. Трудно сказать, какие кровавые события пришлось бы пережить России (которую он считал «удобрением мировой революции»), если бы этот страстный фанатик «мировой революции» дорвался до власти.

Троцкий не учел реального соотношения сил в правящей верхушке. За Сталиным, с его лозунгом «построения социализма в одной, отдельно взятой стране», встало подавляющее большинство нового высшего класса общества — партгосчиновников разного уровня, от районного и областного до общегосударственного. Эти чиновники к тому времени обзавелись роскошными квартирами и дачами, прислужой и автомашинами, «спецпайками» и «спецбольницами», «спецсанаториями» и даже «спецгаремами» в лице секретарши и буфетчицы, в дополнение к собственной супруге. Формально в стране существовала «диктатура пролетариата». Фактически это была диктатура партгосчиновников — номенклатуры ЦК, обкомов и райкомов партии. Именно эти люди решили судьбу соперничества Троцкий — Сталин. Троцкого сначала сослали, а затем выслали за границу. Уже в 1940 году, как водится в мафиозных кругах, его убил подосланный Москвой патриот (который — что знаменательно — получил за это орден Ленина). Фактическим главой государства стал Сталин (1924–1953).

Последним крупным мероприятием Ленина в 1922 году было создание СССР — Союза Советских Социалистических Республик: РСФСР, Закавказской СФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Как и при введении НЭПа, Ленин настоял на этом решении вопреки большинству ЦК компартии. В данном случае он исходил из своей навязчивой идеи о «мировой революции». Действительно, невозможно было себе представить, чтобы в РСФСР вошли германская, французская, ан-

глийская и так далее социалистические республики. Между тем герб СССР недвусмысленно изображал весь земной шар, перекрещенный серпом и молотом, увитый лентами с надписью союзных республик.

Со временем число союзных республик возросло с четырех до шестнадцати. В некоторых из них появились автономные республики, автономные области и национальные округа. Сталин, как и большинство членов ЦК, был вначале за сохранение РСФСР, но потом махнул рукой: ведь он понимал, что все это — фикция, потому что на самом деле вся власть сосредоточивалась в руках секретаря компартии республики, области, района, жестко подчиненных генсеку, который смещал и назначал любое начальство по своему усмотрению (где надо — инсценировкой выборов).

Внешне эта четырехзвенная иерархия тоже выглядела привычно: в мире того времени все государства тоже делились на великие державы с их посланцами, просто государства с их посланниками, малые государства с министрами-резидентами и зависимые государства с консулами. Подчеркнем, что СССР на всем протяжении своего существования был самым унитарным государством в мире.

Никому не приходило в голову, что через несколько десятилетий эти «мины замедленного действия» начнут взрываться одна за другой, что две союзные республики (Азербайджан и Армения) передерутся из-за автономной области, еще одна республика (Молдавия) вступит в конфронтацию со своей автономной областью и еще одна (Грузия) окажется в состоянии войны с автономной республикой и автономной областью. Не говоря уже о развале СССР и переименовании его в непонятный (разумеется, тоже фиктивный) Союз Независимых Государств.

Однако Сталин вряд ли сохранил бы позицию лидера, если бы, как Рыков или Калинин, просто зани-

мал руководящее кресло. Он должен был увлечь партию и народ каким-то лозунгом — более конкретным, чем туманное ленинское «поколение при коммунизме». И такая идея была выработана его аппаратом. Это была идея «пяtilетки в четыре года» (конкретно: 1928–1932), на протяжении которой страна превращалась из аграрной в промышленную. Одновременно устанавливался социализм, под которым тогда понимались шестичасовой рабочий день для всех (без безработицы) и четырехчасовой досуг, при полном удовлетворении элементарных потребностей строго по трудовому вкладу (по труду).

Пятилетка готовилась специалистами-экономистами целых три года (1923–1927). Но когда она началась, выяснилось, что для реализации задуманного необходимы сотни заводов, десятки тысяч станков и машин, которые невозможно создать у себя (не было еще развитой станко- и машиностроительной промышленности) и можно купить только за границей. Но для таких покупок золотого запаса явно не хватало, не помогали и «торгсины» (магазины для торговли с иностранцами, куда население сносило золото и другие драгоценности, получая взамен тотально дефицитные пром- и продоволы). Не было и сегодняшней «палочки-выручалочки» — нефтегазовой трубы. Оставалось одно — продолжать политику царской России — кормить Европу русским зерном. Но для этого надо было предварительно купить его у крестьян, для чего требовались немалые средства.

И родилась чисто бандитская идея: вновь, как и в Гражданскую войну, реквизировать хлеб у крестьян задаром (точнее, купить втридешева по принудительно-символическим ценам) и обменять его на машины и станки. Однако теперь крестьяне научились прятать зерно и оказали сопротивление грабителям. Тогда придумали нечто изуверское: создать вместо

единоличных крестьянских хозяйств не «добровольные», как в 1918 году, а жестко принудительные колхозы и совхозы, которые и дадут государству хлеб даровым трудом вновь закрепощенных сельских рабов нового типа.

Придумано — сделано. В 1929 году началась массовая «коллективизация сельского хозяйства». Крестьяне сопротивлялись как могли: отказывались сдавать инвентарь, резали скот и так далее. Тогда их решили принудить к рабскому труду невиданным до того террором: миллионы семей зажиточных крестьян стали «раскулачивать». Это означало, что семьям победнее разрешалось безнаказанно грабить имущество тех семей, что побогаче. «Раскулаченных» — их с семьями насчитывалось до двенадцати миллионов человек — высылали в Сибирь, на необжитые места. Понятно, что большинство из них — в том числе беспомощные старики, женщины, дети — погибли от голода. Но и при таком терроре понадобилось несколько лет, чтобы загнать почти всех крестьян в колхозы и совхозы.

При этом пошли на чудовищное преступление. У крестьян Украины, особенно отчаянно сопротивлявшихся «коллективизации», отобрали семенной хлеб и обрекли их в 1932–1933 годах на массовый голод, от которого погибло более восьми миллионов человек. Чтобы крестьяне не побежали в города и поселки, у них отобрали паспорта и тем самым восстановили «крепостное право». Целую четверть века — до второй половины 1950-х годов — крестьян заставляли работать бесплатно, за «трудодни», которые осенью отоваривались, смотря по урожаю, либо сотней-другой граммов зерна каждый, либо вообще ничем.

Результатом такой политики стала ликвидация крестьянства как класса (проведенная под лозунгом «ликвидации кулачества как класса»). И полный развал сельского хозяйства, который не изжит до конца

по сию пору. НЭП также ликвидировали. Государство вновь возвратилось к состоянию «реализованной утопии казарменного социализма».

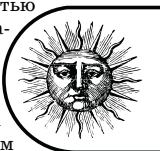
4

Это состояние, как уже говорилось, отличалось полной нежизнеспособностью и вместе с тем поразительной живучестью.

Нежизнеспособность обуславливалась тремя чертами казарменности.

Во-первых, принудительный, точнее казарменный, труд. Мальчишкой сам видел, как крестьян побоями гнали работать на поля. И давали десять лет лагерей за сорванные на колхозном поле колоски, оставшиеся нежатыми. На заводах опоздание более чем на 20 минут каралось двумя годами лагерей, прогул — десятью годами. Со временем методы принуждения становились менее brutальными. Но труд все равно оставался «казарменным». По известному принципу: солдат спит — служба идет. В итоге из каждых четырех советских промышленных изделий — от авторучки до ракеты — в среднем только одно оказывалось удовлетворительным, да и то сделанное «по спецзаказу» или на экспорт. Из остальных трех одно сразу шло в брак, а два других — чуть позже. Кстати, это явилось одной из главных причин проигрыша СССР в гонке вооружений с США. «Казарма» явно не могла состязаться с «рынком». Впрочем, реликты казарменности мы видим по сей день: достаточно сравнить самую хорошую отечественную легкову автомашину с самой «заезженной» иномаркой.

Во-вторых, принудительная идеология, способная держаться только террором. Когда террор ослабел, произошла «деидеологизация» общества, что нашло отражение в массовом оподлении, оглулении и ослеплении людей. И привело в конечном счете к неожиданному для многих краху политического режима.

В-третьих, особые, «казарменные» социальные отношения. Уже не патриархальные, но и не правовые. Отношения — как в армии: кто начальник, тот и полный хозяин над подчиненными. Получилось нечто вроде «дедовщины», возведенной в ранг государственной политики.

Такое государство не просуществовало бы и года, если бы ненавистная «казарменность» не уравновешивалась тремя чертами, напротив, очень привлекательной «утопичности».

Первая черта «утопичности»: сразу же исчезла миллионная прежде безработица. Иное дело, что на 130 миллионов работающих к 1980-м годам приходилось 32 миллиона «избыточных» рабочих мест. Другими словами, три и без того невысокие зарплаты делили на четверых. Но одно дело — стоять на бирже труда в очереди за пособием по безработице и совсем другое — «получать как все». Это и до сих пор привлекает к социалистическим лозунгам значительную часть населения — десятки процентов.

Вторая черта «утопичности»: зарплата «дензнаками», которые печатаются по мере потребности в них, никак не связана с эффективностью работы предприятия, учреждения, организации. Эффективность может быть нулевой и даже минусовой, но об опасности банкротства можно не думать. В армии банкротств не бывает — разве только на войне... Зарплата при любых обстоятельствах выплачивается исправно («а служба идет»). Разве это не сказка, сделанная былью?

Наконец, третья черта «утопичности»: зарплата никак не связана с реальным трудовым вкладом, она, как и полагается в казарме, целиком определяется только чином и должностью. При этом одинакова для всех равных по чину и должности. Это очень огорчает людей с повышенной работоспособностью (именно желание лучше работать и лучше жить заставляло в свое время десятки тысяч немцев перебираться из

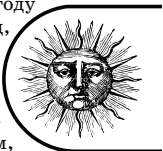
ГДР в ФРГ и именно это заставляет сегодня миллионы россиян превращаться во второсортных западноевропейцев или американцев). Зато очень радует основную массу трудящихся, которые «получают как все», не особенно напрягаясь в труде.

Как увидим ниже, тогдашние советские талибы предприняли несколько «перестроек», чтобы сделать нежизнеспособное жизнеспособным, ничего по сути не меняя. Очень огорчались, что не получается. И очень удивились, когда их государство «вдруг» сменилось другим, впрочем, тоже, мягко говоря, далеким от идеального.

Здесь отметим, что обстановка начала 1930-х годов была далека от абстрактных понятий «казарменности» и «утопичности». Налицо был серьезный политический кризис: вместо «социализма» к 1932 году получился развал сельского хозяйства, голод, двадцать миллионов жертв и продкарточки, как во время войны. При таких результатах в нетоталитарных государствах правительство подает в отставку, а в тоталитарных прибегает к самым различным кровавым провокациям, лишь бы удержаться у власти.

Судьба Сталина в 1933 году висела на волоске. Но не только из-за его политического провала. Слишком много его коллег знали про его «темное прошлое». И про то, как он до революции занимался в Тифлисе бандитскими грабежами. И про то, как он, спасая свою шкуру, сделался платным агентом полиции, выдавая своих подельников. И про то, как на протяжении более двадцати лет играл роль простого приспешника Ленина — угодливого в отношении Ленина, хамски грубого в отношении товарищей, далекого от интеллигентности, не пользовавшегося никаким авторитетом в партийных кругах.

Ясно сознавая это, Сталин решился на провокацию и террор, в ходе которого рассчитывал не только за-

пугать население, но и избавиться от нежелательных свидетелей своих былых прегрешений. Вряд ли он понимал при этом, что раскрученная им машина террора начнет работать по своим собственным законам (см. ниже) и вызовет миллионы совершенно «излишних» в данном случае жертв. Но это никак не снижает его чудовищной вины в истории многострадальной России.

В качестве первой жертвы намеченной провокации Сталин избрал секретаря Ленинградского обкома компартии С. М. Кирова — пламенного оратора, гораздо более популярного в партии, чем Сталин (и уже за одно это заранее обреченного на смерть). Киров ни разу не дал повода почувствовать его соперником Сталина, наоборот, был обычным подпевалой в общем хоре партчиновников, создававших культ личности Сталина. Но его популярность в глазах подозрительного генсека была опасной. И участь «пламенного оратора» была преддана.

1 декабря 1934 года Киров был убит якобы ревнивым мужем своей секретарши. На деле убийство было хорошо подготовлено, потому что в здание обкома партии с пистолетом (да и без пистолета тоже) никого из чужих не пускали до самого 1991 года. И со следующего года началось планомерное истребление руководящих кадров. Весь мир дивился, как руководители партии и члены правительства, ни в чем не подозревавшиеся ранее, вдруг на суде «чистосердечно признавались» в том, что являлись заговорщиками и платными(!) шпионами иностранных держав, что замыслили убийство Сталина. В общем, плели полную несуряницу. Лишь много позднее открылось, что к этому их вынуждали изощренные пытки плюс обещания сохранить жизнь (разумеется, невыполненные).

Эти скандальные судебные процессы шли на фоне Большого Террора, в котором значительную роль играли доносы. Каждый второй из миллионов аресто-

ванных был жертвой доноса соседей или сослуживцев, претендовавших на его жилплощадь или должность!

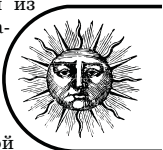
Кроме того, разыгралось своего рода «соревнование» между секретарями обкомов-райкомов, органами НКВД: у кого арестованных оказывалось меньше — рисковал сам оказаться жертвой террора.

Волна террора достигла кульминации в 1937 году, когда счет заключенным пошел на миллионы, а расстрелянным — на сотни тысяч. Затем было расстреляно все руководство НКВД, на которое свалили «перегиб» в арестах невиновных. Расстреляли не менее тридцати тысяч чекистов и заодно не менее сорока тысяч командиров армии, практически обезглавив ее.

В 1938 году во главе НКВД был поставлен Л. П. Берия, один из самых близких Сталину людей, который несколько умерил «соревнование», выпустил из тюрем заведомо не причастных ни к каким «заговорам» и расстрелял нескольких психопатов-доносчиков, которые посылали на смерть уже не соседа или сослуживца, а десятки и сотни людей, просто называя известные им фамилии. Однако массовые аресты продолжались до самой смерти Сталина в 1953 году (в том числе и в годы Великой Отечественной войны). Всего через лагеря Гулага в 1933–1953 годах прошло не менее тринадцати миллионов человек плюс семь миллионов вернувшихся из немецкого плена и сразу попавших в плен сталинский.

К жертвам террора надо добавить также ЧСИР — «членов семей изменников родины». Часть таких семей также оказалась в лагерях, часть была сослана, а не репрессированные семьи фактически лишились всех гражданских прав.

В общем, не будет преувеличением сказать, что жертвой сталинского террора в 1933–1953 годах стал по меньшей мере каждый третий житель России. Это

ставит Сталина в один ряд с Батыем и прочими извергами рода человеческого.

Террор таких масштабов не мог не сказаться на психике населения. Оно впало в оцепенение, прикрываемое показным славословием в адрес «вождя и учителя». Результатом стал генетический страх, передававшийся из поколения в поколение. Генетика сыграла и другую роковую роль. Те, на кого доносили, погибали, часто не оставляя потомства или оставляя потомство психически надломленным. Те, кто доносил, кто арестовывал людей и охранял заключенных, остались убежденными в своей правоте и нравственности своих поступков. Их потомки шагают ныне по улицам с портретом Сталина.

Справедливости ради надо отметить, что многие, особенно молодежь тех времен, славословили Сталина не страха ради, а искренно, будучи обловленными большевистской пропагандой. В частности, автор сих строк был ярким сталинистом до самого начала 1950-х, пока «недобитые интеллигенты» из Института истории АН СССР с предельной осторожностью, рискуя жизнью (ведь он мог оказаться доносчиком!), не показали ему разницу между «марксизмом-ленинизмом» и наукой.

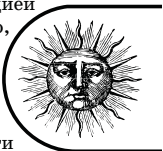
Подумать только! Осенью 1942 года, будучи с отцом в эвакуации на одном из оборонных заводов далеко от фронта Урала и ожидая со дня на день прорыва немцев через Волгу, этот самый сталинист обсуждал со своими товарищами-девятиклассниками возможность создания комсомольского партизанского отряда, если немцы дойдут до Урала. Достаточно было ссоры, доноса — и юный сталинист, как и его товарищи, получил бы 25 лет колымских лагерей. И если бы выжил, то, как некоторые выжившие, уверял бы окружающих, что Сталин и советская власть здесь ни при чем: просто «перегиб».

Важно добавить, что удержаться Сталину помог не только террор, но и военный ажиотаж 1930-х го-

дов. Уже к середине этого десятилетия стало ясно, что гитлеровская Германия и милитаристская Япония — смертельные враги СССР и дело идет к войне. Начался «милитаристский угар». На Востоке «проба сил» состоялась в пограничных столкновениях с Японией у озера Хасан (1938) и на реке Халхин-Гол (1939). На Западе такая же «проба сил» прошла в форме вмешательства советских и итало-германских вооруженных сил в гражданскую войну в Испании (1936–1939).

В августе 1939 года Гитлер, уже захвативший Австрию и Чехословакию, приготовившийся к нападению на Польшу, а затем на Францию и Британию, решил обезопасить свой тыл, договорившись со Сталиным о разделе между Германией и СССР Восточной Европы. Сталин клюнул на эту удочку. Гитлер, в обмен на советский нейтралитет в войне Германии с Францией и Британией, «отдавал» Сталину Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и восточную половину Польши (по Висле), а также Бессарабию и Северную Буковину. Себе Гитлер «оставлял» западную половину Польши, Норвегию, Данию, Югославию и Грецию. Сталин согласился на эти условия с той мудрой оговоркой, что отказывался от собственно Польши, «оставляя» за собой лишь входившие тогда в нее Западную Украину и Белоруссию.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу и в считанные дни разгромила ее. Польская пехота с винтовками, польская кавалерия с пиками и саблями оказались бессильными против немецких танков и немецкой пехоты, вооруженной автоматами. Красной армии, по традиции продолжавшей исчисление в «штывках» и «саблях», впору бы задуматься над этим уроком. Но задумываться было уже некому. Почти все способное мыслить было расстреляно или сидело в лагерях. А немногие оставшиеся не рисковали сердить человека, имевшего в военном деле представление времени обороны Царицына.

СССР поспешил получить свою часть «добычи». Спустя всего несколько дней после разгрома Польши Красная армия заняла Западную Украину и Белоруссию. 30 ноября 1939 года, после примитивной провокации, она начала штурмовать линию Маннергейма — систему финских укреплений на Карельском перешейке в тридцати километрах к северу от Ленинграда. Эта война, вошедшая в историю Финляндии как тамошняя Отечественная, оказалась вдвойне позорной для СССР: и как захватническая, и как неудачная.

Оставшиеся в живых сталинские генералы с интеллектом ротного старшины тупо гнали сотни тысяч солдат на убой прямо под пулеметы финских дотов (долговременных бетонных огневых точек). В бой вводились все новые и новые дивизии. Три месяца шла постыдная для нас бойня. Наконец, к марту 1940 года, линия Маннергейма была прорвана, но упорное сопротивление финнов и огромные потери советских войск заставили Сталина отказаться от мысли оккупировать Финляндию. Советский Союз удовлетворился районом Выборга, что отодвигало русско-финскую границу от Ленинграда более чем на сто километров. Впрочем, даже эти итоги войны свелись к нулю и сделали небывалые людские потери в «зимней войне» бессмысленными, когда менее чем через полтора года финны вновь появились под Ленинградом — уже как злейшие враги русских.

После Финляндии настал черед Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины. Их в 1940 году с разными постыдными церемониями присоединили к СССР, объявив соответствующими «союзными республиками» или входящими в оны.

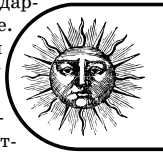
5

Пока Сталин переваривал свою долю «добычи» (поперхнувшись Финляндией), Гитлер тоже не терял времени. Он, как и Польшу, молниеносно разгромил

Францию танковым ударом через Бельгию (пресловутый «блицкриг»), в то время как французские генералы наивно, то есть предельно глупо, пытались отсидеться за укрепленной линией Мажино — мощным аналогом линии Маннергейма. После чего занял Данию и Норвегию, Югославию и Грецию (Испания, Венгрия, Болгария и Румыния стали его союзниками) и попытался принудить Британию к капитуляции массированными бомбежками с воздуха. Но это не получилось.

Между тем блестяще поставленная разведка положила Гитлеру на стол тщательно проверенные, стопроцентно достоверные данные о вполне реальной возможности осуществления «блицкрига» в третий раз — на дорогах Западной Украины и Белоруссии. Дело в том, что Сталин опрометчиво выдвинул всю свою ударную пятимиллионную армию к новой границе. В случае конфликта с Германией он надеялся быстро ворваться «на штыках» в Берлин. На эту тему была издана специальная пропагандистская (точнее, угрожающая) книжка. В это безоговорочно верили советские военные политработники высокого ранга — друзья моего отца.

Некоторые оставшиеся в живых военные специалисты предлагали отвести армию в укрепленные районы на «старой» границе, укрыть или замаскировать открытые аэродромы и танкодромы с тысячами самолетов и танков на них, заминировать дороги и мосты между «старой» и «новой» границей. В этом случае немцам потребовалось бы минимум несколько дней, чтобы дойти до укрепленных районов, — время, вполне достаточное, чтобы подготовиться к контрудару. Учтем, что численное превосходство в живой силе и технике (правда, в значительной степени устаревшей, но никто не мешал форсировать ее модернизацию) было на тот момент у СССР. И, кто знает, может быть, знаменитая Курская битва произошла

бы в июле не 1943, а 1941 года и не на Курской дуге а по «старой» границе западной линии Минск — Житомир. И война окончилась бы на два года раньше сдесятерю меньшими потерями.

Однако это мнение не было услышано. Сталина к этому времени, за редкими исключениями, окружали почти сплошь холоуи без разума и совести, скандально опозорившиеся вскоре в роли командующих фронтами и армиями. Они способны были только поддакивать «вождю». А сам Сталин не сомневался, что его «штыки» и «сабли», численно превосходящие врага, быстро разгромят его. Если же немцам все же удастся перейти в наступление, то, как и в Первой мировой войне, танки остановятся перед первой, второй, десятой линией окопов, не выходя за пределы Западной Украины и Белоруссии. И конец Германии все равно неизбежен, потому что теоретически военный потенциал СССР превосходил германский.

Опыт боевых действий в Польше и Франции ничему не научил Сталина. Он не понял, что немцы перешли к иной тактике, качественно отличавшейся от времен Первой мировой. Они не бросали в бой цепи пехоты, поддержанные танками, а пробивались крупными танковыми колоннами по дорогам далеко в тыл противника. На первый взгляд, это казалось сумасшествием. Что такое танк — и даже сотня танков — глубоко во вражеском тылу, когда кончится горючее? Легкая добыча умелого гранатометчика или отличная мишень для противотанкового орудия, только и всего. А отсеченную от танков пехоту негрудно загнать в окопы пулеметным огнем.

Но это — теория (точнее, практика 1918 года). А боевой опыт 1939–1941 годов показал, что даже десяток — не говоря уже о сотне — танков, появившихся в тылу обороняющихся, сразу вызывает панику, нарушает управление войсками, разрушает снабжение войск боеприпасами и продовольствием.

Что и произошло в считанные дни после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года. Уже в первые недели пятимиллионная ударная Красная армия была разгромлена — 1,1 миллиона человек погибли и 3,9 миллиона были взяты в плен. Казалось, все конечно. Немцам только оставалось занять к зиме Ленинград, Москву, Ростов и на следующий год добывать русских на Волге и за Волгой.

Кстати, сам Сталин в первые дни войны показал себя вопиюще позорно. Узнав, что германские танки стремительно врываются на восток, он на целых десять дней впал в проstration и практически бросил все на произвол судьбы. Положение спас один из самых гнусных его поделщиков — Берия. Именно он — угрожая расстрелом генералам или даже беспощадно расстреливая их — заставил стоять насмерть подходившие к фронту резервы. Именно он начал планомерную эвакуацию оборонных предприятий на Волгу и на Урал (пишущий эти строки лично был свидетелем того, как Берия телефонировал директору оборонного завода на Урале: «Не пустишь конвейер через неделю — расстреляю тебя и всех инженеров с женами и детьми»). Именно он в начале июля заставил трясущегося от страха Сталина подойти к микрофону — все слышали, как стучали его зубы о стакан с водой — и обратиться к народу страны хоть с какими-то словами воодушевления.

Однако вопиющую глупость продемонстрировал не только Сталин. Гитлеру очень хотелось до наступления зимы устроить победный парад на Красной площади в Москве, на Дворцовой площади в Ленинграде и так далее. Поэтому вместо того, чтобы окружить Ленинград финскими заслонами, Москву — венгерскими, румынскими, какими угодно еще войсками, а самому с главными силами еще до наступления холодов прорваться на Волгу и к Кавказу, чтобы отрезать Красную армию от бакинской нефти, он начал штур-

мовать Ленинград, Москву, Одессу, Севастополь. Он потерял зря массу времени и сил. В итоге не Гитлер покончил с СССР за два года, а СССР покончил с фашизмом в последующие три года.

Столь же вопиющую стратегическую глупость продемонстрировали японские милитаристы. Они ошибочно решили, что с «советами» покончено и что Сибирь теперь достанется им без единого выстрела. Вместо того чтобы сковать русских на Дальнем Востоке и сделать их положение стратегически безнадежным, японцы попытались устроить свой собственный «блицкриг» на Тихом океане. Здесь уместно лишь еще раз поклониться памяти Рихарда Зорге — немецкого коммуниста и советского разведчика в Токио (знал бы он, что все его коллеги в СССР зверски перебиты Сталиным!), который ценой собственной жизни успел передать в Москву важное сообщение: японцы нападут не на СССР, а на США. Поэтому если в октябре-ноябре Москву приходилось закрывать телами сотен тысяч почти поголовно погибших необученных и практически безоружных ополченцев (одна винтовка на троих), то в декабре под Москвой начали контрнаступление переброшенные из Сибири дивизии.

Вступление в войну Японии сплотило СССР с США, Британией и «сражающейся Францией». В СССР начались поставки военной техники, снаряжения и продовольствия, сыгравшие свою роль в судьбе войны.

Правда, летняя кампания 1942 года была для наших армий столь же неудачна, хотя и не столь катастрофична, как предвещая. Наше контрнаступление под Москвой выдохлось и перешло в позиционную войну, а немецкие танковые колонны прорвались к Волге и Кавказу. Но немцы повторили глупость кампании 1941 года: увязли в затянувшемся штурме Сталинграда, подставились под фланговые

удары, попали в окружение и потеряли целую группировку армий (январь 1943 года). Это было началом их конца.

В июле – августе 1943 года под Курском развернулось генеральное сражение, которое — как Бородино — должно было решить судьбу войны. С германской стороны в сражении участвовало около 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и самоходных орудий, свыше 2 тысяч самолетов. С нашей стороны — 1300 тысяч человек, около 20 тысяч орудий и минометов, около 3600 танков и самоходных орудий, свыше 2800 самолетов. Но дело было не только в численном превосходстве русских. Перед врагом стояла совершенно новая армия. Даже называлась она иначе: не Красная, а Советская. И одета была не как Красная, а как Белая: в мундиры и шинели с погонами дореволюционной русской армии. И лозунги были теперь не столько коммунистические, сколько националистические, более понятные солдатам. И вооружена она была не винтовками образца 1896/1930 года, а самыми современными танками, самолетами, автоматами. И возглавляли войска не опозорившиеся придворные холоду Сталина, а закаленные в боях сотни генералов, среди которых традиционно выделяются имена Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского.

По своему характеру сражение представляло затяжной встречный танковый бой колоссальных масштабов. После нескольких дней упорного единоборства германская танковая армада была разгромлена и почти целиком уничтожена.

Это было уже не началом, а «серединой» конца. Следующие почти два года советские войска неуклонно теснили противника, окружая и уничтожая его крупные группировки. 2 мая 1945 года они штурмом взяли Берлин. 8 мая была подписана безоговорочная капитуляция Германии. 9 мая была освобождена Пра-

га. Война в Европе завершилась полной победой СССР и его союзников — США, Великобритании, Франции.

После этого было бы грех не использовать столь мощную готовую военную машину еще раз. И советские дивизии были быстро переброшены на Дальний Восток. 9 августа 1945 года они атаковали Квантунскую японскую армию в Маньчжурии (1320 тысяч человек, так и простоявших всю войну без дела). Между СССР и Японией существовал пакт о ненападении, и поэтому японцы были уверены за свой тыл. Но для тоталитарных государств такие пустяки, как международные договоры, не существуют. Можно не сомневаться, что при соответствующих обстоятельствах Япония поступила бы точно так же. К 20 августа Квантунская армия была полностью разгромлена и капитулировала. А 2 сентября 1945 года капитулировала и сама Япония.

Вторая мировая война была закончена.

6

По договоренности между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем в советскую «сферу влияния» вошла Восточная Германия (с советским сектором в Берлине, где имелись еще и американский, английский и французский секторы), Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Болгария и Румыния, а также Северная Корея и Северный Вьетнам (обе страны были разделены пополам). Все остальное — «сфера влияния» союзников.

Но как удержаться от соблазна использовать готовую военную машину еще раз? И Сталин уже с конца 1945 — начала 1946 года начал широкую экспансию на южных границах своей «сферы влияния».

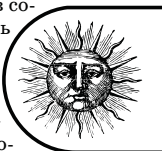
Первой попала под его удар королевская Греция. У греков были нелады с королем, и позднее они его свергли. Но Сталин успел воспользоваться сумятицей в Афинах. Из многомиллионной Советской армии

было нетрудно набрать несколько десятков тысяч солдат и офицеров греческой (или якобы греческой) национальности. Получилась греческая Красная армия, которая захватила Северную Грецию и начала наступление на Афины. Тут спохватились США и Британия, послали в Грецию свои войска. Наступила затяжная позиционная война. Она окончилась только в 1948 году, когда Сталин поссорился с югославским диктатором Тито, не пожелавшим стать, как многие, простым сталинским холуем. Сталин попытался свергнуть его, но потерпел неудачу. В результате греческая Красная армия оказалась в тисках между англо-американскими и столь же враждебными ей титовскими войсками. Ее пришлось эвакуировать за Каспий.

В те же времена в Москве обнаружили, что в советском Азербайджане проживает лишь часть азербайджанского народа. Большая его часть заселяет северо-западные провинции Ирана, которые называются Западным и Восточным Азербайджаном. Сразу же возникла идея «воссоединения» Азербайджана, и в иранских провинциях появились вооруженные отряды, начавшие силой воплощать эту идею в жизнь. Вновь потребовались усилия Британии и США, чтобы умирить аппетиты Москвы.

Наконец, Москва официально заявила о претензиях на черноморские проливы и о готовности подкрепить эти претензии вооруженной силой. Снова потребовалось вмешательство Британии и США, заявивших о готовности отстаивать статус-кво проливов (тоже военными средствами).

Результат такой экспансии не заставил себя ждать. 5 марта 1946 года в американском городке Фултон в присутствии американского президента выступил экс-премьер Англии Черчилль, который призвал к созданию коалиции против СССР (будущее НАТО). Факти-

чески это было объявление Третьей мировой войны, вошедшей в историю под названием «холодной» (ее называют также «горячей вооружений СССР — США»). Таким образом, у этой войны — долгая история. Многие думали, что она закончилась в 1991 году развалом СССР. Но за последние годы обнаружилось, что она продолжается — разумеется, теперь только со стороны США и в совершенно иных формах, о чем будет сказано ниже.

При жизни Сталина произошло еще три «сражения» в этой войне.

Первое — наземная блокада англо-франко-американского сектора Берлина, отрезанного от Западной Германии советской зоной оккупации. Расчет был на то, что миллионное население Западного Берлина начнет голодать и Запад вынужден будет сдать здесь свои позиции. Но Запад создал «воздушный мост» из десятков транспортных самолетов, которые непрерывными рейсами обеспечили западных берлинцев всем необходимым. Сталин не решился перевести блокаду в военные действия и позднее снял ее. Конечным итогом этой авантюры стало разделение в следующем году Германии на Западную (Федеративную) и Восточную (Демократическую). И разумеется, создана антисоветской — ныне антироссийской — коалиции НАТО.

Второе «сражение» — 1 октября 1949 года была провозглашена Китайская Народная Республика (фактически — еще одна социалистическая держава под руководством компартии и под личной диктатурой Мао Цзэдуна). Отрядам китайской Красной армии, которые еще с 1920-х годов вели партизанскую войну против правительственных войск, было передано вооружение капитулировавшей Свантунской армии. Эти отряды под руководством советских военных инструкторов были переформированы в мощную армию, которая стремительным наступлением из

Маньчжурии на юг быстро захватила весь континентальный Китай, включая Тибет. И начала обстреливать остров Тайвань, где успели окопаться, как в свое время в Крыму, китайские «белые».

Третье «сражение» — попытка в 1950 году с налета захватить Южную Корею, откуда опрометчиво были выведены американские войска. Северокорейские дивизии (инструктируемые советскими военными специалистами) быстро разгромили слабые южнокорейские войска и заняли почти весь полуостров. Но англо-американские империалисты (советская экспансия империализмом у нас не считалась) высадили десант в тылу наступающих и, в свою очередь, разгромили их. Тогда на помощь Северу пришли дивизии китайских «добровольцев». Началась долгая позиционная война, которая уже после смерти Сталина закончилась перемирием и разграничением Северной и Южной Кореи по 38-й параллели. Это разграничение действует до сих пор.

7

Когда закончилась Вторая мировая война, в Москве и других крупных городах СССР некоторое время еще оставалась своего рода эйфория, «дух братания» с союзниками, в моде были западные музыка, песни, фильмы, печатались переводы западных авторов. Словом, царил недопустимый, с точки зрения большевистско-талибской идеологии, «гнилой либерализм». Все это резко контрастировало с массовым голодом 1946 и 1947 годов, с тринадцатью миллионами заключенных и километровыми очередями несущих им передачи, с рабским трудом на селе (две трети населения страны!), с ужасающей нищетой основной массы населения.

Никакой тоталитаризм не может нормально функционировать в подобной обстановке. Для «дыхания» ему обязательно необходимы либо внешняя война

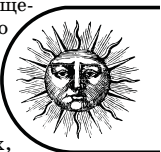

(и мы видели, что она почти непрерывно шла на всем протяжении 1945–1953 годов), либо экономические абсолютно бессмысленные «великие проекты» типа египетских пирамид (Беломорканал, канал Москва — Волга, Байкало-Амурская магистраль и тому подобное), либо внутренний террор. Но возможности физического террора были практически исчерпаны: нельзя же загнать в лагеря все население страны! Оставался террор идеологический. Он и начался в том же 1946 году.

Именно в этом году появилось пресловутое Постановление ЦК компартии о журналах «Звезда» и «Ленинград». В Постановлении огульно охаивалось творчество блестящего советского сатирика М. М. Зощенко и поэтессы — яркой звезды Серебряного века Анны Ахматовой. Но это был лишь предлог. Фактически устанавливался режим травли всего «инакомыслящего» и открывалась дорога казенному воспеванию прелестей «казарменного социализма».

К этому времени окончательно оформились «творческие союзы» писателей, художников, композиторов и так далее. Артисты, по усмотрению начальства, стали делиться на народных, заслуженных и прочих — обладатели этих званий до сих пор очень гордятся ими. Всем, кто пролез в руководство «творческих союзов», гарантировались массовые тиражи книг (нереализованное шло под нож и снова печаталось массовым тиражом, с соответствующим гонораром), гарантировались выставки, концерты и прочее. Им, как академикам, давались квартиры, дачи, машины, «спецпайки» и так далее. Впрочем, лучше М. А. Булгакова в первых главах его «Мастера и Маргариты» обо всей этой подлости все равно не скажешь. И разумеется, все это не могло не сказываться на уровне искусства, вообще культуры.

Высоты Серебряного века остались далеко позади и стали так же недостижимы, как прежде высоты золотого века. Новый «век» (назовем его в том же по-

нятийном ряду «бронзовым»: 1920–1970-е годы) открылся именами В. В. Маяковского, М. А. Шолохова, А. Т. Твардовского, а завершился не менее блестящими именами Б. Ш. Окуджавы и В. С. Высоцкого. В этот период работали также несколько десятков талантливых деятелей искусства, как правило, с трагической судьбой (и чем талантливее — тем трагичнее). И все это на фоне десятков тысяч «членов Союза художников», десяти тысяч «официальных» писателей (в том числе двух тысяч поэтов), на фоне убогого графоманства, очевидной бездарности, злобных склок «пауков в банке» и всего прочего, присущего «оказениванию» искусства.

Отдельно нужно сказать о трех трагических судьбах безусловно талантливых деятелей искусства.

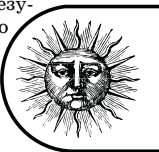
Первый из них — Маяковский. Ведь он покончил с собой не только потому, что его «любовная лодка разбилась о быт». В 1930 году он не мог не понимать, к какому «штыку» он приравнял свое «перо». А если и не понимал до тех пор, то фактический бойкот его выставки в этом году должен был на многое раскрывать ему глаза.

Второй — Максим Горький. Безусловно, талантливая «звезда» Серебряного века. Но — второй или даже третьей величины. Личное знакомство с Лениным и позднее со Сталиным внезапно сделало его «первым пролетарским писателем», первым авторитетом в Союзе писателей. Он совершил трагическую ошибку, вернувшись в СССР на роль «патриарха советской литературы», и слишком поздно понял, какую страшную цену ему пришлось заплатить за дворец в Москве и показной почет в президентумах.

Его вместе с целой группой писателей возили на Беломорканал, показывали (с парадной стороны) труд заключенных. И он одобрительно отзывался о «перевовке» преступников (как правило, невинных жертв режима) в законопослушных граждан. Впрочем, разве он один попался на пропагандистскую уловку

Сталина? Не менее десятка не самых глупых умов Запада после пышного приема в Москве и Ленинграде тоже воспевали на родине прелести сталинского «социализма». Наказание за этот грех Горькому выпало двойное. Во-первых, в музее Соловков (через которые, повторяем, прошел миллион заключенных) рядом с экспонатами, рассказывающими об ужасах «Архипелага Гулаг», красуется фото лукаво улыбающегося Горького. Его теперь вечно будут с удивлением и презрением видеть нескончаемые потоки туристов. Во-вторых, имя Горького (по той же причине горького стыда за него) стерто с названия его родного города, главной улицы Москвы, станции Московского метрополитена. И, надо надеяться, со временем будет стерто вообще с географической карты России.

Третий — Алексей Николаевич Толстой. Безусловный литературный талант, перу которого принадлежит и постыдно-льстивый «Хлеб», поднесенный Сталину. И он же, вместе с Хрущевым, следующим «хозяином» многострадальной России, не раз играл роль презренного шута на ночных сталинских пирах.

Следующим этапом идеологического террора являлась пресловутая «борьба с космополитизмом» 1949–1952 годов. Объективно она носила антисемитский характер, поскольку большинство «безродных космополитов» оказались евреями. Но начавшийся идеологический террор сразу создал такую обстановку, что, за редкими исключениями, почти каждый деятель искусства вынужден был говорить и писать все, что бы от него ни потребовали (лишь бы не оказаться в лагере). Так что теперь уже меньше всего требовался сам террор: он свое черное дело сделал. И если террор становился почти самоцелью — причины приходится искать в особенностях тоталитаризма и в психических особенностях самого диктатора.

Не секрет, что Сталин был признан психопатом еще в 1927 году. И не секрет, что специалист, поставивший этот диагноз (профессор В. М. Бехтерев), полагался за это жизнью. Но даже без диагноза специалиста ясно, что не мог человек с нормальной психикой вести себя так, как вел себя Сталин в 1930–1940-е годы. А в последние годы жизни на психопатию, видимо, стали накладываться неприятные возрастные особенности. Во всяком случае, с точки зрения здравого смысла никак нельзя понять ни гонений на «безродных космополитов», ни вдруг обнаружившегося в начале 1950-х годов «заговора врачей», ни смешного положения, в которое попал генсек, забравшись в чуждые ему дебри языкознания, ни резкого обострения подозрительности в отношении по-собачьи преданных ему приближенных.

Неустойчивая психика, как у Ивана Грозного, заставляла Сталина в последние годы жизни прибегать к совсем необъяснимым казням. Такой, например, была в 1950 году казнь стопроцентно лояльного председателя Госплана Н. А. Вознесенского. А в 1951–1953 годах появились основания беспокоиться за свою жизнь у Ворошилова, Молотова и даже у все сильного Берии. Поэтому не лишены основания версий о том, что Берия в марте 1953 года если не инициировал insult Сталина, то во всяком случае сделал все возможное, чтобы этот insult закончился смертью диктатора.

8

После того как в 1934–1938 годах Сталин истребил почти всех фанатиков «мировой революции», у подножья его престола, как и во всяком тоталитарном государстве, могли оставаться только подлые, низкие угодники. Люди, говоря словами поэта, «без ума, без чувств, без чести». Не хочется перечислять фамилии этих людей, их деяния равнозначны преступлениям «авторитетов» уголовного мира. Эти подонки были

сильны не характером, а занимаемой ими должностью. В этом отношении наибольшие возможности для подлости открывала должность шефа всеильного КГБ.

Ее занимал уже упоминавшийся Л. П. Берия, который, как мы уже говорили, отличался редкой энергичностью (еще раз напомним первые дни войны) и мерзким развратом. Он прославился тем, что из окна своей машины высматривал на улицах Москвы хороших женщин, девушек и даже девочек-школьниц. Его охранники затаскивали жертву в машину или доставляли прямо в кабинет шефа, где он наслаждался ужасом изнасилованной жертвы. Подобно Троцкому после смерти Ленина, он рассматривался в правящих кругах как наиболее вероятный преемник Сталина. И сам, видимо, считал себя таковым.

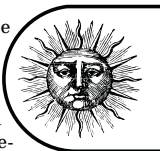
Однако кроме главы КГБ существовали еще две должности, носители которых могли претендовать на роль главы государства.

Первая из них — секретарь компартии, следующий по партийной иерархии сразу за Сталиным. Эту должность занимал крайне невежественный, как и многие тогдашние секретари, министры и генералы, но по-крестьянски сметливый и хитрый Н. С. Хрущев. Однако к нему как к придворному сталинскому шуту ближайшее окружение Сталина относилось с презрением.

Вторая должность — первый зампредсовмина (предсовмином являлся Сталин) Г. М. Маленков, в общем-то ничего собой не представлявший, но сильными связями с ближайшим сталинским окружением, которое в равной мере ненавидело и Берия, и Хрущева.

Теоретически существовали еще две ключевые должности, занимая которые можно было претендовать на роль главы государства.

Одна из них — председатель президиума Верховного Совета СССР (формальный глава государства). Эту

должность тогда только что занял маршал К. Е. Ворошилов, один из самых подлых угодников Сталина, опозорившийся как военный профессионал в Великой Отечественной войне. Однако по своему характеру он был способен лишь приспособиться к любому одержавшему верх. Поэтому он не участвовал в последовавшей борьбе за власть и «председательствовал» аж до 1960 года, когда за дряхлостью лет (ему было под восемьдесят) был послан на дачу.

Другая должность — министр обороны, который контролировал вооруженные силы страны. Фактически главную роль в этом министерстве играл тогда первый замминистра, самый прославленный военачальник Великой Отечественной маршал Г. К. Жуков. Но он был далек от аппаратных интриг. Поэтому его использовали — как позже окружение Ельцина использовало популярного генерала Лебеда — наградили на время постом министра (и даже — в нарушение всех установленных порядков — четвертой «Золотой Звездой» Героя Советского Союза), а потом вскоре отправили в отставку, как популярного в народе конкурента.

В этой обстановке Берия немедленно начал готовить арест своих наиболее опасных соперников. Для придания себе большей популярности он объявил амнистию уголовникам, и летом 1953 года страна испытала на себе террор сотен тысяч выпущенных из лагерей паханов и шестерок криминального мира. Кстаги сказать, миллионы ни в чем не виновных «политзаключенных» еще долго оставались в лагерях.

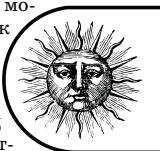
Здесь уместно сказать о нескольких гнусных пережитках средневековой России, частично сохраняющихся до сих пор.

Во времена Средневековья любой монарх имел право казнить или миловать, независимо от приговора суда. Ему принадлежало также право амнистии. Вообще-то, помилование и амнистия — это вопиющий

пережиток Средневековья, наглое посягательство на суверенность судебной власти, в демократических государствах равнопорядковой и исполнительной и законодательной. Поэтому в современных цивилизованных странах немыслимо, чтобы король, президент, премьер или парламент вдруг помиловал преступника, осужденного судом. И только в нецивилизованных государствах типа богоданной России такое надругательство над судебной властью вполне возможно.

Кстати, нельзя не сказать и еще об одном пережитке Средневековья — правда, теперь сохранившемся у нас в гораздо более мягкой форме. Во времена кевой давности полицейский с алебардой был бессилен против солдата и тем более офицера со шпагой (вспомним, как у Л. Толстого петербургская «золотая молодежь» резвилась, привязав кварталного к спине ручного медведя и столкнув обоих в речку). Поэтому существовала военная полиция, назначение которой — расправляться с разгулявшейся солдатней. Всего несколько лет назад мы могли видеть на улицах наших городов «парули»: офицера с двумя вооруженными солдатами, которые, как диких зверей, отлавливали припозднившихся из «увольнительной» солдат. Эта дикость возложена сейчас на милицию и реализуется менее скандально. Зато в полной мере остался безнаказанным пьяный разгул солдатни (или бывшей солдатни) по определенным праздничным дням, что составляет государственный позор России.

К несчастью для себя, Берия чуть промедлил с арестом соперников. И они опередили его. Один из генералов Жукова по частям пронес в Кремль детали пистолета, собрал его и с оружием в руках арестовал кандидата в диктаторы. Одновременно танки Жукова окружили здание КГБ на Лубянке и принудили чекистов к сдаче.

Затем Берия и несколько его приспешников были пристрелены, как бешеные собаки. По рассказам очевидцев, наглый насильник и всеильный палач ползал на коленях, в слезах и соплях, вымаливая себе жизнь. Впрочем, все его соперники (кроме, конечно, Жукова) на его месте наверняка поступили бы точно так же.

Расправившись с общим врагом, претенденты на власть тут же перегрызлись между собой. С одной стороны, во главе ближайшего окружения Сталина (кроме благоразумно оставшегося нейтральным Ворошилова) выступил Маленков. С другой — опиравшийся на партаппарат Хрущев. Ожесточенная борьба длилась более года. Наконец, как и в 1920-е, возобладал партаппарат. Очередным «хозяйном» государства стал Хрущев. Он не стал, подобно Сталину, умерщвлять своих соперников, а просто сослал их на дачи в качестве пенсионеров. И за это через десять лет заслужил себе такую же участь.

9

Оказавшись у власти, Хрущев (1953–1964) понимал, что ему, с его низким престижем, не удержать ее в борьбе с более влиятельными сталинскими сановниками без каких-то радикальных мероприятий. И таких мероприятий он провел целых три — два сразу же, в начале 1956 года, и одно спустя несколько лет — в начале 1960-х.

Первым мероприятием был XX съезд компартии в феврале 1956 года. На нем Хрущев выступил с сенсационным докладом, чуть-чуть приоткрыв завесу злодеяний Сталина, осудив «культ его личности» и приказав снести памятники Сталину на всей территории СССР. Это было подобно разорвавшейся бомбе: ведь страх перед террором сковал разум почти всех жителей страны, и хотя многие догадывались о миллионных масштабах жертв террора, просто старались не

думать об этом, как домашние животные не думают о предстоящем «забое».

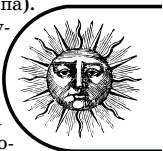
Впечатление в стране и мире от доклада было колоссальное. Как и в 1921 году, при введении НЭПа, многие члены компартии покончили с собой в отчаянии оттого, что их жизнь пошла прахом. Многие спились. С другой стороны, сразу же начала подниматься волна сторонников «либерализации» политического режима. Она приняла особо крупные масштабы в 1960-е годы, когда развернулось утопическое движение за «социализм с человеческим лицом» (утопическое потому, что тоталитаризма «с человеческим лицом» в природе не бывает по определению). Участников этого движения — по аналогии с антикредиторами XIX века — назвали «шестидесятниками» (автор тоже относился к утопистам названного типа).

«Шестидесятники» сыграли важную роль в духовной жизни советского общества 60–80-х годов и идеологически подготовили падение советского режима.

Необходимо уточнить, что речь Хрущева являлась просто приемом борьбы против его соперников. Поэтому с самого же начала он стал свирепо подавлять движение «шестидесятников» всеми доступными ему средствами. И для этого у него были важные основания не только в стране, но и за рубежом.

Внутри страны начались радикальные преобразования (и это было вторым мероприятием Хрущева — см. ниже), и диктатору было ни к чему осложнять их либеральными волнениями. За рубежом сразу же после смерти Сталина восстали рабочие Восточной Германии, и их пришлось усмирять танками. А в 1956 году, на волне разоблачений XX съезда, восстала Венгрия. И ее удалось усмирить только танками.

Между тем началась реализация второго мероприятия Хрущева: вторичное раскрепощение русского

крестьянства и развязывание инициативы рабочих для повышения производительности их труда.

Крестьянам разрешили давать паспорта, и миллионы семей устремились из деревни, где платили «трудоднями» и надо было самому обихаживать жилье, — в город, где была хоть маленькая, но зарплата плюс готовое даровое жилье. Поначалу этот поток сдерживался ограниченными масштабами городского жилья. Но когда были изобретены знаменитые «хрущобы» — дешевые панельные пятиэтажки, не требовавшие ни лифтов, ни фундамента повышенной прочности, но позволившие зашпихнуть в каждую комнату каждой квартиры многодетную семью — наступил полный переворот. Если в начале 1950-х годов в деревне проживало подавляющее большинство (две трети) населения СССР, то к началу 1960-х годов две трети населения оказались в городе, и все больше сельчан стало переходить к городскому образу жизни, ориентируясь на казенное жилье и магазины.

Сегодня мы знаем (правда, далеко еще не все), что переход от сельского к городскому образу жизни — первый шаг к коллективному самоубийству человечества (см. следующую главу). Но тогда это воспринималось с большим энтузиазмом, как переход от рабского колхозного труда к «чистому» городскому.

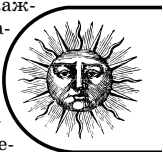
Хрущев не ограничился вторичным раскрепощением крестьянства. Он пытался развязать инициативу рабочих на предприятиях и самих предприятий. Правда, ничего не меняя в «реализованной утопии казарменного социализма», а изыскивая для этого самые разнообразные способы — от инновационных (освоение целины в Северном Казахстане, увеличение посевных площадей под кукурузой, плохо приживающейся в средней полосе России) до организационных (замена отраслевых министерств местными совнархозами, разделение парторганизаций на промышленные и сельскохозяйственные и тому подобное). Поэтому,

на наш взгляд, с известными натяжками допустимо говорить о «перестройке № 2» — второй после НЭПа в 1956–1964 годах, имевшей те же нулевые результаты.

Нагнетаемый «сверху» энтузиазм был подогрет сообщением, что у Советского Союза имеется не только атомная бомба (появившаяся почти сразу же вслед за американской, дважды опробованной в 1945 году в войне с Японией), но и гораздо более мощная водородная бомба. Это ставило СССР в военном отношении на одну доску с США (которые тоже уже обзавелись водородной бомбой). В 1957 году мир потрясла очередная сенсация: «Советы» запустили первый искусственный спутник Земли. Это было воспринято совершенно так же, как сегодняшние сообщения о намерениях создать ядерное оружие в Иране, что грозит Израилу уничтожением. С этого момента практически каждый крупный город Западной Европы и США находился под прицелом советской атомной или водородной бомбы. А открыто хулиганские выходки Хрущева — например, стучание снятым ботинком по трибуне, как знак протеста, на сессии ООН — не оставляли сомнения, что такой человек способен на самый непоправимый шаг.

Надо признать, что США реагировали на эту угрозу достаточно энергично. Там разработали долгосрочный план достижения превосходства в космосе (а это то же самое, что превосходство в воздухе во время Второй мировой войны). И уже в 1969 году на Луне высадился американский космонавт, тогда как СССР вынужден был ограничиться луноходом. Это означало, что американское превосходство в космосе достигнуто. И это означало, что Третья мировая война Советским Союзом проиграна, что его капитуляция теперь — лишь вопрос времени.

Но до капитуляции оставалось еще двадцать лет, потому что в руках СССР оказалась важная «козырная карта», которую тут же поспешили разыграть.

Такой «картой» стала революция 1959 года на Кубе. Насквозь коррумпированный режим проамериканского диктатора Батисты был насильственно заменен тоталитарным режимом Фиделя Кастро. Но новому режиму трудно было устоять перед давлением США, перешедшим к военным диверсиям. Поэтому Фидель «обратился в лоно» марксизма-ленинизма, и Куба стала таким же сателлитом СССР, как и «страны народной демократии» Восточной Европы. А Кремль воспользовался такой ситуацией и задумал разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. С таким «пистолетом у виска» США были обречены на капитуляцию при всех своих «бомбах». Поэтому американцы решили дать генеральное сражение русским и потопить советские суда с ракетами при переходе их через Атлантику. Таким образом, в 1962 году Третья мировая война из «холодной» едва не стала «горячей». К счастью, в последний момент разум возоблада, и советские суда повернули обратно.

Еще до этого, в 1961 году, Западный Берлин огородили стеной, чтобы предотвратить бегство на запад восточногерманских специалистов, сманиваемых западными спецслужбами.

К этому времени Хрущев поразил мир третьим, и последним, своим мероприятием. Он объявил о подготовке новой Программы компартии, где указывалось, что в 1980 году в СССР должен быть построен «полный коммунизм», причем перечислялись конкретные параметры этого качественно нового состояния страны. Начался еще один массовый ажиотаж по поводу ускорения «достижения коммунизма». Хотя специалистам уже в начале 1960-х было ясно, что это — всего лишь грубый, ни на чем реальном не основанный блеф.

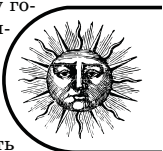
Но не эти авантюры Хрущева привели в 1964 году его приближенных к заговору против него. Подобно Павлу I, «хозяин» возомнил себя «выше всех», на-

чал третировать свое ближайшее окружение, увлекся «перестановкой кадров» и создал личную угрозу первым лицам государства. Поэтому партсекретаря постигла судьба императора. Только его не убили, а сослали пенсионером на дачу — как и он в свое время поступил со своими соперниками. Следующим генсеком стал Л. И. Брежнев (1964–1982).

10

Брежнев был заурядным партийным работником, выбившимся в секретари обкома. Как и все секретари обкомов, оказавшиеся в роли «хозяина» страны до и после него (Хрущев, Горбачев, Ельцин), он был абсолютно неспособен управлять государством. Как и Сталина в 1922 году, его избрали генсеком только потому, что он являл собой компромисс между гораздо более авторитетными фигурами — такими, например, как Косыгин или Устинов. Об интеллектуальном уровне Брежнева можно судить по его главному хобби: коллекционированию десятков орденов на собственной груди. Поэтому он быстро стал героем анекдотов (то есть посмешищем), как раньше Хрущев за свои «чужачества». Правда, в данном случае хобби Брежнева сыграло определенную роль в эволюции России от дикости к цивилизации. После него ордена (и даже орденские колодки) стали носить только самые дряхлые пенсионеры, да и то не все.

Правда, Брежневу, как раньше некоторым похжим на него чисто декоративным монархам, очень повезло: предсовмином был назначен выдающийся хозяйственник А. Н. Косыгин, который попытался провести радикальную экономическую реформу, вполне подпадающую под название «третьей перестройки» (1966–1971). В основе реформы лежал принцип хозрасчета (затраты должны приносить прибыль) и более основательная опора экономичес-

ких планов на прогнозы. Задачей по-прежнему было развязать инициативу на местах и существенно повысить экономическую эффективность производства. Неожиданно реформа придала «второе дыхание» «шестидесятничеству». Начались атаки на догматиков-истматчиков. На смену догмам «марксистско-ленинской политической экономии», «диалектического и исторического материализма», «научного коммунизма» пришли конкретные экономические, социологические и прогностические исследования. Казалось, социализм действительно обретает «человеческое лицо».

Весной 1968 года произошло восстание в Праге: третья по счету после берлинского (1953) и будапештского (1956). Его тоже пришлось подавлять танками. В СССР начались выступления диссидентов против этой интервенции. Правящая верхушка испугалась и дала команду «фас» догматикам-истматчикам, которые давно готовились к реваншу. В 1970–1971 годах состоялся тотальный погром советского общественного движения. Формально Косыгин остался предсовмином до самой своей смерти в 1980 году. Но с 1972 года все реформы были свернуты, и страна стала погружаться в гибельную для нее трясину «застоя». Полки магазинов в стране стремительно пустели. Позором стали «колбасные поезда». Люди со всей страны ехали в Москву, чтобы там, отстояв многочасовую очередь, купить несколько килограммов колбасы для семьи. Иной возможности в смысле мясопродуктов не было.

В тот же 1972 год случилась еще одна неприятность: со всей очевидностью обнаружилось, что СССР окончательно проиграл гонку вооружений с США. Америке эта гонка обходилась в шестнадцать центов с каждого доллара национального дохода, что воспринималось как тяжелое бремя, а в СССР этот показатель постепенно дошел до 88 копеек с рубля, что обрекало страну на беспросветную нищету и полную

бесперспективность. Тем более что расходы на вооружения росли как на дрожжах и к 1980-м годам стали удваиваться каждые пять лет. Ясно, что СССР не мог выдержать такого напряжения, и вопрос заключался лишь в том, чтобы свернуть гонку вооружений на более приемлемых для Советского Союза условиях. Вот почему в 1972 году Брежнев поехал на Дальний Восток для встречи с американским президентом Фордом, чтобы договориться о приостановке гонки вооружений. Но американцы требовали предварительной приостановки советской экспансии в мире: «мировая социалистическая система» охватила к тому времени едва ли не половину Азии и Африки, вторглась в Центральную и Южную Америку. Только что американцы были разгромлены в Южном Вьетнаме, и тот был присоединен к Северному.

Правда, «мировая социалистическая система» начала расползаться по швам. Сначала поссорились Хрущев и Мао. Причина была примитивная: низкая этическая культура (проще говоря, хамство) того и другого. Но дело быстро дошло до конфронтации, до искусственно нагнетаемой антисоветской истерии в КНР, до вооруженных конфликтов на границе, поставивших обе стороны на грань войны. Албания, целиком модернизированная советскими специалистами, переметнулась на сторону КНР: так ей удобнее было противостоять Югославии в условиях, когда Хрущев предпринял шаги к примирению с Тито. Наконец, объединившийся Вьетнам вторгся в Лаос и Камбоджу, где тоталитаризм принял особо патологические формы (в Камбодже диктатор-психопат истребил более трети населения страны), а КНР сочла это вмешательством в «свою» сферу влияния и вторглась во Вьетнам, но потерпела поражение. И это не говоря уже о кровавой усобице множества разных национальных «социализмов» в Азии и Африке.

Тем не менее казалось — еще немного, и «проклятые империалисты» останутся только в Северной Америке и кое-где в Западной Европе (во Франции и Италии процент голосующих за коммунистов стал приближаться чуть ли не к трети). Как отказаться от экспансии, когда до победы «мировой революции», что называется, рукой подать? Так эти переговоры и закончились ничем.

Со второй половины 1970-х годов преждевременный старческий маразм Брежнева сделал его вообще чисто номинальной фигурой на политической арене. Правящие круги видели, что продолжение «застоя» ведет к неминуемой катастрофе, и сделали два судорожных усилия, чтобы вырваться из трасины.

Первое выразилось в подготовке к 1978 году нового пакета реформ, очень похожих на косыгинские (они могли стать четвертой перестройкой). Но этот пакет так и остался на бумаге, потому что Брежнев, по рассказам, при всем своем маразме наложил на него довольно мудрую — если судить по последующим событиям — резолюцию: «Дайте умереть спокойно».

Второе усилие верхов — интервенция в Афганистане (1978). Цель — сделать эту страну плацдармом для развертывания экспансии в Южной Азии. Но советские войска попали в капкан горной партизанской войны (спустя полтора десятка лет та же история повторилась в Чечне) и с трудом выбрались из него лишь к концу 1980-х.

В 1982 году умершего Брежнева сменил на посту генсека самый деятельный из членов Политбюро компартии — шеф КГБ Ю. В. Андропов (1982–1984). Остальные члены Политбюро к этому времени были либо бездеятельными старцами, либо не могли рассчитывать на поддержку большинства. Андропов понимал, что страна идет к гибели, и решил на очередную перестройку (пятую по счету). Но он не был ни экономистом, ни социологом и не знал, с чего начать.

Начал с укрепления производственной дисциплины, причем действовал привычными административными методами: в рабочее время на улицах, в магазинах и кинотеатрах крупных городов стали отлавливать бездельников. Разумеется, это не могло дать никакого эффекта. Возможно, что он принял бы более эффективные меры, но к этому времени был смертельно болен и вскоре умер.

Смерть давно обреченного генсека повергла членов Политбюро в замешательство. Их способности и авторитет были одинаково низки, поэтому пришлось снова искать компромисс. Такой компромиссной фигурой стал К. У. Черненко (1984–1985), по сути один из технических помощников Брежнева. У Черненко был крупный недостаток, выглядевший как раз достоинством в глазах членов Политбюро: он, как и Андропов, был смертельно болен и через несколько месяцев умер, освободив вакансию для следующего.

Такой «парад мертвецов» (три умерших генсека за три года!) сделал СССР посмешищем в глазах мира. Поэтому решено было остановиться на самом молодом и самом энергичном. Выбор пал на очередного секретаря обкома — М. С. Горбачева (1985–1991). Горбачев действительно начал очень бурную, шестую по счету, перестройку (применительно к ней впервые и появилось название — «перестройка»). Он провел целых пять радикальных мероприятий, каждое из которых призвано было вытащить СССР из трясины «застоя», но все они кончились провалами, а шестое — покончило и с СССР, и с самим Горбачевым как политической фигурой. Все мероприятия шли под лозунгами «гласность» и «перестройка». И все оборачивались катастрофами.

Первым делом Горбачев попытался сделать то, чего не сумел сделать Брежнев: приостановить катастрофически гибельную теперь для СССР гонку вооружений с

США. Но ему сказали: «Приостанавливайте, а мы посмотрим. Если не обманете, последуем вашему примеру». Весь мир видел сердито растерянное лицо Горбачева на телеэкранах. Это было похуже ляганья зубов Сталина о стакан с водой в начале июля 1941 года. На протяжении последующих лет Горбачев не раз пытался возобновить диалог с руководителями Великобритании и США о приостановке гонки вооружений, но его ловко обвели вокруг пальца и серией хорошо проведенных провокаций подвели к краху.

Вторым делом было пресловутое «ускорение научно-технического прогресса». Известно, что на Западе машинный парк (включая автомашины) обновляется каждые три года, а сегодня во многих областях — даже чаще. Старье сбрасывается в отсталые страны, в том числе в Россию. Горбачев поставил задачей проводить такое обновление хотя бы каждые шесть лет. Но для этого не было никаких экономических возможностей. Так этот лозунг и повис в воздухе.

Третьим делом Горбачева был поход на «нетрудовые доходы». Автору сих строк как социологу в составе большой группы специалистов было поручено собрать и изучить материалы по этой проблеме. Итоги работы были кошмарны. Оказалось, что коррупция стала тотальной на уровне райкомов и обкомов, проникла даже в ЦК (через членов семей чиновников и сановников). Последовал приказ свернуть эту работу. Борьба с «нетрудовыми доходами» ограничилась погромом грядок пенсионеров в нескольких районах страны. А ведь был выявлен зародыш того разгула «теневого экономики», который охватил многострадальную Россию в 1990-е годы.

Четвертым делом генсека была попытка пресечь в стране катастрофически растущее пьянство введением «сухого закона» (резким ограничением мест и времени продажи спиртного). Еще за несколько лет до этого автор сих строк — тоже как социолог участвовал

в работе большой группы специалистов, досконально изучивших эту проблему и подготовивших доклад в Сводный отдел Госплана СССР. На основе опыта истории специалисты установили: все попытки введения «сухого закона» (в России, США, Финляндии) терпели неизменный крах; в мире существует несколько тысячелетних «алкогольных цивилизаций» с вековыми «питейными традициями», ломать которые разовыми мероприятиями невозможно, потому что нормальный алкогольный рынок немедленно сменяется «черным» (в России — массовым самогонарением). Поэтому в докладе предлагалась долговременная стратегия постепенного «вытеснения» алкоголя системой экономических, культурных, организационно-политических и других мер. Но специалистов не послушали, хотя их доклад выглядел достаточно убедительно. Решили одолеть пьянство «наскоком». И действительно получили огромный «черный рынок» алкоголя, который заставил правительство капитулировать. Другой результат кампании по борьбе с пьянством — огромный финансовый ущерб.

Наконец, пятым делом Горбачева стала пресловутая индивидуально-трудова деятельность (ИТД), разрешение создавать кооперативы или мелкие частные предприятия, а главное — получать кредиты под них. Дело обещало быть выигранным. К тому времени накопилось множество фактов такого рода: стоит райкомам или обкомам в порядке исключения позволить директорам предприятий проявлять инициативу, и производительность труда сразу возрастает в несколько раз. Решили сделать эти исключения правилом.

Забыли о том, что на каждого добросовестного директора найдется десяток проходимцев, думающих лишь о том, чтобы нахапать побольше денег на личное обогащение (это особенно ярко проявилось в

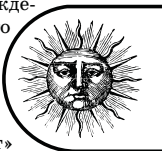
1990-е годы, когда множество директоров назначали сами себе миллионные оклады, оставляя рабочих без зарплаты месяцами и даже годами). Забыли и о том, что экономика «казарменного социализма» в СССР на две трети держалась на «безналичке» (финансовые перекачки между предприятиями). Всякая попытка частника залезть в эту сферу каралась тюрьмой с конфискацией имущества, и из четырех миллионов заключенных в ту пору три миллиона сидели именно за «экономические преступления» такого рода. Меньше десятой доли финансов приходилось на «инвалюту» для торговли с зарубежными странами. И более четверти — составляли «дензнаки» для зарплаты и пособий населению в размере 125 рублей в месяц плюс-минус пятьдесят рублей для подавляющего большинства. Именно на такую сумму в стране имелся объем продовольственных и промышленных товаров «широкого потребления».

Постановление об ИТД, по сути, открыло мошенникам лазейку в «безналичку». И за несколько месяцев оттуда были разворованы («обналичены») десятки миллиардов рублей. Экономические балансы были нарушены, и экономика страны пошла, что называется, вразнос. Пришлось собирать Верховный Совет 1988 года, сделавший для Горбачева тем же, чем стали Генеральные Штаты Франции в 1789 году для Людовика XVI. Поскольку на сессиях этого совета, транслировавшихся по радио и телевидению на всю страну, сразу же активизировались диссиденты во главе с А. Д. Сахаровым, подвергшие правительство убийственной публичной критике.

Осенью 1988 года в Пекине состоялась конференция Всемирной федерации исследований будущего. На одной из ее сессий обсуждался среднесрочный (пятилетний) прогноз будущего СССР. Участники конференции единодушно признали, что горбачевская «перестройка» сможет продолжаться еще не более

трех лет, потому что не позднее осени 1991 года (поразительная точность!) произойдет либо экономический коллапс (опустеют полки магазинов — что и произошло в действительности к концу этого года), либо (и это наиболее вероятно) — социальный взрыв. Столь же единодушно было признано, что после этого почти наверняка будут предприняты попытки стабилизировать обстановку военными мерами — что тоже имело место в действительности. Были отвергнуты варианты стабилизации положения путем разработки аналога плана Маршалла, стабилизировавшего в свое время обстановку в Западной Германии и Японии (это делалось против СССР, а зачем то же самое делать в интересах СССР? Кроме того, в авторитарно-тоталитарных странах любую денежную помощь неизбежно разворуют). Был отвергнут и польский вариант возрождения страны под руководством харизматического лидера типа Леха Валенсы (нет такого лидера в СССР). И только в одном пункте участники конференции осрамились. Они признали невозможным распад СССР по той простой причине, что «телята не бодают корову, которую сосут» (имелись в виду колоссальные субсидии России союзным республикам и их полная нежизнеспособность без таких дотаций). Они не приняли во внимание ту чисто евразийскую специфику, согласно которой многострадальная Россия как раз и окажется той «коровой», которую можно одновременно и сосать, и бодать.

Как раз в это время в Польше развернулось тлевшее долгими годами антисоветское (и антирусское) движение «Солидарность». Нашелся уже упоминавшийся харизматический лидер, движение приняло миллионные масштабы, дело дошло до баррикад, появились десятки убитых, тысячи арестованных. Чтобы не доводить дело до большего кровопролития, польское правительство интернировало лидеров движения. Но антисоветские настроения активизиро-

вались и в других странах Восточной Европы. Надо было принимать тяжелое решение: в четвертый раз бросать танки на подавление народных волнений или попытаться смягчить обстановку либеральными мерами. В это время Горбачев вел политический флирт с английским премьером Маргарет Тэтчер, рассчитывая на ее помощь в прекращении гибельной для СССР гонки вооружений СССР — США.

Видимо, не без влияния Тэтчер Горбачев склонился к либеральным мерам. Поначалу казавшимся вполне безобидными. Уровень жизни в странах Восточной Европы был заметно выше советского (этим надеялись удержать их в советской зоне влияния), но примерно одинаков. Поэтому решили снять запреты при переходе границы между ними. В экономическом отношении возможность крупных спекуляций на разнице цен была минимальной, а взаимный туризм опасности не представлял. Забыли, что такие же запреты и по тем же причинам были сняты между Венгрией и Австрией. Забыли также, что на Западе существуют спецслужбы, готовые эффективно использовать любую «дыру», образовавшуюся в советском «железном занавесе». И при содействии этих спецслужб из ГДР через Чехословакию, Венгрию и Австрию в ФРГ хлынули сначала десятки, потом сотни и, наконец, тысячи автомашин с дипломированными специалистами и квалифицированными рабочими, которых тут же на самых выгодных условиях «пристраивали» в городах Западной Германии. Шел 1989 год.

Это была самая настоящая катастрофа. Вновь возникла дилемма: танки или дальнейшая либерализация обстановки? Склонились к тому, чтобы упростить процедуру перехода из Восточного Берлина в Западный и обратно. Но снова вмешались западные спецслужбы, был раздут ажиотаж, и разъяренные толпы в мгновение ока разнесли ненавистную Берлинскую стену. А за-

тем на волне всеобщего ажиотажа и восторгов немцев было принято решение о воссоединении Германии.

В руках СССР оставалась сильная «козырная карта». В Германии находилась крупная группировка советских войск, за вывод которой Запад пошел бы на многое: и на ликвидацию НАТО, и на вывод из Германии американских войск, и на полную демилитаризацию Германии, и выделил бы миллиарды долларов на строительство в России военных городов для выводимых дивизий. Ничего этого не было сделано. Советские войска, словно разгромленные в сражении, были буквально вышвырнуты «во чисто поле». Да еще правительства Венгрии, Чехословакии и Польши, наивно думавшие усидеть в своих креслах после ухода советских войск, нагло потребовали платы за пропуск советских эшелонов через свою территорию.

Но Москве было уже не до этого. Начались переговоры Горбачева с секретарями компартий союзных республик о расширении прав республик в экономическом и политическом отношении — по сути, о превращении унитарного государства в конфедерацию. Переговоры осложнялись взрывами национализма в самих республиках. В 1990 году дело дошло до вооруженных столкновений в Вильнюсе и Баку. В Москве также колонны «коммунистов» и «демократов» по несколько десятков тысяч человек в каждой дважды едва не доходили до рукопашной, но Горбачеву оба раза удалось направить колонны по разным улицам.

По существу, требовалось любой ценой сохранить складывавшееся веками единое социально-экономическое и культурное пространство бывшей Российской империи. Учитывая реальный раскол общественного мнения на тоталитарное (сталинистское) и либеральное течение, требовалось разделить компартию на собственно коммунистическую и социал-

демократическую. Тогда соревнование между ними помогло бы создать действительно правящую партию (а не орудие тоталитаризма) и оппозицию ей, а также отделить законодательную власть от исполнительной и судебной, то есть начать движение от тоталитарного государства к демократическому.

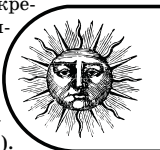
Вместо этого Горбачев месяц за месяцем продолжал бесплодные переговоры о «разграничении полномочий» между центром и периферией. Продолжал в условиях постепенного ослабления центра и соответственного повышения требований периферии.

В это время к описанным объективным факторам добавился чисто субъективный, оказавшийся решающим.

В 1985 году при формировании «горбачевского» Политбюро компартии на ключевую должность секретаря Московского горкома компартии (совмещенную с должностью секретаря ЦК) был переведен из Свердловска тамошний секретарь обкома Б. Н. Ельцин. Переведен, несмотря на то что в отношении него имелись сильно компрометирующие сведения: пьяница и самодур (психопат?).

Но среди секретарей обкомов такое уж более полувека было не редкостью, и, видимо, решили, что в Москве человек оступится. Но запойное пьянство, видимо, переходило в тяжелое заболевание — алкоголизм, и в Москве самодурство Ельцина развернулось во всю ширь (до такой степени, что некоторые гонимые им секретари райкомов кончали жизнь самоубийством). Тогда в 1987 году было принято решение о его почетной отставке: его назначили зампредом одного из госкомитетов.

Однако алкоголики, как известно, отличаются неадекватностью реакций. Вместо того чтобы продолжать пьянствовать «втихую» на предоставленной ему синекуре, Ельцин стал смертельным врагом Горбачева и начал гадить ему, где только мог.

В следующем, 1988 году Горбачев, как уже говорилось, ввязавшись в дискуссии на Верховном Совете СССР, решил, видимо, укрепить свои позиции, сделался председателем Президиума, а потом и председателем Верховного Совета СССР. Тогда Ельцин, в пику ему, в 1990 году вышел из компартии и стал сначала депутатом, а потом председателем Верховного Совета РСФСР. Получилось противостояние: РСФСР, бывшая до того времени чистой фикцией, стала требовать себе такие же права, как и другие союзные республики. Противостояние сопровождалось громкими скандалами, в том числе на телеэкране, где Ельцина показывали пеханым (его сторонники утверждали, что это были «технические трюки»). Популярность Ельцина росла с каждым новым скандалом. Собственно, выступали не столько за него, сколько против опостылевшего всем пустого болтуна Горбачева.

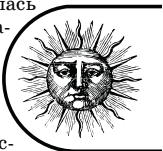
В том же 1990 году Горбачев сделал еще один самоубийственный шаг. Желая дистанцироваться от Политбюро компартии, где противостояние между «сталинистами» и «либералами» становилось все более напряженным, он объявил себя (точнее, организовал избрание себя) президентом СССР. Ему в голову не приходило, что его примеру немедленно последуют партсекретари республик. А также председатель Верховного Совета РСФСР Ельцин. Получилось нечто вроде «двух государств в одном государстве»: президент против президента. Теперь исход борьбы решали КГБ и армия.

В сложившейся обстановке Ельцин, скорее всего, был бы нейтрализован спецназом КГБ, а Горбачев продолжил бы свои бесперспективные переговоры с периферией. Но президент СССР проявил такую трусость и подлость, а руководство КГБ и армии — такую глупость, что из рук вон плохо организованное восстание декабристов в 1825 году (см. о нем выше) представляется образцом слаженности и целесообразности действий.

Началось с того, что в самый ответственный момент, когда требовалось арестовать Ельцина и его окружение, Горбачев с семьей уехал на отдых(!) в Крым. Всем было понятно, что Горбачев «умывал руки»: если Ельцина арестуют, а заодно «пристрелят» секретарей союзных республик — он вернется в Москву триумфатором; если же операция сорвется — он тут якобы ни при чем и может продолжать переговоры дальше.

Когда Горбачев уехал, в Москве объявился ГКЧП — госкомитет по чрезвычайному положению (возможно, все было согласовано с уехавшим). ГКЧП состоял из пяти лиц. Председатель — вице-президент СССР Янаев, бывший комсомольский работник, чисто декоративная, никому не известная фигура. Еще две такие же декоративные фигуры плюс, разумеется, представители армии и КГБ. Вся пятерка появилась крупным планом на ТВ и «отметилась» невразумительным выступлением. Самое большое впечатление на телезрителей произвели показанные крупным планом трясущиеся руки Янаева, изобличившие в нем горького пьяницу. Знать бы телезрителям, что они меняют, по почте, кукушку на ястреба...

После этого ГКЧП отгородился от народа на телеэкране бесконечным «Лебединым озером», обрекая себя на информационную изоляцию и открывая простор антигорбачевской уличной пропаганде. Теперь все зависело от того, насколько умело КГБ и армия «нейтрализуют» Ельцина. Сделать это было уже труднее, потому что Ельцин засел в Белом доме Верховного Совета и правительства РСФСР с толпой сторонников, среди которых были вооруженные военные и даже танки. Но вообще-то такая операция была для советского спецназа делом техники. В Афганистане ситуации случались и сложнее, например советский спецназ взял укрепленный дворец главы государства за считанные минуты. Но ГКЧП из

всех возможных вариантов выбрал наиболее глупый и заведомо провальный.

Утром 19 августа 1991 года москвичи с изумлением увидели на улицах Москвы колонны танков, движущихся к Белому дому. Советские танки на улицах Берлина, Будапешта, Праги — это было понятно: советские войска оккупируют зарубежный город. Но советские танки в Москве — это выглядело нелепо. Что они могли бы сделать без спецназа, даже если бы подошли к Белому дому? А спецназу в таких случаях, как известно, никакие танки не нужны. Тут чем тише и незаметнее — тем вернее.

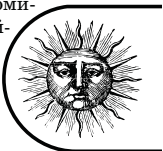
Но танки так и не дошли до Белого дома. Их встретила «живая стена» из тысяч людей (преимущественно молодежи). Трое молодых людей погибли. Со стороны наступающих не было ни ясного плана действий, ни элементарной политической воли. Танки остановились перед «живой стеной», а к вечеру того же дня стало ясно, что КГБ и армия предали Горбачева, переметнулись к более волевой личности — к Ельцину. Вскоре члены ГКЧП отправились в тюрьму (один из них покончил самоубийством), но через короткое время были выпущены на свободу, как совершенно никчемные и безвредные.

Хозяином положения в Москве стал Ельцин (точнее, его ближайшее окружение). Когда Горбачев вернулся из Крыма, он попал в смехотворное, межеумочное положение. Формально он оставался президентом СССР, и снять его можно было только очередными выборами с весьма неясным исходом. Фактически же главой РСФСР стал Ельцин, а союзные республики получили больше свободы действий, чем требовали всего несколько дней назад (хотя впечатление от ГКЧП было для них шоковым: первой реакцией была полная покорность армии и КГБ).

Трагикомическая агония тянулась четыре месяца. Между Москвой, Киевом и Минском (остальными

возмутительно-хамски пренебрегли) шли бесконечные переговоры о том, что конкретно в данном случае можно и нужно предпринимать. Наконец, в конце декабря 1991 года Ельцин, президент Белоруссии Шушкевич и президент Украины Кравчук собрались в Беловежской пуще и решили: смещать Горбачева слишком канителью, проще упразднить СССР и заменить его просто (как тогда думали) похожим новым названием — СНГ (Союз Независимых Государств). Думали: меняется название. А получили гору трупов и миллионы обездоленных, как при вражеском нашествии.

Так бесславно закончилась столь же бесславно начавшаяся история «диктатуры пролетариата» (чиновничье-номенклатурного). В дальнейшем мы ограничимся историей только части единого социально-экономического и культурного пространства — Российской Федерации (в рамках бывшей РСФСР).

Глава 7. ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ (1991 – 20??)

Диктатура олигархата (чиновничье-хапугного)

1

Одолов ненавистного соперника, Ельцин отправился на юг праздновать победу очередным затычным заповом. Но он и не нужен был в Москве на протяжении всех восьми лет своего формального правления по причине полной неспособности к государственной деятельности. Все зависело теперь от того, какую «команду» он поставит у руля правления государством. Понятно, заранее подготовленной команды у людей подобного психического склада не бывает. Пестрая толпа августовских крикунов — не в счет. Поэтому на ключевые посты приходилось ставить лично преданных людей, независимо от их способностей и морального облика.

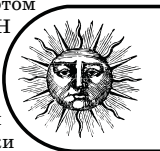
Военным министром он сделал офицера, который рискнул своей карьерой, встав на защиту Белого дома (когда еще не был ясен исход противостояния Горбачев — Ельцин). Офицер оказался не только не способен к государственному мышлению, но даже к военному мышлению на уровне генерала: позорно провалил Первую чеченскую войну, по заведомо корыстным мотивам вооружил чеченских боевиков тяжелым современным оружием со складов Советской армии, а потом предпринял провальную авантюру танкового штурма Грозного. Он подозревался в убийстве журналиста, разоблачавшего его злоупотребления властью, и начал, подобно Брежневу, коллекционировать дорогие иномарки. Его пришлось «по-тихому» убрать со слишком ответственного поста.

Министром иностранных дел вместо Э. А. Шеварднадзе, сыгравшего позорно предательскую роль в «эва-

куации» СССР из Германии и открыто (устаи жены) объявившего о намерении стать правителем «независимой» Грузии (что и произошло после убийства чрезмерно радикального президента-националиста, едва не доведшего дело до войны с Россией), стал заурядный чиновник МИДа, оказавшийся на фиктивном посту министра иностранных дел РСФСР.

Эта история уходит своими корнями к 1942 году, когда Сталин, Рузвельт и Черчилль договаривались о замене бесславно почившей Лиги Наций новой международной организацией — ООН. В нее на первых порах планировалось включить всего несколько десятков независимых (и не фиктивных) государств, объявивших войну Гитлеру и его союзникам. В том числе четыре доминиона Британии: Канаду, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию. На этом основании Сталин потребовал включить в ООН все шестнадцать союзных республик СССР. Его пытались урезонить: ведь доминионы были к тому времени фактически независимыми государствами со своими армиями и посольствами (только главой государства чисто символически у них оставался английский король). Тогда Сталин приказал немедленно создать шестнадцать фиктивных министерств обороны и столько же — министерств иностранных дел. В конце концов пошла на вопиющее нарушение международного права: сторговались на том, что только СССР, в порядке исключения, будет иметь в ООН не одно, а три места (еще два — для Украины и Белоруссии; характерно, что о такой фикции, как РСФСР, даже разговора не было). Понятно, что все 32 «министерства» являлись маленькими канцеляриями без определенного круга обязанностей. То есть были еще одной чистой фикцией.

И вдруг одна такая «фикция» внезапно стала реальностью — Министерством иностранных дел России. Его случайный руководитель с самого начала по-

вел себя как «агент влияния» США. Он, как прежде Шеварднадзе, прославился лишь тем, что безвозмездно передал США северную часть акватории Тихого океана, принадлежавшую России. После чего тоже «по-тихому» был убран с поста министра за полной профнепригодностью.

Примерно такая же история приключилась и в КГБ. Помимо чисто жандармских функций это ведомство отвечало за разведку и контрразведку — важные органы всякого государства. Пришедший сюда офицер «провалил» агентуру и развалил работу ведомства. Возможно, он действовал в убеждении, что «борется» с тоталитаризмом. Но по сути — как и все его коллеги во главе с Ельциным — совершил тяжкое государственное преступление и был отправлен в отставку, как опасный для государства человек.

Почти все остальные министры оказались людьми того же пошиба и не заслуживают упоминания как государственные деятели. С такой «командой» чисто случайных (самое мягкое определение) людей, да еще при таком президенте, решающий голос принадлежал премьеру. Ему предстояло решить, что делать с экономикой, поскольку экономика «казарменного социализма», как и в 1921 году, полностью обанкротилась: полки магазинов по всей стране окончательно опустели, и «социальный взрыв» мог произойти со дня на день. На этот пост, по рекомендации знакомого Ельцина — одного из свердловских преподавателей истмата, был назначен Е. Т. Гайдар — молодой ученик американской школы «монетаризма», рекомендации которой успели разорить экономики множества стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Рецепт спасения был простой: цены «разморозить», а зарплаты оставить прежними. Кроме того, произошло массовое ограбление вкладчиков Сбербанка: их лишили сбережений. Полки действительно заблестели товарами (поскольку покупать стало не на

что), но произошло искусственное массовое обнищание населения. Теперь «социальный взрыв» был неминуем. Вернувшийся с юга Ельцин, по совету своего ближайшего окружения, поспешил убрать опасного доктринера с этого ключевого поста и разрешил «индексировать» зарплаты в соответствии с ростом цен.

Началась «галопирующая инфляция». Сотни рублей в зарплатах и ценах быстро превращались в тысячи, а потом и в миллионы. На новых купюрах пришлось спешно добавлять три дополнительных нуля. При этом уровень зарплаты все время отставал от повышающегося уровня цен. В результате люди «со средней зарплатой» («средний класс», составлявший в СССР подавляющее большинство населения) стали стремительно переходить в «ниже-средний класс» бедняков, а многие — просто на положение нищих, способных прокормиться только со своих «шести соток» и/или воровством.

Главным в первые годы правления Ельцина стала «приватизация» государственной собственности. Его родственник А. Б. Чубайс, назначенный министром финансов, придумал жульнический трюк: каждый гражданин России получал «ваучер» — процентную бумагу, составляющую как бы определенную (несколько рублей) часть национального богатства страны, с которой он мог получать соответствующий «доход». Понятно, подавляющее большинство «ваучеров» пошло у бедняков за бесценок (образно говоря, за бутылку водки). Зато огромное их число собралось в руках горстки богатеев, названных «новыми русскими». В этих руках пустые бумажки превратились в реальные богатства — предприятия, приносившие большие доходы.

Одновременно развернулась столь же жульническая практика «залоговых аукционов». Внес определенный «залог» — и ты можешь за бесценок стать собственником огромного предприятия. Но откуда у

советского человека — и даже у обычного чиновника — мог взяться такой залог? Ясно, что под эту сурдинку людям, связанным с ближайшим окружением Ельцина, раздавались государственные богатства. Иными словами, создавался новый высший класс общества — подлинный хозяин страны. И если в 1917 году высший класс обновился полностью, то в 1991 году это на 80% были все те же партгосчиновники («номенклатура»), дорвавшиеся теперь до личного обогащения.

К 1993 году новая социальная структура постсоветской России выстроилась полностью. Наверху высший класс, увеличившийся за счет ограбления народа с 1 до 2% населения. Это несколько десятков долларовых миллиардеров, поименованных олигархами и сразу начавших играть в жизни страны определяющую роль. Это и несколько тысяч долларовых миллионеров и 2% семей, успешных — якобы на вполне законных основаниях, поскольку действовали на основе постановлений, принятых государством! — обзавестись капиталами в десятки и сотни тысяч долларов. Эти капиталы они, опасаясь потерять шальные деньги в начавшемся водовороте событий, начали миллиардами переправлять на свои тайные счета в зарубежных банках. Получилось нечто вроде червей, высасывающих жизненные силы из государственного организма и обрекающих его на прозябание при любых трудовых усилиях. При этом «первоначальное накопление» приобрело дикие, brutальные формы: владелец или директор предприятия переправлял за рубеж миллионы долларов, а тысячи рабочих и служащих предприятия месяцами (и даже годами!) не получали зарплаты, провалялись — как колхозники при Сталине — картошкой со своих приусадебных участков. Ясно, что такое положение не могло не вызвать широкого протестного движения.

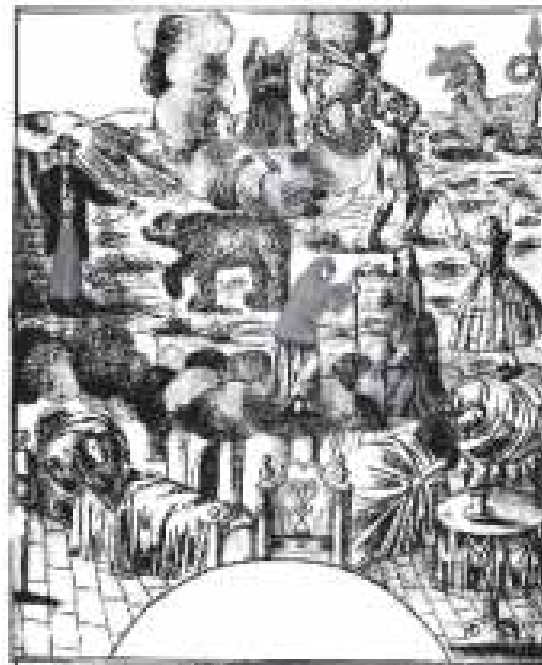
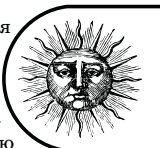
Горстку «новых русских» немедленно смела бы волна народного негодования, но долларовые миллиарде-

ры, получившие насмешливое прозвище «олигархи», опирались на более широкую базу «олигархиата» — примерно 20% (в Москве — более 30%) зажиточных семей выше-среднего и среднего класса, располагавших доходом в пятьсот, тысячу и более долларов на человека в месяц. Конечно, у них не было крупных предприятий, замков за рубежом, яхт, вилл, охраны и прочих принадлежностей олигархии. Но у них были комфортабельные квартиры, дачи, иномарки, они отдыхали за рубежом, обучали детей в платных школах и вузах и имели другие блага, доступные только богатым. Что характерно, в подавляющем большинстве случаев эти доходы никак не соотносятся с официальной зарплатой и получаются в основном из сферы «теневого экономики». Так что создается своего рода круговая порука довольно большого числа людей.

На другом полюсе остальные 80% населения (в Москве, за счет «нефтегазовых денег», повторяем, удельный вес зажиточных слоев населения значительно выше): 50% бедняков с сотней долларов душевого дохода в месяц, которого едва хватает на скудное питание, дешевую одежду и оплату дешевого жилья; 30% формально нищих с сотнями уже не долларов, а рублей душевого дохода, прожить на которые физически невозможно без пресловутых «шести соток», без «даров реки и леса» и без доходов «теневого экономики» (включая воровство).

Ясно, что такая ситуация была, как и прежде, чревата «социальным взрывом», которого удалось избежать благодаря ряду последовавших событий и хитроумному маневру.

Первым в ряду таких событий стало противостояние Ельцина (точнее, его клана) и стоявших за ним олигархов (то есть всего очерченного выше «олигархиата» богатых) с той частью чиновничества, которую обделили при разделе государственных богатств

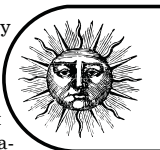

и которая окопалась в Верховном Совете РСФСР. К октябрю 1993 года дело дошло до открытого столкновения, когда вновь все зависело от того, на чью сторону встанет армия (КГБ, напомним, был развален).

Антиельцинские силы возглавили лидеры Верховного Совета Руцкой и Хасбулатов — в недавнем прошлом оба входили в ближнее окружение Ельцина. О моральном облике Руцкого можно судить по тому, что, когда начались военные действия, он открыто вызывал по радио боевую авиацию, чтобы бомбить жилые кварталы, прилегающие к Белому дому. Что касается Хасбулатова, то он, как чеченец, занят был прежде всего созданием «режима наибольшего благоприятствования» для расселения большинства коренного населения Чечни в Москве и других городах России.

Армия встала на сторону Ельцина. К Белому дому, где заседал Верховный Совет, подошли танки, обстреляли и подожгли его. Руцкой и Хасбулатов вынуждены были капитулировать. Ни тот, ни другой никакой политической силы не представляли: после краткого тюремного заключения Хасбулатов вернулся профессором в московский вуз, а Руцкой побывал даже губернатором (правда, прославился лишь женитьбой на собственной секретарше).

Нужно уточнить, что все эти люди действовали не сами по себе, а как приверженные или отверженные члены клана семьи Ельциных, состоявшего из десятков человек. Психика Ельцина существенно ограничивала его дееспособность, однако члены его семьи оказались более чем дееспособными в смысле личного обогащения. Суммы тайных банковских вкладов этой семьи так и остались тайной, но роскошные виллы в России и за рубежом наглядно свидетельствуют о многих миллионах долларов. С этим кланом более или менее тесно сотрудничали олигархи-миллиар-

деры. Их нельзя назвать ворюгами, потому что они действовали на основе ими же инициированных установлений. Поэтому правильнее назвать их хапугами, удачно прикарманивавшими то, что «плохо лежало». По сути, это была диктатура олигархата, если понимать под ним не только миллиардеров, но все «верхние двадцать процентов», заинтересованные в сохранении создавшегося положения.

К 1994 году ситуация в стране несколько стабилизировалась (если не считать протестов против многомесячных невыплат зарплаты на многих предприятиях). Но тут нагрянула новая напасть: Чечня объявила себя «Независимой Ичкерией» и проявила явную агрессивность в отношении соседей, опираясь на переданные ей Россией вооружения и на огромный поток денежных средств, лившийся как от чеченцев, рассыпавшихся по России, так и из Арабских Эмиратов. Попытка подавить это восстание танками потерпела неудачу. Началась затяжная горная война. В конце концов русские окружили моджахедов и обрели их на капитуляцию. Но тут вмешалась Москва, настояла на перемирии — и все началось сначала.

После разгрома Белого дома предстояли выборы в Государственную думу, а в 1996 году — и пере выборы президента. Меж тем рейтинг Ельцина, совсем недавно сравнительно высокий (потому что антигорбачевский), быстро катился к нулю. И тогда «политтехнологи» ельцинского клана придумали стратегию, позволившую Ельцину второй раз одержать победу в казалась бы немислимых для этого условиях.

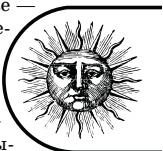
Конечно, в ход пошли обычные демагогия и жульничество на выборах. Явной уликой последнего стала пресловутая «коробка из-под ксерокса», набитая невесть откуда взявшимися сотенными долларовыми купюрами для «смазывания» предвыборной кампании. Но главным оружием стала невиданная до тех пор стратегия. Олигархи, стоявшие за спиной Ельци-

на, «подкормили» (миллионами долларов!) две враждебные друг другу партии: коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ) Зюганова и либерально-демократическую партию России (ЛДПР) Жириновского. В них не было ничего коммунистического и тем более либерально-демократического, просто они поделили между собой электорат, протестовавший против клики Ельцина (коммунисты собрали более 30% голосов, либерал-демократы — более 10%). Действительно либеральные партии, из-за спины которых слишком явственно торчали уши олигархов, собрали считанные проценты. А реальную оппозицию подавили в зародыше (свидетельствую лично).

Было ясно, что коммунисты попытаются осуществить безумную, заранее обреченную на провал попытку восстановить СССР, то есть в перспективе — новое море крови. Национализм либерал-демократов тоже сулил море крови, уже пролившейся в то время в Югославии. Поэтому большинство избирателей выбрали «наименьшее зло» — Ельцина (что и требовалось «политтехнологам»). Ельцин получил мандат еще на четыре года.

Тут уместно прояснить политическую сущность действий ельцинского клана. Мы уже говорили о понятии «агент внешнего влияния», то есть человек, субъективно или объективно действующий в интересах другой, как правило враждебной, страны. Этот человек может даже считать себя патриотом, но фактически он льет воду на чужую мельницу. Именно такими «агентами внешнего влияния» объективно стали Горбачев, Ельцин, Гайдар и все политические деятели подобного толка.

И именно в этом качестве они вошли в историю России.

Ельцин победил на выборах 1996 года с незначительным перевесом. Никакого сравнения с антигорбачевским триумфом 1991 года! И тут же его рейтинг вновь покати́лся к нулевой отметке. Этому содействовали и объективные события, и субъективные качества Ельцина. В объективном плане продолжался развал экономики, ориентированной прежде на «оборонку», а теперь буквально «лежащей на боку» или растаскиваемой по кускам. В субъективном плане роковую роль сыграли крупные планы по ТВ: на них несомненно пьяный Ельцин то «дирижировал» встречавшим его оркестром, то заплетающимся языком толковал что-то о «33 снайперах», которые скоро перестреляют всех чеченцев. Мировую общественность поразило также сообщение о том, что мертвецки пьяный Ельцин не смог выйти из самолета для встречи с президентом Ирландии.

Ельцинский клан попытался укрепить положение Ельцина, введя в его ближайшее окружение трех очень способных людей.

Одним из них был талантливый проходимец, вылитый новый Остап Бендер по фамилии Березовский. Он быстро стал семейным банкиром ельцинского клана и «серым кардиналом» президента, в 1996–1998 годах — фактическим главой государства. Но в августе 1998 года грянул хорошо памятный скандальный дефолт. Правительство жульнически обанкротилось, ограбив не только собственное население, но и иностранных инвесторов (на десятки миллиардов долларов!). Доллар подорожал втрое, и на этом «нагрели руки» многие олигархи, особенно тесно связанные с правительством. Крупный куш получили также 780 высших государственных чиновников, обогатившихся за счет разорения миллионов людей. На этом звезда Березовского закатилась.

Другим был командующий группировкой войск в Приднестровье генерал А. И. Лебедь, снискавший

себе своими критическими выступлениями в СМИ большую популярность в народе. Чтобы привлечь его электорат, его пригласили в правительственные структуры Ельцина, использовали, а потом отправили губернатором в Красноярск, где он и погиб.

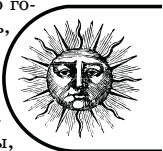
Наконец, третьим стал талантливый помощник питерского мэра Собчака В. В. Путин, которого тот рекомендовал окружению Ельцина. В 1996–1998 годах Путин работал в администрации президента, затем был назначен директором Федеральной службы безопасности, вскоре возглавил правительство, с 31 декабря 1999 года начал исполнять обязанности президента РФ, а 26 марта 2000 года избран президентом, 14 марта 2004 года переизбран на новый четырехлетний срок. Ельцин, обреченный на провал при грядущих выборах, за свою работу получил высшую государственную награду. Так, можно сказать, незаметно совершилась важная рокировка: абсолютно недееспособный президент был заменен вполне дееспособным.

Как подумаешь, насколько бы могла измениться история богоданной России в 1990-е годы, если бы нечто подобное произошло 31 декабря не 1999, а 1991 года!

3

В 1990-е годы развалилась не только экономика России, односторонне ориентированная на «оборонку» (повторяем: 88 копеек с каждого рубля!), то есть практически на борьбу за мировое господство, которое перешло к другой «сверхдержаве», и поэтому тысячи предприятий, учреждений, организаций оказались «ненужными». Обанкротилась также идеология, на которой держалось государство.

Началась агония науки (80% — «оборонка», 19% — «идеология»), в которую в советский период на все льготные условия работы сбежалось 1,5 миллиона

научных работников (по разным оценкам, от 60 до 90% их не имело ни способности, ни даже склонности к научной работе). Плюс 3,5 миллиона человек «научной obsługi». В новых условиях льготы исчезли, и, за исключением горстки энтузиастов, все сбежали либо за рубеж, либо в «коммерческие структуры».

В сложную проблемную ситуацию попала система народного образования. Наша школа, традиционно ориентированная на подготовку в вуз, разделилась на платную («для верхних двадцати процентов») и на деградирующую для остальных; вуз — и государственный, и частный — стал платной фабрикой для производства «корочек»: по специальности пошли работать считанные проценты выпускников. Школа сделалась вторым (после неблагополучной семьи) социальным источником преступности, а система народного образования целиком погрязла в «теневой экономике» взяток и поборов. Теперь для исправления положения требуется поистине петровская политическая воля: ведь каждая попытка нормализации положения бьет по карману педагога, воспитателя, профессора.

В такое же положение попала и система здравоохранения. При «казарменном социализме» она была, по сути, чем-то вроде санчасти в казарме: длинные очереди и низкое качество лечения для «солдат», индивидуальный прием и роскошные палаты для «генералов». Теперь она тоже разделилась на платную (для «верхних двадцати процентов») и деградирующую для прочих. Выход видится в страховой медицине, но для этого необходимо накопление страховых взносов, а откуда они у «солдат» при «казарменном социализме»?

Тяжелее всего пришлось, пожалуй, культуре. Наверное, никто из деятелей культуры «бронзового века» (1920–1970-е годы) и в мыслях не держал тя-

гаться с недосягаемыми высотами золотого и Серебряного века. Но теперь даже корифеи «бронзового века» представляются недосягаемыми высотами для тьмы писателей, поэтов, артистов, художников, музыкантов, архитекторов конца XX — начала XXI века.

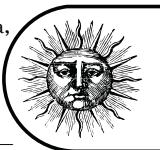
Какие имена назовем? Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Глазунов, Шилов, Плисецкая, Ростропович, Вишневецкая, Пугачева. Да ведь это давно ушедший «бронзовый век»! А где же новый век, пусть хотя бы «железный»?

Из огромного богатства музыкального мира остался в живых только песенный жанр.

Если вспомнить о «роке» — так ведь это же из области наркотиков, разновидность антикультуры.

Если вспомнить о детективах — все та же антикультура, только не в звуках, а в образах.

И вот мы видим ТВ в роли растлителя народа, особенно молодежи. И вот мы видим надругательство над классикой в театре и в кино, уместное разве лишь в студенческих капустниках. Возмутительное, как «новация в искусстве». Гной на теле заживо разлагающегося общества — вот что это такое.

А так называемый силовой спорт? Ведь это же гладиаторы Древнего Рима накануне его падения, с толпами их гробовщиков-вандалов, беснующихся фанатов.

А отношение к природе? Разве покончено с «зонами экологического бедствия»? Нет, они расплозуются, как кляксы на промокашке.

А урбанизация — скучивание населения в мегалополисах, с деградацией сельской среды. Любой многоэтажный дом — даже самый элитный — это всего лишь барак. Это необходимость XX века и позор XXI века. Ни один уважающий себя человек, начиная с Путина и кончая последней поп-звездой, в таких домах не живет. Зато в них стремятся миллионы из городских трущоб, изб, саклей и прочих вигвамов.

А преступность? Мало того что нет предпринимателя, который не платил бы дань разом трем «крышам»: чиновничьей, милицейской и криминальной, так еще вдобавок становится все менее ясным, где кончается чиновник и начинается уголовник (это называется очень деликатно: «коррупция части госаппарата»).

А 70% курящих мужчин и 30% курящих женщин? Ведь восемь-девять из десяти среди них не доживут до пенсии, полжизни проведут в больничных очередях, да еще оставят «никотинизированное» ущербное потомство.

А двадцать миллионов горьких пьяниц, из них не менее четверти тяжело больных алкоголиков? Им мировая медицина не поможет, как Ельцину. Восемь-девять из десяти среди них умрут мучительной смертью до пятидесяти лет. Кроме того, это означает, что в каждой пятой российской семье каждый вечер дома — ад. И нарастает процент тяжело ущербного потомства.

А три миллиона наркоманов? Девять десятых из них погибают до тридцати лет, втягивая в наркоманию детей, подростков, молодежь.

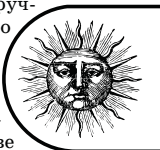
А Богом и людьми проклятая рекрутчина, выгодная только тьме генералов-дачевладельцев. Ведь «верхние двадцать процентов» от нее откупаются почти целиком. От казармы не может вернуться только преимущественно отпетая шпана из небогатых семей, многие с ранней судимостью. Поэтому кошмарная «дедовщина» неизбывна, неодолима. Можно ли с такой армией рассчитывать на победу в современной войне? На мало-мальски удовлетворительную боеспособность?

Вступив на пост Президента РФ, Путин публично заявил, что никакой «реприватизации» не будет, то есть никаких посягательств на высший и высший-средний класс он не допустит. И это — трезвая оценка действительности. Ведь что такое «реприватизация»?

Сегодня каждый третий москвич и каждый пятый россиянин живет в квартире, ездит в автомашине, имеет дачу, отдыхает на курорте, часто обедает в ресторанах, одевается у дорогих портных — и все это имеет весьма отдаленное отношение к его официальной зарплате. Представляете, какой новый кровавый 1917 год потребуется, чтобы «сегодняшних новых русских» сменили «завтрашние точно такие же новые русские»?

Путин приструнил наиболее зарвавшихся олигархов. Двоих (Березовского и Гусинского) изгнал из страны. Третьего (Ходорковского) посадил для острастки прочих в тюрьму. Почти все остальные ушли в тень с политической арены. Прекратил разыгрывавшуюся комедию «про демократию» (псевдодемократию). Сделал обе палаты парламента «ручными», обеспечив подавляющее большинство голосов избирателей проправительственной партии «Единая Россия», и теперь главной задачей стало создать хотя бы видимость оппозиции, для чего приходится искусственно разделять проправительственную партию на две части. В Думе оставили понемножку «коммунистов» (в кавычках) и «либерал-демократов» (тоже в кавычках). Они служат «клапанами» для выхода эмоций недовольных путинским режимом. На крайних флангах — как во всех цивилизованных странах — хулиганят горстки национал-большевиков и национал-социалистов (фашистов). Их, как футбольных фанатов, держат в узде, не допуская слишком масштабных эксцессов.

Действительно либеральное крыло не прошло в парламент: оно полностью дискредитировало себя в глазах избирателей, как рупор олигархов. Теперь для деятелей этого типа возможна только роль «агентов внешнего влияния», наподобие Горбачева-Ельцина-Гайдара. Можно не сомневаться, что такая роль бу-

дет им предложена и что они за нее возьмутся, просто чтобы выжить.

Вообще говоря, дискредитировали себя в глазах избирателей не только «правые». За редкими исключениями, осрамились почти все поголовно политические деятели 1990-х годов. Сложилось парадоксальное положение. Путин заявляет, что не собирается баллотироваться на третий срок (да и не имеет на это права по Конституции, которую можно менять только референдумом). Правда, такие пустяки в России никогда не были препятствием. Но ведь на смену ему нет ни одного реального кандидата. Конечно, Путина можно понять. Он наверняка сознает, что «переделывать» Россию ни за четыре года, ни за восемь лет невозможно, а в излишнем честолюбии, свойственном всем его предшественникам, он пока не замечен: просто добросовестно тянет служебную лямку и, наконец, вздохнет с облегчением, когда уйдет на почетную пенсию (пенсия по возрасту ему, увы, пока недоступна).

Правда, просто так уйти ему не даст его же собственный клан. Чтобы удержаться в кресле, он вынужден был окружить себя «своими» людьми (преимущественно питерцами). Если к власти придет другой клан или хотя бы вернется ельцинский, часть людей которого пришлось убрать, а часть оставить в правлении, питерцев немедленно сметут. Поэтому Путин вынужден будет остаться под тем или иным предлогом (в России такой предлог — пара пустяков), либо придется провести рокировку постов внутри правящего клана.

Об избирателях теперь можно особо не беспокоиться. Путин сделал главное: покончил со скандальными махинациями и социальными потрясениями ельцинского правления, обеспечив стране известную стабильность, выгодно контрастирующую с предшествующим десятилетием. Мало того, стал крепить

государственность, восстанавливать «оборонку» и создавать на месте фиктивного СНГ реальный союз заинтересованных в нем стран: России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

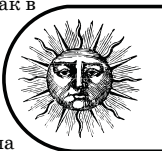
Явно видимых социальных последствий его правления два: во-первых, некоторое оживление рождаемости (верный признак того, что люди почувствовали уверенность в завтрашнем дне); во-вторых, на протяжении всех «путинских» лет — полная социальная апатия, политическая пассивность населения, явно предпочитающего «спокойную жизнь» псевдодемократическим треволнениям. И в этом есть объективное зерно: если не считать семи лет НЭПа (1921–1929), никогда еще Россия за всю свою 1250-летнюю историю не была так сравнительно благополучна, как в первые годы XXI века.

4

Жизнь, как известно, такая коварная штука, что никогда не дает долго спокойно поспать. Путин едва сел в президентское кресло, как на Россию и мир обрушились три проблемы, одна сложнее другой.

В конце XX века ученые-демографы, после долгих лет исследований, сделали научное открытие — пожалуй, самое значительное и самое печальное научное открытие века. Они обнаружили, что при переезде из деревни в город (точнее, при переходе от сельского к городскому образу жизни) человек теряет потребность в семье и детях, совершая таким образом социальное самоубийство.

В деревне полноценными людьми традиционно считаются только отцы и матери семейства. Все прочие — бесправные «чада и домочадцы». Поэтому каждый норовит поскорее создать какую-никакую собственную семью. При этом бездетность рассматри-

вается как огромное несчастье, а однодетность — как ущербность. Ребенок в деревне — помощник родителя. Подросток — заместитель родителя по управлению хозяйством и малышкой. А молодожены — «родня», самая крепкая опора в жизни, «живая пенсия» на старости лет (за неимением никакой другой).

При таких условиях полностью здоровые женщины (таких всегда было меньшинство, но меньшинство значительное: десятки процентов) рожали от десяти до двадцати детей. Да и не у совсем здоровых, как правило, было по несколько детей. Правда, детская смертность была высока, и большинство родившихся умирали в детском или отроческом возрасте. Но все равно в среднем каждые двух родителей в каждом новом поколении (всего через двадцать лет!) сменяло трое-четверо новых. И несмотря на периодический массовый голод, эпидемии, войны — о чем достаточно много говорилось в предыдущих главах — происходил неуклонный рост населения. В России так было с незапамятных времен до 1991 года.

В городе — все наоборот. Никому нет дела, семейный ты или нет. Ребенок физически не может быть твоим помощником. Он — тяжелая обуза, ломающая карьеру матери и очень осложняющая жизнь отцу. Подросток ничьим «заместителем» тоже быть не может, он попадает в противоестественное положение «детей до шестнадцати лет» и встает против такой дискриминации самыми дикими способами. Прежде всего молодежной «контркультурой», воинствующе враждебной господствующей культуре взрослых. Происходит «разрыв поколений», и молодожены все чаще сразу же становятся чужими своим родителям. А пенсия у стариков теперь вроде бы своя, государственная (хотя на деле целиком зависит от количества и качества подрастающего поколения).

Видя это, молодежь не спешит обзаводиться семьей. Сегодня подавляющее большинство молодых

людей до 25 лет не состоят в браке либо попробовали — и разошлись. После 25 лет страх одиночества заставляет большинство искать убежища в семье. Но сегодня каждая пятая семья предпочитает оставаться бездетной, из остальных подавляющее большинство — однодетные. В итоге каждых двух родителей в следующем поколении сменяют уже не трое-четверо, а всего один. Начинается нарастающее преобладание смертности над рождаемостью, именуемое по-научному «депопуляция» (вырождение, выморочность). И у «белых американцев», и у «коренных европейцев», и у русских, украинцев, белорусов.

До 1991 года падение рождаемости в РСФСР до известной степени компенсировалось высокой рождаемостью в азиатских союзных республиках, где переход от сельского к городскому образу жизни только начинался, тогда как в России он к тому времени продолжался целых два поколения. Когда же Россия осталась в одиночестве — рождаемость в одночасье сделалась ниже смертности, и началось вымирание населения со скоростью до миллиона человек в год. Оно продолжается и поныне.

Правда, эта убыль несколько лет в значительной мере покрывалась притоком русских из ближнего зарубежья. Но затем этот поток стал постепенно иссякать. Напротив, из России сбежало на Запад десять-пятнадцать миллионов человек (официальных данных нет) экономически наиболее активного населения, квалифицированных работников. Им на смену пришла неквалифицированная рабочая сила с Украины и из Молдавии, с Кавказа и Закавказья. Результат — резкое ухудшение производственной структуры населения.

«Депопуляция» — это не просто уменьшение, вымирание населения. Это еще и его вырождение, ухудшение его качества.

Раньше в многодетных семьях выживали самые здоровые, которые и передавали свою наследственность следующим поколениям. Теперь выживают даже нежизнеспособные — было бы хорошее медицинское обслуживание. В итоге началось «старение» возрастной структуры населения. В 2006 году впервые в истории страны стариков-пенсionеров стало больше, чем детей, подростков и молодежи. Количество пенсионеров перевалило за треть! Это сигнал: начало конца! Потому что не может существовать общество, состоящее из одних пенсионеров. Появился десяток миллионов инвалидов. Обнаружилось, что у 80% школьников серьезные проблемы с ухом-горлом-носом, зрением, позвоночником, даже с урологией и гинекологией. И все эти бедствия нарастают год от года, потому что от ущербных родителей обычно появляются такие же ущербные дети.

Кроме того, в однодетной семье никто не пустит своего любимца ни за станок, ни за руль автобуса, ни за прилавок, ни на стройку, ни на дорожные работы. Поэтому сегодня в России каждый третий рабочий или продавец — гастарбайтер с юга. А в строительстве — даже каждый второй. Но ведь конец такого процесса мы только что наблюдали в Косово, откуда выросшие численно албанцы изгнали остатки сербов.

Если бы не ожидаемый вскоре переход в качественно новое состояние (см. следующую главу), то судьбу России нетрудно было бы просчитать по годам и головам. Если бы наметившиеся тенденции сохранились на всем протяжении первой половины XXI века, то к середине столетия от 140-миллионной России осталось бы миллионов тридцать, в большинстве — старики и инвалиды.

Между тем в отсталых странах Азии, Африки и Латинской Америки, где переход от сельского к городскому образу жизни только начинается, еще на

протяжении нескольких поколений будет по инерции продолжаться рост населения — после чего эти страны ожидает та же судьба.

Как вы думаете, устоят тридцать миллионов стариков и инвалидов против восьми-десяти миллиардов южан, отчаянно нуждающихся в «жизненном пространстве» и рабочих местах (ведь у них уже сегодня каждый третий — безработный)?

Несколько первых лет XXI века в России никто не мог как следует осмыслить серьезность проблемы. Толковали о том, что это просто «демографические волны после огромной убыли людей во Второй мировой войне» и что «скоро все наладится». Но к 2006 году поняли, что дело пахнет катастрофой, и принялись «латать дыры» планированием увеличения пособий на рождаемость («последние известия» — 250 тысяч рублей на второго новорожденного). Однако горький мировой опыт показывает, что одними лишь деньгами этому горю не поможешь. Обществу необходимы не просто дети, а полностью здоровые дети. И не просто родители, а такие, у которых после получения ими 250 тысяч рублей не пришлось бы отбирать родительские права.

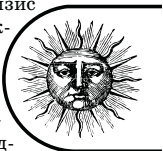
Направляется единственно эффективное решение. Создать педагогические колледжи для подготовки «профессиональных родителей», куда принимали бы по состоянию здоровья и откуда выпускали бы матерей семейств с социальным статусом, равным депутатско-чиновничьему (тем более что таких потенциальных матерей в стране осталось меньше, чем чиновников и депутатов). Теоретически это вполне возможно, но как отнесется к такой новации общественное мнение страны, веками воспитанное на принципе: «Ты родила — ты и мучайся!»

Вторая проблема совершенно неожиданно всплыла в самом конце XX века — практически почти синхронно с приходом к власти Путина (хотя между эти-

ми явлениями взаимосвязь довольно сложная). Дело в том, что существует такая наука — геополитика, которая рассматривает борьбу держав на мировой арене как своего рода шахматную партию. Согласно законам этой науки, победитель в борьбе за мировое господство не может позволить побежденному собраться с силами и возобновить борьбу. Пока тянулось ельцинское «смутное время» и Россия, образно говоря, была повержена навзничь, казалось, что Третья мировая война закончилась.

Но вот к концу века в России появился новый лидер. Россия явно начала восстанавливать свой потенциал. Тут же последовала реакция: резко ускорился процесс вовлечения стран Восточной Европы в НАТО с приближением американских военных баз к границам России. Одновременно возник кризис в югославской области Косово. Высокая рождаемость проникших туда албанцев привела к возникновению там албанского большинства, которое подняло вопрос об отделении этой области от Югославии. Сербы попытались воспротивиться этому силой, но они были последними союзниками России в Восточной Европе (если не считать Беларуси, традиционно связанной союзными узами с Россией), и США превратили Югославию в полигон для «точечных бомбардировок», которые нанесли большой ущерб экономике страны и в конечном счете привели ее к капитуляции и переходу в американский лагерь.

Кроме того, еще в 1980-е годы США руками своего союзника Пакистана создали в Афганистане мощную военную группировку талибов, которые должны были прорваться через слабые заслоны в Узбекистане и Казахстане к Казани и Уфе. Это пахло угрозой полного развала России. А в начале XXI века последовали памятные всем «цветные революции» в Грузии и на Украине, смысл которых был в переходе обеих стран в

лагерь НАТО. При этом Грузия превратилась в плацдарм для атаки на Россию через Абхазию и Южную Осетию.

Таким образом, Третья мировая война, начатая в 1946 году фултонской речью Черчилля, вовсе не закончилась, как были уверены почти все в мире, развалом СССР в 1991 году. Она продолжилась — правда, в иных формах — и явно имеет своей целью развал России.

Однако неожиданно — и тоже на рубеже двух столетий — дала себя знать еще одна мировая война (четвертая по счету), которая спутала все карты и сделала международные отношения невероятно сложными.

Эта война родилась двумя годами позже Третьей — в 1948 году, в Палестине, где договорились о создании двух государств (арабского и еврейского) с нейтральным Иерусалимом между ними. Пока арабы ссорились между собой, евреи создали государство Израиль со столицей в Иерусалиме. Арабы попытались сбросить евреев в море, но не учли, что за Израилем стояла вся военная мощь США, поэтому были разгромлены, после чего Израиль захватил всю Палестину, образовав там под своим контролем арабские автономии. Арабы слыше двадцати лет готовились к реваншу, создали Объединенную арабскую республику от Египта до Сирии, единую армию, вооруженную советскими танками и самолетами, и приготовились ко второму удару. Однако евреи превентивным ударом за семь дней вновь разгромили арабов, после чего Израиль вышел к Суэцкому каналу, а миллионные потоки арабских беженцев хлынули в Иорданию и Южный Ливан.

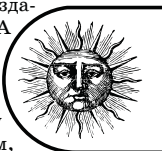
Хрупкое равновесие между христианским севером и мусульманским югом Ливана (на севере там тоже живут арабы, но христиане-марониты) было нарушено, и там целых десять лет (1975–1985) бушевала гражданская война. Позднее огонь войны перекинул-

ся на Балканы — в Косово и Македонию. Чечня, финансируемая исламскими экстремистами, сделалась одним из театров военных действий этой войны. А в самой Палестине стали умножаться террористические акты против израильтян. Однако до самого начала XXI века все эти военные действия считались локальными, максимум — региональными.

Все изменилось 11 сентября 2001 года, после чудовищной провокации в Нью-Йорке и Вашингтоне. В организации этой провокации до сих пор столь же мало ясности, сколь и в убийстве Кеннеди. Очевидно одно: исламский радикализм объявил США (вообще Западу) еще одну мировую войну, которой мы присвоили четвертый номер. США поспешили разгромить ими же вскормленных, но «взбесившихся» талибов, и оккупировали Афганистан. Затем угроза создания в Ираке ядерного оружия побудила США оккупировать и Ирак, где они надолго увязли, как некогда мы — в Афганистане. Затем последовала по тем же причинам конфронтация с Ираном, но до оккупации дело не дошло: этому воспротивились союзники США. Таким образом, Четвертая мировая война охватила практически весь Ближний и Средний Восток, включая Кавказ. Нарастающая угроза террористических актов привела к сближению США с Россией. Сложилась парадоксальная ситуация: если в Третьей мировой войне США и Россия — враги, то в Четвертой — союзники.

Такова реальная действительность первых шести лет XXI века.

Опять-таки, если абстрагироваться от неизбежно-го вскоре перехода в качественно новое состояние, то судьба Четвертой мировой войны очень напоминает судьбу Древнего Рима. На одном полюсе — разложившееся жаживо загнивающего и умирающего общества, с его культурами насилия (современные гладиаторы), извращенной похоти, наркодурмана (включая нарко-

музыку, вообще наркоискусство). На другом — миллиард(!) безработных, миллионы которых правдами и неправдами рвутся в умирающий мир, тысячи готовы пожертвовать жизнью, чтобы взорвать десяток «неверных», десятки тысяч готовы встать в ряды моджахедов, чтобы ненавистный Запад повторил судьбу Константинополя и превратился в Стамбул. А Запад тем временем погрязает в раздорах и утопает в квазидемократической болтовне.

Особенно ярко видно это на примере постсоветского пространства.

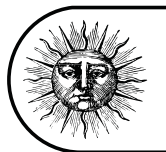
Не секрет, что Россия в свое время была империей и ее правопреемник СССР — тоже. Но точно так же не секрет, что почти все осколки бывшего СССР — Эстония, Латвия, Литва, Украина, Молдова, Грузия — представляют собой точно такие же «мини-империи», где «титупольные нации» дискриминируют «нетитупольные». С той разницей, что Россия вынуждена была «подкармливать» окраины, чтобы привязать их к себе, а «мини-империи» держатся на шовинизме, на дискриминации русского меньшинства. Россия же все это не только терпеливо сносит, но снабжает шовинистов «дешевым газом», открывает ворота для миллионов гастарбайтеров с Украины, из Молдовы, с Кавказа.

Распад СССР оставил кровоточащие раны — «непризнанные» республики: Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия. Шовинисты пытаются аннексировать их военной силой. Россия отвечает «миротворчеством». Накал страстей растет с каждым месяцем. Предаст ли Россия своих естественных союзников? Допустит ли дальнейшее продвижение НАТО к своим границам?

Здесь мы из области истории переходим в область футурологии. Впрочем, весьма краткосрочной футурологии. Потому что третья, и последняя, проблема, которая озадачивает правительство Путина в сере-

дине первого десятилетия XXI века, имеет тенденцию полностью сформироваться в обозримом будущем максимум двух-трех ближайших десятилетий. Это — уже несколько раз упомянутая нами проблема перехода России и всего человечества в качественно новое состояние.

Она заслуживает особого рассмотрения.

Глава 8. ПЕРЕХОД В КАЧЕСТВЕННО НОВОЕ СОСТОЯНИЕ (первая половина XXI века)

Грядущая диктатура компьютера-Интернета

1

Всего несколько лет назад это показалось бы чистой фантастикой. Сегодня фантастика становится реальностью на глазах. Всего несколько лет назад сообщения о том, что инженерам известны принципиальные черты четырех следующих поколений компьютера и информационных сетей типа Интернета, казались по меньшей мере дискуссионными. Сегодня мы видим воочию первый «росток» первого нового поколения — только что ставший привычным мобильник, напрямую связанный с Интернетом.

Пути преобразования мобильника в столь же портативный ноутбук высокой информативной емкости инженерной мысли уже известны. Сложнее обстоит дело с монитором. Но и здесь известны принципиальные решения: либо надвигающийся на глаза шлем типа того, что мы видим у велосипедистов, либо «спецочки», дающие тот же эффект, что и сегодняшний компьютерный монитор.

Создание такого компьютера нового поколения произведет в жизни человечества переворот более сильный, чем те, которые дали все механизмы, приборы, аппараты и машины с древнейших времен до наших дней. По сути, виртуальный мир компьютера во многом уравнивается с реальным. Можно будет продолжать ездить за какой-то информацией на учебу,

на работу, в командировку, в турпоездку, к друзьям и знакомым. А можно будет получить всю необходимую аудио- и видеoinформацию, не выходя из дома.

С одной стороны, это большое благо. Экономится время и горючее, не наносится ущерб природе, сокращается астрономическое сегодня количество жертв на дорогах и так далее. С другой стороны, придется создавать искусственные условия для личного общения людей. Иначе человек уподобится Маугли в своих «электронных джунглях». Кроме того, откроются дополнительные каналы для преступности, особенно для терроризма. Если сегодня умелый хакер может вывести из строя своим «вирусом» тысячи компьютеров, ограбить банк на миллионы долларов, взорвать радиоуправляемую мину, то завтра — при уравнивании виртуального мира с реальным — можно будет парализовать информационную систему целой страны, «взорвать» ее экономику (такие попытки успешно предпринимались в конце XX века, задев в 1998 году и нашу страну), безнаказанно лишить жизни уже не тысячи, а сотни тысяч людей. Это означает, что «компьютерного преступника», тем более «компьютерного террориста» — во избежание хаоса и чудовищных человеческих жертв — придется арестовывать не после совершения им преступления, а превентивно, *до того*. Для чего потребуются принципиально иная организация судопроизводства, полиции, вооруженных сил.

Все это ожидается в США и Японии на протяжении ближайших пяти-десяти лет, в остальных странах мира, включая Россию, на десять-пятнадцать лет позже. Вспомним: всего десять лет назад привычный ныне мобильник был редкой экзотикой.

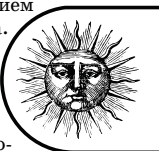
Второе будущее поколение компьютера ожидают всего на пять-десять лет позже первого. Оно, по мнению многих специалистов, скорее всего примет харак-

тер целенаправленных компьютерных медицинских программ. Человек, обзаведшийся подобной программой, получает «диагностический центр на дому». Компьютер будет круглосуточно анализировать состояние всех органов человеческого тела, ставить диагнозы и давать рекомендации. Нетрудно представить себе, насколько облегчится при этом работа врача. А главное — существенно продлится жизнь человека, сохранится его здоровье. Такое благо конечно же бесценно. Но нельзя забывать, что и здесь одновременно открываются каналы для преступного манипулирования личностью человека. Для такого «яда» и тут потребуются своевременное «противоядие».

Третье будущее поколение компьютера (еще на пять-десять лет позже), по тем же оценкам, скорее всего, будет связано с целенаправленным изменением физического и психического облика человека. Кому из нас не хотелось бы иметь нормальный рост и вес, стройную фигуру, «правильные» черты лица, стать не истеричным холериком-меланхоликом, а жизнерадостным сангвиником? Уже сегодня в большом ходу «рецепты похудения», пластические операции и тому подобное. Компьютер в принципе способен «подкорректировать» облик человека более эффективно. Мало того, он способен «запрограммировать» не только пол ребенка, но и его будущий облик. При этом отпадут кошмарные ныне демографические проблемы. Младенцев «из пробирки» можно наготовить столько и таких, сколько и каких прикажет начальство. Только нельзя забывать, что человек — животное не столько общественное, сколько стадное, подверженное стадной моде. Как будет выглядеть человеческое общество, если все будут выглядеть «на одно лицо» (модное) и обладать «одинаковым характером» (модным)?

Уже здесь мы видим опасность умаления собственного человеческого начала и усиления «надчеловеческо-

го», «сверхчеловеческого», нечеловеческого в человеке. Эта опасность, если не учесть ее заранее, способна привести человечество к катастрофе.

Еще более соблазнительно (и, может быть, еще более катастрофично) четвертое — и последнее в поле зрения наших сегодняшних «технарей» — поколение компьютера: его симбиоз с человеческим организмом и появление принципиально нового, кибернетического организма, киборга.

Соблазнительно потому, что во многих отношениях машина гораздо эффективнее человека (правда, необходимо определить, что такое эффективность). Как известно, человеку свойственно ошибаться, ошибающаяся же машина — брак, идущий в металлолом. Туда же отправляются влюбленная, впадающая в грех, увлекающаяся, безобразящая и так далее машины. Главное же, человек-машина всегда возьмет верх над человеком, особенно над благородным мечтателем, подчинит его себе, превратит в своего раба. Основатель кибернетики Роберт Винер предупреждал, что если не остережешься, человек со временем сделается рабом компьютера, рабом машины.

Вопрос сводится к тому, чего остерегаться и как остерегаться.

И все же без киборга человечеству XXI века все равно не обойтись. Становится все более ясно, что осваивать Луну, Марс, Венеру, всю Солнечную систему, океанские глубины, высокогорья и так далее, скорее всего, придется именно киборгам, специально приспособленным для жизни в такой среде.

Так что, вероятно, человеку предстоит научиться уживаться с киборгом.

2

Параллельно с четырьмя будущими поколениями компьютера специалисты видят четыре будущих поколения информационных сетей типа Интернета.

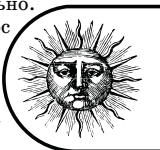
Ясно, что Интернет не навсегда останется тем «информационным хаосом», каким он является сегодня. И не потому, что он на 90% забит, мягко говоря, неконструктивной информацией, а потому, что в условиях уравнивания виртуального мира с реальным он может стать слишком опасным для существования человечества. Если сегодня подонок, почерпнув из Интернета необходимую информацию, убивает десяток и ранит несколько десятков человек, то завтра с помощью Интернета он снесет полгорода, а то и целый город.

Речь не о цензуре, а о способах «отсечь» информацию, опасную для миллионов людей, о превращении «информационного хаоса» в «информационный космос», куда вход преступникам запрещен или хотя бы затруднен. Произойдет это обязательно.

Произойдет в самое ближайшее время. Вопрос только в том, произойдет ли после чудовищного террористического акта или до него. Или, точнее, сколько подобных актов способно вынести человечество, прежде чем перейдет к самообороне?

Это и будет первое, после современного Интернета, будущее поколение информационных сетей.

Коль скоро «информационный хаос» — под страхом смерти человечества — превратится в «информационный космос», на него можно будет возложить задачи, человеческому разуму непосильные. Например, вычислить время и место зарождения урагана, чтобы «погасить» его в зародыше, скажем, электроразрядом. Или вычислить время и место очередного землетрясения, чтобы серией целенаправленных взрывов «смягчить» смещения на земной поверхности. Если же начать строить сейсмостойкое жильё, автоматически отключать коммуникации при определенном балле по шкале Рихтера, автоматически включать «лежачих полицейских» на автодорогах, чтобы из-

бежать авткатастроф — можно будет в разы уменьшить количество жертв землетрясений. Или вычислить время и место грядущего наводнения (цунами), чтобы заблаговременно предупредить жителей и дать им возможность спасти себя, скот, имущество. Или вычислить время и место падения на земную поверхность крупного небесного тела, чтобы успеть отклонить его траекторию или рассыпать в прах атомной ракетой. Этот перечень можно продолжить, и эти задачи будут решать информационные сети второго будущего поколения.

Коль скоро, однако, информационные сети оказываются способными совершать такие подвиги, почему бы не заставить их работать в эвристическом режиме? Дал команду: чтобы никаких ураганов, землетрясений, наводнений, опасных метеоритов — а там уж информационные сети пусть сами разбираются, как этого достичь. Это и будет третье, предпоследнее, будущее поколение информационных сетей.

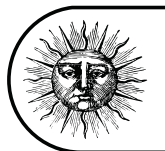
А теперь представим себе, что информационные сети, работающие в эвристическом режиме, столкнутся с задачами, перед которыми человеческий разум пасует. Например, какой мы хотели бы видеть земную поверхность и каковы критерии оптимизации? Каким мы представляем освоение Луны, Марса, Венеры, спутников «больших планет» Солнечной системы? Ведь одна серьезная ошибка в расчетах — и нет больше человечества.

Можно ли и нужно ли «оптимизировать» саму Солнечную систему, Галактику, Метагалактику? И по каким критериям? Вот уж поистине вряд ли это человеческого ума дело. А для информационных сетей — просто очередная сложная задача.

Так может быть, на этом уровне развития информационных сети перестанут быть просто «сетями», а превратятся в то самое «лучистое человечество», о котором мечтал в свое время К. Э. Циолковский?

3

Таким в общих чертах представляется сегодня неизбежный и недалекий переход человечества в качественно новое состояние. Остается вопрос: как поступит «лучистое человечество» с человечеством современным, со всеми странами мира, в том числе и с моей богоданной Россией, которая видится лишь каплей в этом море совершенно новых проблем?

Экономические Стратегии

www.estrategii.ru

**Журнал для тех,
кто стратегически мыслит,
решает, учится и учит —
словом и делом!**

Полный перечень в каталоге «Экономические Стратегии»
12500 — для индивидуальных читателей
12500 — для организаций и компаний
Получить можно по адресу: Москва, Россия

Адрес редакции: Россия, 125080, Москва,
Средний 4 д.д. Б/Т. 105, 1 этаж 4.
Тел./факс: 1250-234-9934/97
E-mail: info@estrategii.ru

Международная академия исследований будущего
Академия прогнозирования

Бестужев-Лада Игорь Васильевич

МОЯ БОГОДАННАЯ РОССИЯ

Очерк истории восьми диктатур
(862 — 2000 — 20??)

Ответственный за выпуск *О. П. Бардова*
Дизайн, верстка *Б. Д. Шульгин*
Редактор *Л. С. Климович*
Корректор *Ю. В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Издательский центр: +7 (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Тираж 1000 экз.

Бестужев-Лада И. В.

Б537 Моя богоданная Россия. Очерк истории восьми диктатур
(862 — 2000 — 20??) / И. В. Бестужев-Лада. — М.: Институт
экономических стратегий, 2007. — 280 с.
ISBN 978-5-93618-132-0

Книга представляет собой опыт философии истории России. Языком публициста раскрывается суть более чем тысячелетней диктатуры традиций, нравов, обычаев, которые до сих пор во многом определяют жизнь народов страны. Описываются особенности диктатуры варяжских конунгов-князей, татаро-монгольских Чингисидов, боярства, дворянства, «пролетариата» (чиновничье-номенклатурного), олигархиата (чиновничье-хапунного). Книга не является ни учебником истории, ни философским трактатом. Просто — книга для чтения, написанная историком и социологом, рассчитанная на самый широкий круг читателей и прежде всего на лиц, принимающих решения.

УДК 94(470+571)+321
ББК 63.3-3